
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

ПОЛИТОЛОГИЯ

2021. Том 15. № 4

Редакционная коллегия

Л. А. Фадеева (гл. редактор), Н. В. Борисова, И. М. Бусыгина,
В. Я. Гельман, И. В. Мирошниченко, П. В. Панов, В. Н. Руденко,
И. С. Семененко, А. В. Стародубцев, К. А. Сулимов
Ответственный секретарь – Н. М. Беляева

Редакционный совет

Бусыгина Ирина Марковна, д.полит.н., профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург)
Бушар Мишель, профессор, Университет Северной Британской Колумбии (Канада)
Малинова Ольга Юрьевна, д.филол.н., профессор, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)
Морозова Елена Васильевна, д.филол.н., профессор, Кубанский государственный университет
Мацузато Кимитака, профессор, Центр славянских исследований университета Хоккайдо (Япония)
Росс Камерон, профессор, Университет Данди (Великобритания)
Саква Ричард, профессор, Кентский университет (Великобритания)
Сморгунов Леонид Владимирович, д.филол.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет
Фадеева Любовь Александровна, д.и.н., профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет
Филиппов Михаил Георгиевич, профессор, Университет штата Нью-Йорк в Бингемтоне (США)

Редактор – составитель номера К. А. Сулимов

© Редакционная коллегия, 2021

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свид. о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-68264 от 27 декабря 2016 г.

СОДЕРЖАНИЕ

История и теория политики

<i>Мухарямов Н. М.</i> Языковая политика и политика языка: к вопросу о «действующих лицах»	5
<i>Толокнев К. А.</i> Боты, ведущие народ? Модель влияния ботов на политическую мобилизацию и демобилизацию в социальных медиа	16
<i>Сидоров В. В.</i> Этнические партии как катализатор этнических конфликтов: теоретические и эмпирические аргументы	30

Политические институты, процессы, технологии

<i>Соболева А. В., Григорьев И. С.</i> «Цветные революции» на постсоветском пространстве: стабильность и изменчивость режима как следствие отступничества элит	36
<i>Гилева А. И., Шевцова И. К.</i> Имеют ли значение регионалистские партии? Факторы активности еврорегионов в Европейском союзе	49
<i>Грабевник М. В.</i> Регионалистский лоббизм в институтах Европейского союза	63
<i>Бедерсон В. Д.</i> Дорогие москвичи: качественный сравнительный анализ голосования за оппозицию на муниципальных выборах в Москве в 2017 г.	75
<i>Баранов А. В., Васюк С. В.</i> Этнические и конфессиональные отношения как фактор этнополитического процесса в Крыму (по материалам опросов)	88
<i>Васькин И. А.</i> Влияние политического курса избираемых органов власти на неизбираемые в опекунских режимах: кейс рекрутирования в ассамблею по определению целесообразности Ирана	97

Обзоры, рецензии, аналитика

<i>Панов П. В.</i> База данных «Субнациональный регионализм и многоуровневая политика (REG-MLG)»	111
<i>Брюханова А. А.</i> Политический интернет-активизм: теоретический обзор основных форм и моделей исследования	121
<i>Козлова Н. Н., Монахова Ю. А.</i> Сравнительный анализ политических биографий женщин-депутатов региональных парламентов РФ: поколенческий аспект	131
<i>Назукина М. В., Сулимов К. А.</i> Макрорегионы в территориально-политическом дискурсе депутатов Государственной думы РФ (на примере Урала)	146
К сведению авторов	158

Bulletin of Perm University. Political Science.

“**Bulletin of Perm University. Political Science**” is a peer-reviewed academic journal that sees its mission in sustaining a high level of academic discussion, which corresponds with the international political sciences standards. The journal publishes research articles, reviews of current issues in both English and Russian languages, which have not been published previously and are not under consideration for publication elsewhere.

Since 2010 the journal is on The list of leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main scientific results of dissertations for the academic degrees of a doctor and candidate of sciences should be published (list of Higher Attestation Commission).

“**Bulletin of Perm University. Political Science**” is included in the national information and analytical system “Russian Science Citation Index” (RSCI) and is available in the E-library.

Editorial Board

Editor-in-Chief – Lyubov A. Fadeeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Political Science, Perm State University

Members of Editorial Board:

Nadezhda V. Borisova – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Political Science, Perm State University

Irina M. Busygina – Doctor of Political Sciences, Professor, Higher School of Economics – Saint Petersburg

Vladimir Ya. Gelman – Candidate of Political Sciences, Professor, European University at Saint Petersburg and University of Helsinki

Inna V. Miroshnichenko – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University

Petr V. Panov – Doctor of Political Sciences, Professor, Chief Research Fellow, Department of Research on Political Institutions and Processes, Perm Federal Research Center, Ural Branch of RAS

Viktor N. Rudenko – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Corresponding Member of RAS, Director of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of RAS

Irina S. Semenenko – Doctor of Political Sciences, Corresponding Member of RAS, Deputy Director for Scientific Work, IMEMO RAS

Andrey V. Starodubtsev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Applied Political Science, Higher School of Economics – Saint Petersburg

Konstantin A. Sulimov – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Political Science, Perm State University

Executive Secretary – Natalya M. Belyaeva, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Perm State University

Editorial Council

Busygina Irina (Higher School of Economics – Saint Petersburg, Russia)

Bouchard Michel (University of Northern British Columbia, Canada)

Malinova Olga (INION of Russian Academy of Science, Higher School of Economics, Russia)

Matsuzato Kimitaka (Slavic Research Center of Hokkaido University, Japan)

Morozova Elena (Krasnodar University, Russia)

Ross Cameron (Dundee University, United Kingdom)

Sakwa Richard (Kent University, United Kingdom)

Smorgunov Leonid (Saint Petersburg University, Russia)

Fadeeva Lyubov (Perm State University, Russia)

Filippov Mikhail (State University of New York at Binghamton, USA)

CONTENT

History and theory of politics

<i>Mukharyamov N. M.</i> Language policy and language politics: the question of actors	5
<i>Toloknev K. A.</i> Bots leading the people? Model of social bot's impact on political mobilization and demobilization in social media	16
<i>Sidorov V. V.</i> Ethnic parties as a catalyst of ethnic conflicts: theoretical and empirical arguments	30

Political institutions, processes, technologies

<i>Soboleva A. V., Grigoriev I. S.</i> The “coloured revolutions”: regime stability and change as a matter of elite defection	36
<i>Gileva A. I., Shevtsova I. K.</i> Do regional parties matter? Factors of activity of euroregions in the European Union	49
<i>Grabevnik M. V.</i> Regionalist lobbyism in European Union institution	63
<i>Bederson V. D.</i> Dear muscovites: a qualitative comparative analysis of voting for the opposition in the municipal elections in Moscow in 2017	75
<i>Baranov A. V., Vasyuk S. V.</i> Ethnic and religious relations as a factor of the ethnopolitical process in Crimea (based on survey materials)	88
<i>Vaskin I. A.</i> The influence of the political course of the elected authorities on the unelected ones in tutelary regimes: the case of the recruitment to the expediency discernment council of Iran	97

Reviews and analytics

<i>Panov P. V.</i> Database «Subnational regionalism and multi-level governance (REG-MLG)»	111
<i>Briukhanova A. A.</i> Digital activism: forms and theoretical approaches	121
<i>Kozlova N. N., Monahova Ya. A.</i> Comparative analysis of political biographies of women deputies of regional parliaments of the Russian Federation: generational aspect	131
<i>Nazukina M. V., Sulimov K. A.</i> Macro-regions in the territorial-political discourse of deputies of the State Duma (on the example of the Urals)	146

Information for the authors	162
--	-----

История и теория политики

УДК-323

DOI: 10.17072/2218-1067-2021-4-5-15

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ПОЛИТИКА ЯЗЫКА: К ВОПРОСУ О «ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦАХ»

Н. М. Мухарямов

Мухарямов Наиль Мидхатович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, политологии и права,

Казанский государственный энергетический университет.

E-mail: n.mukharyamov@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-3810-824X).

Аннотация

Рассматриваются перспективы концептуальной систематизации форм и способов индивидуального участия в отношениях по поводу языка и политики. Комплекс отношений этого типа предлагается анализировать дифференцированно, используя два пересекающихся, но не совпадающих семантических круга, образуемых вокруг категорий «языковая политика», с одной стороны», и «политика языка» – с другой. В первом случае подразумевается курс целенаправленного властно-управленческого воздействия на культурно-коммуникативное устройство, на коммуникативные системы различного уровня, в том числе – на этноязыковое многообразие, на позиции миноритарных языков. Во втором – речь идет об аналитических подходах, дополняющих традиционную («классическую») картину языковой политики. Политика языка может пониматься как определенная субструктурная сторона социального пространства или одного из его полей. Здесь присутствует весь спектр разнородных взаимодействий – политико-языковых отношений, в которые вовлечены «действующие лица» не только на институциональном, но и на групповом и индивидуальном уровнях. Такого рода вовлеченность может приобретать как преднамеренный, осознанный характер, так и не мотивированный специальным образом, спонтанный вид, связанный не столько с целедостижением, сколько с сопутствующими эффектами и последствиями. Отсюда вытекает некоторая нюансировка, связанная со спецификой контекстов, – категории «субъекты» и «акторы» могут пониматься как атрибуты собственной языковой политики, тогда как «агенты» – политики языка. Одни демонстрируют политические интенции в области языковых ситуаций в целом (на мезо- и макро- контурах), другие же могут функционировать на уровне частных притязаний, например, в отстаивании языковых прав и в практике на микроуровне.

Ключевые слова: языковая политика; политика языка; политико-языковые отношения; участники; субъекты; акторы; агенты.

Академическое и экспертное освоение областей, тем или иным образом связанных с языком и политикой, демонстрирует заметную трансформацию в постановке самого предмета внимания, в определении границ и конфигурации соответствующей дисциплины научного знания.

Расширение исследовательской повестки по поводу взаимодействия языка и политики по своему реструктурирует некоторые познавательные приоритеты. Обобщающая историко-научная реконструкция в этой области еще, вероятно, находится в ожидании специального изучения. Однако уже вполне отчетливо прослеживаются некоторые линии, среди которых общепризнанное место принадлежит отходу от монопольного видения роли государств в управлении языковым устройством общества в пользу более полицентричной картины происходящего и диверсификации форм политико-языкового участия (Blommaert, 2007; Blommaert et al., 2009; Glasgow, Bouchard, 2019; Zhao, Baldauf, 2012). Все чаще в кросс-дисциплинарных перспективах к проблематике «действующих лиц» на аренах языкового регулирования обращаются и российские исследователи. Одно из самых заметных мест здесь принадлежит работам Н. В. Борисовой, в том числе – тем, которые специализированно

связаны с темой соотношения акторно-структурных аспектов и агентивности (См., например: Борисова, 2019).

Методология и методы исследования

Отправные моменты теоретико-методологического порядка в предлагаемом изложении связаны с ориентацией на конвергентные структуры общественности. Это открывает возможности соединения принципов и инструментов анализа лингвистических и экстралингвистических аспектов во взаимодействии языка и политики, которые обладают различной отраслевой принадлежностью.

Исследование субъектности в языковой политике в программной публикации Э. В. Хилхановой, включая типологическую характеристику акторов, предложено проводить на сконструированном по-новому методологическом основании. Это – теория и практика дискурсивного «поворота к людям» и методология дискурсивной социолингвистики, включая политические контексты, установки и мотивации индивидов и групп (Хилханова, 2020: 758, 763–764). Такую позицию можно без преувеличения расценивать как крупный шаг в направлении формирования политической лингвистики как самостоятельной суб- и междисциплинарной области знания.

Вместе с тем дискурсивным сторонам участия в языковом регулировании могут быть предпосланы некоторые важные характеристики в связи с тем местом, которое занимают «действующие лица». Эпистемологически это может фиксироваться в *топологической* парадигме «социального пространства» Пьера Бурдьё: «Агенты и группы агентов определяются, таким образом, по их *относительным позициям* в этом пространстве», а отношения сил в соответствующем поле «несводимы к намерениям индивидуальных агентов или же к их непосредственным *взаимодействиям*» (Бурдьё, 2005: 15). В свете этих идейных ориентиров языковая политика предстает как нечто, тяготеющее к субстантивному образу, а политика языка – к реляционному. Именно такое видение, взаимно соотносящее позиции всех участников политико-языковых отношений, позволяет говорить о политике языка как особом (суб)поле. Эта часть пространства включает, разумеется, и дискурсивные измерения как одну из важнейших сторон своего функционирования.

В последующем изложении используются подходы, основанные на принципах концептуального моделирования и построения обобщающих схем.

Язык и политика: способы категоризации участия

Современное состояние зарубежных и отечественных разработок по языковому планированию и языковой политике характеризуется приоритетностью задач концептуальной систематизации многообразных форм человеческого участия в тех или иных контекстах. Одно из центральных мест здесь принадлежит, как уже было отмечено, теме агентивности, при освещении которой можно выделить две принципиально различающиеся перспективы.

Первая (по-видимому, наиболее широко представленная) из них – это дедуктивный подход к классификации, когда те или иные номенклатуры «игроков» выстраиваются по произвольно отобранным признакам и выглядят как перечисление элементов. Характерным признаком в этом случае выглядит то, что понятия «участник», «субъект», «актор», «агент» используются не в терминологизированном варианте, практически как синонимы.

Вторая связана с предлагаемыми мерами типологии и категоризации присутствующих здесь «персонажей». Соответственно различные способы и роли последних становятся предметом дифференцированного видения.

Если говорить о наиболее показательных иллюстрациях того и другого, то можно привести некоторые примеры, относящиеся к *первому* из названных направлений.

Иногда (часто – в лапидарной форме) акцент делается на личностно-статусном измерении и индивидуальном уровне участия. Как писал еще несколько десятилетий тому назад лингвист Б. Вайнштейн, «писатели, переводчики, миссионеры, издатели, составители словарей формируют язык для использования в политических и экономических целях, и их эффективность может быть больше той, что характерна для правительства» (Weinstein, 1983: 62). В лаконичном виде идею о наиболее влиятельных фигурах в рассматриваемой сфере высказала во время одной из недавних дискуссий Э.В. Халханова, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН: «У нас языковую политику делают директора школ вкупе с родителями» (Хилханова, Каплунова, 2020: 128).

Существуют, разумеется, и более аналитически развернутые варианты. Так, французский специалист в области социолингвистики Л.-Ж. Руссо в рамках своей теоретической схемы пишет: «Социальные акторы, воздействующие на языковую политику, многочисленны, причем среди них организации лингвистического направления не всегда обладают теми ролями и влиятельностью, каковые им приписываются» (Руссо, 2007: 109).

В разряд «официальных акторов», не относящихся к профессиональным лингвистическим структурам, но функционирующим в области языковой политики, согласно Л.-Ж. Руссо, входят:

- научные круги;
- поставщики товаров и услуг;
- поставщики информации;
- ассоциации потребителей;
- правительство, администрация и государственные службы;
- мир образования и профессионального обучения;
- профсоюзные организации;
- политические организации;
- международные организации;
- система производства:
 - предприятия и объединения хозяев;
 - клиенты и поставщики;
 - научно-исследовательские организации;
- конкуренты;
- рабочие профсоюзы;
- организации по технической стандартизации;
- производители рекламной продукции;
- широкая публика (общественное мнение);
- мир ассоциаций;
- лоббисты;
- судебная система;
- издатели;
- СМИ.

«...Совокупность всех вышеперечисленных акторов состоит из «авторизованных» представителей, которые оказывают влияние на рынок – рынок, отныне безграничный – своим отношением, своим глоттополитическим дискурсом и метадискурсом. ...Вполне очевидно, что все, кто намеревается повлиять на речевое поведение носителей языка, должны принимать в расчет действия и взаимодействия всех этих акторов, ...без участия которых не будет иметь успеха никакая языковая политика» (Руссо, 2007: 109–110).

В логике, лежащей в основе анализа, проводимого Л.-Ж. Руссо, обнаруживаются некоторые моменты неполноты или рассогласованности. Здесь, например, не учтены уровни политико-административного управления (национальный, региональный и местный), а также сам принцип разделения властей. Очевидно, также сказывается то, что в рамках институциональных исследований языковая политика рассматривается как «государственная традиция». Спецификой такой традиции в случае с Францией является своеобразное нарочитое пренебрежение проблематикой культурно-языковых меньшинств ради акцентирования общенациональной гражданской идентичности. Этим, скорее всего, объясняется отсутствие в приведенном перечне любых форм участия (каких-либо акторов), связанных с отстаиванием миноритарных этнокультурных идентичностей, интересов и притязаний. Наконец, в общем концептуальном плане могут быть оспариваемы также и некоторые тезисы автора. К примеру, далеко не все из названных акторов (в частности, товаропроизводители и потребители, рекламодатели, профсоюзы и многие другие весьма широко номинированные категории) обладают приписываемыми характеристиками – «авторизованность», участие в «глоттополитическом» дискурсе и «метадискурсе» как таковых. Очевидно также, что далеко не все из них играют активную (продуцирующую) роль по отношению к функционирующим здесь смысловым комплексам, организующим и артикулирующим политико-языковые материи.

Второе из рассматриваемых течений базируется на установках иного гносеологического плана – отказ от дескриптивных способов в пользу концептуально-типологического моделирования и использования приемов абстрактной категоризации.

В развернутом виде агентивность подвернута такому аналитическому моделированию в монографии Б. Сполского «Языковой менеджмент». Ядром разворачиваемой логики выступает момент индивидуального языкового выбора со стороны говорящих, выбора происходящего под воздействием определенных правил, признанных речевым сообществом, с одной стороны, и в качестве продукта языкового менеджмента – с другой. Другим исходным концептом в рамках подходов, реализуемых этим автором, становится сфера или область (“domain”) языкового функционирования, социальные пространства – такие, как домохозяйства или семьи, школы, соседские общины, религиозные институты, рабочие места, публичные медиа, а также уровень публичного политического управления (город, штат, нация). Каждая из названных единиц имеет, по словам Б. Сполского, «свою языковую политику», когда одни стороны управляются внутренне, а другие – под воздействием внешних по отношению к данной области сил» (Spolsky, 2009: 3). Каждая из таких областей имеет своих участников, локацию и тематический предмет обсуждения. Способ участия, как показывает автор, не сводится к индивидуальности только лишь, но, скорее, к «социальным ролям и отношениям». В семье это – категории родства. В школе – типичные роли учителей, учеников или студентов, директора. На рабочих местах – роли босса, наемного работника, нанимателя, клиента, потребителя и т.п. Наконец, на каждом уровне и в каждой сфере языковая политика включает в себя такие компоненты, как практики (экология), представления (идеология) и менеджмент (планирование).

Значение концепции Б. Сполского для рассматриваемой области исследования состоит в том, что этим автором предложена типология форм участия различных «действующих лиц» (или – агентов) в рамках определенной теоретически упорядоченной модели:

- функции языкового менеджмента в условиях сложной социально-политической организации распределены между двумя видами носителей политической деятельности (policy-makers): 1) теми, кто пишет конституции и законы, дает толкование языковому законодательству, регулирующие и выделяющие бюджеты министерства, и 2) теми, кто занят имплементацией политики, правительственными агентствами, претворяющей в жизнь и оценивающей политику бюрократией;

- агентами, вовлеченными в отправление функций языковой политики по ее компонентам (в планирование статуса, в языковое культивирование, в языковое обучение), а также, с другой стороны, агентами «без специальных языковых функций» и «специальными» языковыми агентами.

К субъектам, практикующим меры языкового менеджмента без специализированных полномочий или мандатов этот автор относит «действующих лиц», вовлеченных в сферу языковой политики *de facto*. Хотя, как можно заметить, Б. Сполский идет по пути рассмотрения произвольно выбранных примеров – суды, муниципальные инстанции, службы в сфере иммиграции и предоставления гражданства, министерства и департаменты культуры и образования. Специализированные агентства – особые «офисы» – это, к примеру, языковые комиссии и центры (в том числе – неправительственные), выполняющие функции языкового культивирования национальные академии, комиссии по терминологии, службы переводов, редакторы, образовательное сообщество (Spolsky, 2009, 226–234).

Научно значимая попытка типологического анализа способов участия в политике языка, получившая известность в англоязычном академическом пространстве, была предпринята С. Чжао и Р. Балдауфом. Эти специалисты предложили оригинальный подход к разработке аналитической схемы, отображающей такое участие на уровне индивидуальной агентивности.

Отталкиваясь от известных в литературе по социолингвистике и, конкретнее, – по языковой политике дихотомий, эти авторы предлагают свой вариант категоризации. Отмеченные дихотомии – это не только разграничения макро- и микроуровня политики языка, но и статусные, функциональные позиции, связанные с ролями участников – продуцированием, с одной стороны, и рецепцией – с другой. Участники-реципиенты представляют собой тех, для кого осуществляется языковое планирование – преподающие языковые предметы учителя, переводчики, работники на уровне общин, адвокаты, издатели, составители словарей, работники секторов обслуживания (гиды и журналисты) и, наконец, «невидимые планировщики», к примеру, родители (Zhao, Baldauf, 2012: 5). Понятно, что такие ряды дедуктивных классификаций могут быть продолжены в самых неопределенных перспективах. Аналитический прием, рассматриваемый в данном случае, содержит также и категоризацию на типологическом уровне, на основе критериев ресурсов и компетенций, которыми обладают те или иные «действующие лица»: «люди с экспертизой» – лингвисты и прикладные лингвисты, принадлежащие к высоким стратам интеллектуальной элиты, а также обладающие некоторыми знаниями о языках любители-энтузиасты, инициаторы введения новых систем письма и норм правописания.

1. «Люди с влиянием» – традиционно это социальные элиты, включая тех, кто имеет общественный вес, благодаря своим знаниям, квалификации и вкладу в общественные дела, высоким

моральным стандартам или общественно значимым карьерным достижениям; сюда относят (но этим не ограничиваются) ученые, исследователи, выдающиеся писатели, священнослужители, бизнес-лидеры, звезды развлекательных индустрий, защитники гражданских прав и группы лоббистов; роль названных деятелей состоит в том, что они влияют на массовое языковое поведение.

2. «Люди с властью» – национальные лидеры и высокопоставленные официальные лица, включая вовлеченных в разработку и осуществление языкового планирования и языковой политики в рамках государственных агентств; их влияние вытекает из соответствующих формальных правовых полномочий в большей степени, чем высокий статус и социальный престиж ранее названных групп; к ним, в то же время, приковано основное внимание аналитиков, включенных в дискуссии по языковому планированию и языковой политике в академической литературе (Ibid: 6).

Приведенная классификация, далее, дополняется стадийными аспектами участия в политике языка на индивидуальном уровне, в отличие от целевого планирования на структурном макроуровне. Соответствующая картина складывается из следующих пошаговых ступеней:

- *инициирование* – потребность в котором возникает на основе неудовлетворенности имеющейся языковой ситуацией и осознанием потребностей в области программ по языковому планированию (признание существующих проблем и понимание со стороны политиков того, что эти проблемы существуют и могут быть разрешены в контексте политических интересов);

- *вовлечение* – прямое или косвенное, открытое или скрытое, пассивное или активное (на этой стадии роль первой из ранее названных групп, так как деятельность по планированию корпуса требует технической экспертизы, кроме того желательно также позитивное участие третьей группы);

- *влияние* – стадия, на которой по-особому актуализируется функция планирования престижности языков, в рамках которого индивиды могут воздействовать на достижение целей и без сознательного участия в языке политики (тогда как вовлечение носит осознанный характер);

- *вмешательство* – стадия, на которой фактор индивидуальности может сказываться на имплементации как в позитивном, так и в негативном ключе, что исторически предполагало решающую роль третьей группы;

- *имплементация и оценка* – степень, на которой решения воплощаются в действия, вследствие чего лидирующая роль третьей группы одновременно означает также и наиболее «слабое звено», тогда как роль второй группы заключается главным образом в выполнении функций продвижения (Ibid: 8–9).

В новейших публикациях отечественных специалистов по социолингвистике всё явственнее просматривается тенденция возрастающего интереса к политико-социологическим материям, которые играют существенную роль в практике регулирования культурно-языковым многообразием. По своему поворотное значение, как можно предполагать, будет принадлежать разработкам Э. В. Хилхановой на предмет субъектности (прежде всего – агентивности) в языковой политике. Этот автор предлагает свою версию концептуальной систематизации акторов:

- 1) акторы государственно-законодательного уровня;
- 2) (институциональные) имплементаторы ЯП в официальных структурах разных уровней – федерального, регионального и муниципального, *не обладающие agency*;
- 3) (внеинституциональные) акторы – языковые активисты, члены этнических сообществ, учителя, университетские преподаватели и т. д., *обладающие agency* (Хилханова, 2020: 770).

Сам факт обращения представителей сообщества российских исследователей, специализирующихся в прикладной лингвистике, к аналитическому инструментарию политико-социологической предметной принадлежности можно расценивать как очень важный шаг в сторону междисциплинарного синтеза. Эта инициатива, вне какого-либо сомнения, имеет назревший и остро актуальный смысл для российской исследовательской практики. Однако некоторые из предложенных трактовок, по-видимому, остаются открытыми для возможных комментариев или альтернативных решений. Если, например, статус “*agency*” выделяется по критерию наличия или отсутствия «свободы воли и свободы действий», тогда возникает необходимость в одном принципиальном пояснении. А именно – почему «имплементаторы» из «официальных структур», образующих вторую из категорий, предложенную Э.В. Хилхановой, не соответствуют этому критерию?

Концептуальной упорядоченности картины «действующих лиц» на аренах взаимодействия языка и политики могут способствовать некоторые меры, о которых будет сказано далее.

Политика языка как социальное поле

Сознательное и целенаправленное властно-управленческое воздействие на языковое устройство общества, проводимый в этой области курс – далеко не единственное выражение многоплановой диффузии политических и лингвистических феноменов. Семантически в круг коннотаций термина «языковая политика» – традиционном, классическом понимании – входят способы деятельности, связанные со стратегическим целеполаганием, с решениями и мерами, принимаемыми «сверху», с полномочиями и мандатами соответствующих авторитетных инстанций, с законодательными или исполнительными, надзорными властными структурами и проч.

Более широкая концептуальная конструкция – это «политика языка» (“politics of language”).

Одна из немногих попыток концептуальной рефлексии по поводу логического соотношения категорий «языковая политика» (“language policy”) и «политика языка» (“politics of language”) содержится в работе авторитетных европейских лингвистов Р. Филлипсона и Т. Скуннабб-Кангас. Эти исследователи обращают внимание на то, что очевидных решений на предмет установления специфического содержания этих двух англоязычных лексических средств, не существует. Это ведет к «размыванию» различий между названными концептами. Как отмечают авторы, те, кто используют английский в качестве второго языка, могут вкладывать в понятие «политика языка» то содержание, которое предназначается для «языковой политики». Тогда как первое указывает на «политическую борьбу, при которой языковая идентичность и языковые права могут становиться спорными или поляризующими факторами». Второй вариант словоупотребления определяется как «все меры – эксплицитно или имплицитно, – оказывающие воздействие на экологию языка в данном контексте, включая права говорящего на том или ином языке, а также использования данного языка для определенных функций». Политика языка, таким образом, относится к области политического и присутствующим здесь дискурсам, к тому, что говорят и как действуют политики, к продвижению или подавлению языка, к борьбе за право на данный язык и за его признание» (Phillipson, Skutnabb-Kangas, 2009: 30–31).

Политика языка – это, с одной стороны, повседневные практики, связанные с поддержанием порядка или режима взаимодействия языковых и политических факторов (как политики в языке, так и языка в политике).

С другой стороны, политика языка не проходит по разряду «публичной политики», будучи ориентированной не только на сохранение баланса общественных интересов, но и на конкурентное использование языковых ресурсов борьбы за власть и влияние.

Эти смысловые грани политико-языковой реальности связаны с притязаниями на специфические позиции отдельных групп (мажоритарных или миноритарных), отражают различия в интересах. Возникающие в этой области отношения содержат моменты оспаривания ресурсов власти и легитимности, значимые и с политической, и с языковой точек зрения. Язык при этом рассматривается не столько как общее благо, сколько как повод для мобилизации (коммуникативно и символически) сторонников конкурирующих сил.

Исследователи, под редакцией которых вышла в свет монография «Государственные традиции и языковые режимы» по издательской программе Королевского университета МакГилл в Канаде), С. Зонntag и Л. Кардинал отмечают, что «политическая наука не стоит на переднем крае изучения и дебатов по поводу языковой политики», и «несмотря на нормативный поворот, который претерпевает политическая философия, и ее интерес к вопросам многообразия, выбор в области языковой политики остаётся недостаточно исследованным со стороны ученых в области политической науки (Sonntag, Cardinal, 2015: 9). Авторы формулируют свое видение академической исследовательской повестки, которая отличается от интересов тех, кто специализируется в области политической теории с их фокусом на нормативных аспектах. В отличие от этого, они предлагают сосредоточиться на таких разделах (субдисциплинах) науки, как сравнительная политика, политическая социология и публичная политика. Весьма показательным, что они заявляют о своих намерениях при помощи формулы – “politics of language policy” (Ibid). В данном случае – перед нами любопытная подробность, связанная со своеобразными академическими лингвокультурами. Буквальный перевод этой формулы на русский язык будет неизбежно выглядеть тавтологичным – «политика языковой политики». В итоге некоторой деконструкции можно получить следующую интерпретацию – область политических отношений и взаимодействий по поводу проводимого курса регулирования языковых отношений.

В случае с политикой языка речь идет прежде всего о соответствующем поле, или точнее – (суб)поле – как о части социального пространства.

В зарубежных публикациях по рассматриваемой теме традицией, если не общим местом, становится апелляция к авторитету Пьера Бурдьё и к его топологической перспективе социального теоретизирования. Политика в свете его идей представляет собой разновидность «социального поля». Такие поля представляют собой части социальных пространств, понимаемых не субстантивно, но реляционно – то есть через отношения, образуемые из множества практик отдельных «действующих лиц» или агентов. Эти агенты обладают теми или иными «позициями» в политическом пространстве. «Позиции», в свою очередь, определяются соответствующими видами ресурсов или «капиталов», включая «лингвистический капитал» (Бурдьё, 2005).

В связи с этим становится понятной целесообразность говорить не только о языковой политике в субстантивном смысле, как об определенном курсе властей применительно к языковому разнообразию социума, к языковым ситуациям или к социально-коммуникативным системам. Возможно также рассматривать политико-языковые отношения, в которые вовлечены и самые разные предметы (поводы), и столь же многообразные участники. Эти последние могут занимать весьма различающиеся позиции, обладать теми или иными статусами, иначе говоря, доминировать или пребывать в отчужденном состоянии. Помимо агентов в этих социальных полях присутствуют также институты. «Вся история социального поля, – пишет П. Бурдьё, – постоянно представлена в двух формах: в материализованной – в институтах (освобожденные работники партий и профсоюзов) и в инкорпорированной – в диспозициях агентов...» (Бурдьё, 2005: 39).

Из сказанного следует, что термины «субъекты», «акторы» и «агенты» относятся к различающимся проекциям языковых и политических начал в их взаимодействии.

Это своего рода квинтэссенция в построении концептуальной модели участия в политике языка. Кого можно расценивать как участника в собственном смысле слова, кого – в статусе актора, а кого – в роли субъекта?

Понятие «социальный агент» отражает связь между поведением того или иного «действующего лица» и средой. Как пишет П.А. Цыганков, «оно служит для выражения действия, являющегося промежуточным между субъектом и средой. Агент – это выразитель, проводник (вольный или невольный) тех или иных норм и ценностей определенной социальной системы, логика которой определяет логику его поведения в той или иной ситуации. Иначе говоря, в понятии «социальный агент» отражается социальный и культурный контроль системы над индивидами и/или социальными общностями, та роль, которую они стремятся (сознательно или бессознательно) играть в соответствии с ожиданиями окружающих, основанными на социальном статусе агента» (Цыганков, 2002: 228). Следовательно, роль такого «действующего лица» как агент, предполагает наиболее широкое понимание, что предполагает и наличие, и отсутствие *осознанного волевого начала* или, другими словами, момент преднамеренного и непреднамеренного, активного или пассивного вариантов вовлеченности в социальные отношения.

Наиболее широко понимаемый круг участников этих отношений может, далее, конкретизироваться в зависимости от названного осознанно-волевого критерия в более узких категориях – «акторы» и «субъекты».

«Социальный актор», если исходить из разъяснений П.А. Цыганкова, это – тот, кто способен своими действиями внести те или иные изменения в окружающую среду. Актор – любое лицо, которое принимает активное участие, играет важную роль, оказывает влияние, обладает определенной автономией (Цыганков, 2002: 229–231).

В исторической социологии понятий есть также существенные семантические нюансы. Понятие «актор», рассмотренное в историко-этимологической и институциональной перспективах, трактуется в «Словаре индоевропейских социальных терминов» Э. Беневиста. Исходно подразумевалось, что это – «имя деятеля», того, кто может «приумножать, увеличивать». «В качестве *auctor* во всех сферах деятельности называется тот, кто «проводит в жизнь», берет на себя инициативу, первым проявляет какую-то активность, тот, кто организует, обеспечивает, и в последнюю очередь – «автор». Понятие *auctor* принимает различные конкретные смыслы, но оно связано с исконным значением «производить, приумножать». Таким путем абстрактное имя *auctoritas* обретает всю полноту своего содержания: это акт творения, или качество, предустановленное верховным магистратом, или достоверность какого-то свидетельства, или действенность какой-либо инициативы и т. п., но всякий раз во взаимодействии с семантическими функциями слова *auctor*» (Беневист, 1995: 329–330). В этом разъяснении имплицитно содержится некоторое различие, вытекающее из уровней авторитетности, когда деятельность актора предполагает его статусные характеристики, «предустановленные» со стороны некой верховной инстанции.

Агентивная роль, присущая более высокому уровню авторитетности, которая правомочна «предустанавливать» (по терминологии Э. Беневиста) качества всех остальных участников политических отношений, это – роль субъекта в строгом смысле слова. В широком значении в качестве субъектов политики могут выступать самые разные «персонажи» – правящие и неправящие («вне суверенитета»), государственные и негосударственные игроки различного уровня (общенационального, регионального и местного), партии, медийное сообщество, бизнес-структуры, заинтересованные группы, научные и экспертные круги и т. п. В качестве примера терминологического подхода к участию в практике языкового планирования и политики можно привести случаи использования понятия «стейкхолдеры», позаимствованного из словаря проектного или корпоративного менеджмента, ставшего столь распространенным в информационном поле, включая те области, которые по своей природе не имеют прямого касательства к предпринимательству или бизнес-отношениям. В частности, такими «стейкхолдерами» применительно к проблематике языков коренных народов в некоторых международных актах называют такие категории – «государства-члены ООН или ЮНЕСКО, национальные правительства, сами коренные народы, саму ООН и другие межправительственные организации, научные и языковые сообщества, библиотеки, архивы, организации в информационной сфере и в области сохранения культурной памяти, бизнес и публичные институты, молодежные и женские организации коренных народов, также как и других публичных и частных партнеров» (Strategic Outcome Document, 2019).

Этот же терминологический приём пользуется в другом документе ЮНЕСКО – в Итоговом документе, принятом на Встрече высокого уровня, посвященной планам на Международное десятилетие действий в области языков коренных народов и по случаю завершения Международного года языков коренных народов в 2019 г. (Мехико, Мексика, 27-28 февраля 2020 г.) (Los Pinos Declaration, 2020). В этом содержится специальный подраздел о соответствующих заинтересованных сторонах ('relevant stakeholders') и их взаимодействии на коллективном уровне. Речь в данном случае ведется как о механизмах и ресурсах, так и о «действующих лицах» – государствах-членах ООН, экспертах, национальных комиссиях по правам человека, связанных с ними органах, детях, женщинах и мужчинах, молодых девушках, инвалидах и других обездоленных группах.

В менеджерских дискурсах категория 'stakeholders' (этимологически – держатели долей) трактуется либо узко – как акционеры и учредители, либо широко – как любые лица, влияющие на соответствующие практики или испытывающие влияние в тех или иных контекстах. При этом имеются в виду любые физические или юридические лица, представляющие все заинтересованные стороны, способные повлиять или претендующие на влияние по отношению к бизнес-деятельности. Используются, далее, относительно самостоятельные переменные, отражающие, во-первых, влияние и, во-вторых, заинтересованность. Из этого следует своего рода аналитическая матрица:

- участники, положительно настроенные и обладающие как влиятельностью, так и заинтересованностью;
- участники, заинтересованные, но не обладающие возможностью воздействовать;
- группы заинтересованных в отрицательном результате, но не располагающих ресурсом решающего воздействия на ту или иную область практики;
- участники, выступающие в роли влиятельных противников.

По-видимому, данная логика может получить успешное применение для рассмотрения широкого круга участников политико-языковых отношений или действующих в поле политики языка лиц (участников, акторов, субъектов).

Следовательно, приемы дедуктивного определения состава участников в сфере политики языка обладают ограниченной применимостью. Перечень всех вовлеченных «действующих лиц» на основе формально взятого признака, отражающего все возможные проявления сопричастности, дает лишь картину безграничного многообразия. Однако основанием для типологического анализа это – само по себе – служить, вероятно, не может.

Из сказанного следует, что роли «действующих лиц» в поле политико-языковых отношений можно распределить по двум обобщенным категориям:

- участники, чья практика связана с отправлением функций регулирования, с применением формально закрепленных полномочий – *de jure* очерченных в нормативных актах, с разработкой и применением регламентов, с официальными режимами функционирования;
- участники, чья активность носит опосредованный и непостоянный характер, осуществляется в виде чего-то факультативного (не вмененного в обязанности), на собственное усмотрение и т.п.

Предпринятое рассмотрение можно – в предварительном, разумеется, и открытом для критики плане – заключить в следующем схематическом виде:

**Сравнительное соотнесение понятий
«языковая политика» и «политика языка»**

Критерий	Языковая политика	Политика языка
Онтология	Курс властных и управленческих действий	Поле как часть пространства отношений
Состав «действующих лиц»	Актеры, субъекты	Агенты
Основания деятельности	Полномочия, мандаты	Интересы
Статусы	Формальные	Неформальные
Процессы	Решения, практические меры	Взаимодействия, обмена
Вовлеченность	Сознательность, Преднамеренность, Целенаправленность	Неосознанность, Непреднамеренность, Частное целеполагание
Оформление	Институты	Институции
Режимы функционирования	Дискретность решений и шагов	Непрерывность, Повседневный выбор
Мотивы	Легитимация	Потребности в общении и в идентичности
Порядок	Системы, Структуры	Положение, Диспозиции, Статусы, Роли
Правомочия	Власть, Компетенции	Признание, Влияние
Предписания	Императивные и диспозитивные нормы права	Рекомендации, Стимулы, Притязания
Положение участников	Включенность в процесс принятия решений, Функции определения и проведения политического курса	Принадлежность к полю политико-языковых отношений, Вовлеченность

Финансовая поддержка

Исследование выполнено по Программе фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020 – 2022 гг.

Список литературы / References

Бенвенист, Э. (1995) *Словарь индоевропейских социальных терминов*. Москва: Прогресс-Универс [Benveniste, E. (1995) *Dictionary of Indo-European social terms* [‘Slovar’ indoevropskikh social’nyh terminov’]. Moscow: Progress-Univers (In Russ.)].

Борисова, Н. В. (2019) ‘Агентские факторы языковой политики в современной России’ в: *Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы*. Материалы Всероссийской

научной конференции РАПН с международным участием. Москва: Московский педагогический государственный университет, с. 76 [Borisova, N. V. (2019) ‘Agency factors of language policy in modern Russia’ in: *Trajectories of Russia’s political development: institutions, projects, actors*. Materials of the All-Russian Scientific Conference of the RAPN with International Participation [Agentskie faktory yazykovoj politiki v sovremennoj Rossii v: *Traektorii politich-*

- eskogo razvitiya Rossii: instituty, proekty, aktory*. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii RAPN s mezhdunarodnym uchastiem]. Moscow: Moscow State Pedagogical University, p. 76. (In Russ.).
- Бурдые, П. (2005) *Социология социального пространства*. Москва: Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург: Алетейа [Bourdieu, P. (2005) *Sociology of social space*. [Sociologiya social'nogo prostranstva]. Moscow: Institute of Experimental Sociology; SPb.: Aleteya. (In Russ.)].
- Качанов, Ю. (1995) *Политическая топология: структурирование политической действительности*. Москва: Ad Marginem [Kachanov, Yu. (1995) *Political topology: structuring of political reality* [Politicheskaya topologiya: strukturirovanie politicheskoy dejstvitel'nosti]. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)].
- Руссо, Л.-Ж. (2007) 'Разработка и проведение в жизнь языковой политики', *Языковая политика в современном мире* / по материалам Третьего и Четвертого международного семинаров по государственной языковой политике и актуальным проблемам двуязычия (Париж, 2005; Санкт-Петербург, 2005–2006). Санкт-Петербург: Златоуст, сс. 97–121. [Rousseau, L.-J. (2007) 'Development and implementation of language policy' in: *Language policy in the modern world* [Razrabotka i provedenie v zhizn' yazykovoj politiki]. Based on the materials of the Third and Fourth International Seminars on State Language Policy and Actual Problems of Bilingualism (Paris, 2005; St. Petersburg, 2005–2006). SPb.: Zlatoust, pp. 97–121. (In Russ.)].
- Хилханова, Э. В. (2020) 'Люди в языковой политике: теория и практика дискурсивного поворота в социолингвистике (на примере России и Западной Европы)', *Acta Linguistica Petropolitana*, Vol. 16.3, pp. 756–815 [Khilkhanova, E. V. (2020) 'People in language policy: Theory and practice in the discursive turn in sociolinguistics (comparing Russia and Western Europe)' [Lyudi v yazykovoj politike: teoriya i praktika diskursivnogo povorota v sociolingvistike (na primere Rossii i Zapadnoj Evropy)], *Acta Linguistica Petropolitana*, Vol. 16.3, pp. 756–815. (In Russ.)].
- Хилханова, Э. В., Каплунова, М. Я. (2020) 'Первое заседание дискуссионно-аналитического клуба по языковой политике', *Социолингвистика*, 1, сс. 124–132. Москва: Институт языкознания РАН, 17 марта [Электронный ресурс]. DOI 10.37892/2713-2951-2020-1-1-124-132. [Khilkhanova, E. V., Kaplunova, M.Y a. (2020) 'The first meeting of the Analytical Discussion Club on Language Policy' [Pervoe zasedanie diskussionno-analiticheskogo kluba po yazykovoj politike], *Sociolinguistics*, 1, pp. 124–132. Moscow: Institute of Linguistics, RAS, 17 March. (In Russ.)].
- Цыганков, П. А. (2002) *Теория международных отношений*. Москва: Гардарика [Tsygankov, P. A. (2002) *The theory of international relations* [Teoriya mezhdunarodnyh otnoshenij]. Moscow: Gardarika. (In Russ.)].
- Blommaert, J. (2007) 'Sociolinguistics and Discourse Analysis: Order of Indexicality and Polycentricity', *Journal of Multicultural Discourses*, Vol. 2, No 2, pp. 115–130.
- Blommaert, J., Kelly-Holmes, H., Lane P., Leppänen, S., Moriarty, M., Pietikänen, S., Piirani-Marsh, A. (2009) 'Media, multilingualism and language policing: an introduction', *Language Policy*, 8, pp. 203–207.
- Cooper, R. (1989) *Language planning and social change*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Glasgow, P. G., Bouchard, J. (2019) 'Introduction' in: *Agency in Language Policy and Planning. Critical Inquiries*. N.Y., L., Routledge.
- Kaplan, R., Baldauf, R. (1997) *Language Planning. From Practice to Theory*. Clevedon: MULTILINGUAL MATTERS LTD.
- Phillipson, R., Skutnabb-Kangas, T. (2009) 'The Politics and Policies of Language and Language Teaching' in: *The Handbook of Language Teaching* / Ed. by Michael H. Long and Catherine J. Doughty. Oxford: Wiley-Blackwell.
- Los Pinos Declaration* [Chapoltepek] (2020) Outcome document of the High-level event 'Making a Decade of Action for Indigenous Languages' on the occasion of the closing of the 2019 International Year of Indigenous Languages, 27–28 February, Mexico City, Mexico.
- Sonntag, S. K., Cardinal, L. (2015) 'Introduction: State Traditions and Language Regimes:

- Conceptualizing Language Policy Choices' in: *State Traditions and Language Regimes*. Ed. by Linda Cardinal and Selma K. Sonntag. Montreal & Kingston: McGill Queen's Univ. Press, 2015.
- Spolsky, B. (2009) *Language Management*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Strategic Outcome Document of the 2019 International Year of Indigenous Languages*. 40 C/68, 15 November 2019. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000371494>.
- Tollefson, J. W. (2011) 'Language planning and language policy' in: *The Cambridge Handbook of Sociolinguistics*. Ed. by Rajend Mithrie. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Weinstein, B. (1983) *The Civic Tongue. Political Consequence of Language Choices*. N.Y., L.: Longman.
- Zhao, S., Baldauf, R. B. (2012) 'Individual agency in language planning', *Language Problems & Language Planning*, 36:1, pp. 1–24.

Статья поступила в редакцию: 25.10.2021

Статья принята к печати: 14.11.2021

LANGUAGE POLICY AND LANGUAGE POLITICS: THE QUESTION OF ACTORS

N. M. Mukharyamov

N. M. Mukharyamov, Political Sciences Dr., Professor, Head of the Department of Sociology, Political Science and Law,
Kazan State Power Engineering University.
E-mail: n.mukharyamov@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-3810-824X).

Abstract

The article discusses the prospects for the conceptual systematization of forms and methods of individual participation in language and politics relations. This type of relations complex is proposed to be analyzed differentially using two intersecting, but not coinciding, semantic circles formed around the categories of "language policy", on the one hand, and "politics of language", on the other hand. There is a whole spectrum of heterogeneous interactions - political and linguistic relations - in which the participants are involved not only at the institutional, but also at the group and individual levels. This kind of involvement can acquire both a deliberate, conscious character and not motivated in a specific way, a spontaneous form associated not so much with goal achievement as with accompanying effects and consequences. This implies a certain nuance: the categories "subjects" and "actors" can be understood as attributes namely of language policy itself, while "agents" are bodies of the politics of the language in a proper sense of the concept. Some demonstrate political intentions in the field of linguistic situations in general (on the meso- and macro-contours), while others can function at the level of private claims, for example, in defending linguistic rights and in practice at the micro-level.

Keywords: language policy; language policy; political and language relations; participants; subjects; actors; agents.

Acknowledgements: The research was carried out under the Program of Fundamental and Applied Scientific Research "Ethno-cultural diversity of Russian society and strengthening of all-Russian identity" 2020–2022.

УДК-323.2

DOI: 10.17072/2218-1067-2021-4-16-29

**БОТЫ, ВЕДУЩИЕ НАРОД?
МОДЕЛЬ ВЛИЯНИЯ БОТОВ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ МОБИЛИЗАЦИЮ И
ДЕМОБИЛИЗАЦИЮ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА**

К. А. Толокнев

Толокнев Кирилл Александрович, аспирант,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, Москва

E-mail: kirtoloknev@gmail.com (ORCID: 0000-0003-3712-9978. ResearcherID: AAD-3672-2020).

Аннотация

Исследования влияния ботов (автоматизированных аккаунтов) в социальных медиа привлекают все большее внимание исследователей. Автоматизированные аккаунты применяются как государственными, так и негосударственными акторами для манипулирования коммуникациями в социальных медиа. Тем не менее, пока эта проблематика, несмотря на очевидные достижения, остается относительно мало изученной. Весьма заметен недостаток результатов в сфере изучения эффективности ботов для мобилизации (поощрения) и демобилизации (подавления) политических коммуникаций в социальных медиа. Отчасти это связано с попытками рассматривать эту проблему исключительно на основе эмпирических исследований, крайне трудоемких и страдающих из-за большого числа потенциальных объясняющих факторов, без использования методов вычислительного моделирования, способных симулировать исследуемую систему в контролируемой модельной среде. В данной статье предлагается новая абстрактная агентно-ориентированная модель, отличающаяся от более ранних разработок учетом стратегического характера применения ботов – как инструментов и мобилизации сторонников, и подавления мобилизации противников. Было продемонстрировано, что использование ботов, нацеленных на демобилизацию противников, более эффективно и стабильно, чем использование ботов для мобилизации сторонников: при попытке мобилизации сторонников применение излишне «радикальных» ботов способно привести к подавлению мобилизации группы. Также показано, что в условиях высокой гомофилии боты оказываются значительно менее эффективны, чем в условиях низкой гомофилии. Полученные результаты позволяют оценить эффективность ботов и могут служить для создания проверяемых эмпирическим образом гипотез.

Ключевые слова: боты; социальные медиа; политические коммуникации; политическая мобилизация; политическая демобилизация; агентно-ориентированная модель; вычислительное моделирование.

Социальные связи имеют очень большое значение в жизни людей. Через социальные связи распространяется информация, оказывается нормативное давление, распространяются модели поведения (Gould, 1991). Социальное окружение значительно влияет и на политическое участие. Человек, находящийся в меньшинстве, с меньшей вероятностью будет открыто высказывать свою политическую позицию (Noelle-Neumann, 1974). Если его политическая позиция совпадает с позицией большинства, возникает эффект «безопасности в массах» (Kuran, 1991): в таком случае люди, ранее скрывавшие свои политические позиции, с большей вероятностью их откроют. Структура социальных связей также оказывает влияние на политическое участие: уровень политического участия зависит от типа социальной сети, связывающей людей (Siegel, 2009).

В 2010 г. Ларри Даймонд назвал Интернет и социальные медиа «технологиями освобождения» – технологиями, потенциально способными расширить возможности для общественной дискуссии и политического участия в недемократических странах (Diamond, 2010). Ранние исследования, посвященные влиянию социальных медиа на протестную мобилизацию, показывали едва ли не решающую роль коммуникации в социальных медиа для протестной мобилизации: события арабской весны часто упоминались как «твиттерные» или «фейсбучные революции» или «восстания» (Farrell,

2012). Период первоначального оптимизма сменился более сдержанными оценками: согласившись, что влияние действительно есть, исследователи перестали рассматривать социальные медиа как основную «причину» политической мобилизации (Stein, 2017). Большого внимания удостоился потенциал использования социальных медиа самими авторитарными правительствами как для подавления политической коммуникации и мобилизации среди оппозиционеров, так и для мобилизации лоялистов. В качестве примеров тут следует назвать действия «50-центовой армии», распространяющей проправительственный контент в китайских социальных медиа (King et al., 2017), или «кремлеботов», активных в российском сегменте Твиттера (Sanovich et al., 2018).

Впрочем, не следует считать, что попытки манипулировать коммуникацией в социальных медиа являются «эксклюзивной» тактикой авторитарных режимов: в российском сегменте Твиттера так же действует значительное число «оппозиционных» ботов (Sanovich et al., 2018), ботов активно применяли сторонники Евромайдана, «альтернативные правые» и сторонники террористических организаций (Benigni et al., 2019).

Боты – распространенные обитатели социальных медиа. По оценкам исследователей, они могут составлять до 9–15% от общего числа аккаунтов в Твиттере (Assenmacher et al., 2020) и генерировать более половины контента по определенным темам (Stukal et al., 2017). В Фейсбуке боты распространены не столь сильно, по оценкам самой компании разного рода фейковые аккаунты составляют около 5% от общего числа аккаунтов. В прочих социальных медиа также присутствуют боты. Но, несмотря на повышенное внимание к ботам со стороны СМИ, зачастую представляющих ботов в качестве крайне эффективного инструмента влияния на общественное мнение, исследователям пока не удается однозначно ответить на вопрос, эффективно ли использование ботов для политической мобилизации и демобилизации. Именно этот вопрос находится в центре внимания данной статьи.

Боты: эмпирические исследования и математические модели

Анализ влияния ботов на политические коммуникации – относительно новая сфера политических исследований. В настоящий момент пока не сложилось единого общепризнанного определения понятия «бот». Боты могут рассматриваться как в узкой интерпретации, то есть исключительно как автоматизированные аккаунты, так и в расширенной, когда в число «ботов» могут включаться и «тролли»-люди, и «гибриды» – полуавтоматизированные аккаунты. Объем накопленных знаний пока также еще относительно невелик. Тем не менее, определенных, и весьма важных, результатов исследователям ботов достигнуть удалось. Эмпирические исследования ботов проходят по двум основным направлениям.

В рамках первого направления специалисты в области компьютерных наук разрабатывают методы выявления ботов с использованием различных методов машинного обучения. Феррера и коллеги выделили три основных подхода, используемых для обнаружения ботов (Ferrara et al., 2016).

Первый подход к их выявлению предполагает анализ структуры социальной сети на основе предположения, что боты и люди различаются по сетевым характеристикам положения в сети.

Второй подход более прямолинеен – он предполагает классификацию аккаунтов с использованием труда большего числа людей, как экспертов, так и так называемых «турков», то есть работников, выполняющих однотиповые, но не автоматизируемые задачи, (Wang et al., 2012). Ручная классификация продолжает использоваться при исследованиях ботов на этапе создания обучающих выборок при использовании методов машинного обучения с учителем, но из-за трудоемкости процесса не получила распространения как полноценный подход к выявлению большого числа ботов.

Третий подход предполагает использование методов машинного обучения для обнаружения ботов на основе определенного набора их характеристик, таких как количество твиттов (постов), использования геопозиции, соотношения числа друзей и фолловеров (для Твиттера) и прочих. Этот подход позволяет не только отделять людей от ботов, но и классифицировать самих ботов, различая их по типам поведения. К числу таких работ относятся работы Стукала и его коллег (Stukal et al., 2019; Sanovich et al., 2018) или Ферреры (Ferrara, 2017).

В рамках второго направления исследуются результаты действия ботов, их влияние на коммуникации в социальных медиа и стратегии применения ботов.

Первое задокументированное массовое применение ботов в политических целях произошло в 2010 г. на промежуточных выборах в США (Metaxas & Mustafaraj, 2012; Ratkiewicz et al., 2011). Именно тогда впервые были выявлены автоматизированные аккаунты, поддерживающие отдельных политиков. Большой толчок исследованиям влияния ботов на политические коммуникации дало

вмешательство нескольких тысяч предположительно российских аккаунтов в президентские выборы 2016 г. в США и позднейшие попытки применить ботов для воздействия на электоральные процессы в европейских странах, в чем также обвиняли Россию. Несмотря на некоторые сомнения в нейтральности этих исследований, в результате появился набор достаточно ценных эмпирических наблюдений, посвященных поведению ботов в социальных медиа.

Во-первых, было показано, что боты используют разные стратегии поведения. Некоторые «русские боты» пытались представить себя аккаунтами локальных новостных агентств, собирающих и распространяющих новости местного значения. Так называемые «правые боты» поддерживали Трампа, распространяя «правопопулистские твиты», критиковали Демократическую партию и «умеренных республиканцев». В свою очередь, «левые боты» поддерживали Сандерса, обсуждали вопросы «гендерной, сексуальной, религиозной и расовой идентичности» и критиковали Клинтон (Linville & Warren, 2020).

Во-вторых, «правые» и «левые» боты действовали скоординировано: к примеру, 12 сентября 2016 г. «правые боты» активно комментировали состояние здоровья Хиллари Клинтон, «распространяли теорию заговора, что она использует двойников, чтобы скрыть свое плохое состояние здоровья», в то время как «левые тролли» были не особенно активны (Linville & Warren, 2020).

Помимо применения ботов непосредственно для воздействия на коммуникацию также популярно использование ботов для «накрутки подписчиков» – завышения числа последователей в социальном медиа. Как показала работа Сильвы и Прокша, особенно активно для этой цели ботов использовали правые евроскептики (Silva & Proksch, 2021).

Исследования применения ботов в других странах тоже подтвердили существование «политической специализации» у ботов. Во время референдума о независимости Каталонии боты стремились повлиять и на сторонников независимости, и на противников независимости, однако контент, продвигавшийся ботами, различался. Среди сторонников независимости боты распространяли сообщения, способствующие обострению конфликта, «связывавшие обретение «независимости» и «свободы» с необходимостью сражаться с «диктатурой» (испанским правительством)», разжигали ненависть по отношению к полицейским (Stella et al., 2018). Боты среди противников независимости такие сообщения не продвигали.

Впрочем, не следует считать, что боты в социальных медиа практически неотличимы от людей или что их операторы всегда используют продвинутые стратегии манипуляции. Исследование влияния ботов на выборы в Германии в 2017 г. не выявило наличие у ботов ни скоординированной стратегии, ни собственно значительного влияния на ход политических коммуникаций (Brachten et al., 2017), а большая часть доступных для покупки на «рынке» ботов представляют собой примитивные программы, не способные достоверно выдавать себя за людей (Assenmacher et al., 2020).

Несколько особняком стоят исследования, посвященные вычислительному (агентно-ориентированному) моделированию влияния ботов на политические коммуникации. Подобные модели можно разделить на два класса: «факсимильные» модели, стремящиеся как можно точнее симулировать особенности социальных медиа, такие как разные типы связей между людьми (допустим, различия между двухсторонней «дружбой» и односторонним фолловингом) и «абстрактные» модели, где специфические особенности социальных медиа передаются в очень общем виде, а упор сделан на простоте симуляции.

Среди «факсимильных» моделей наибольший интерес представляет работа Бескоу и Карли, рассматривавшая так называемые «дезинформационные маневры» ботов (Beskow & Carley, 2019). Выделяется четыре типа «дезинформационных маневров», выполняемых с использованием ботов: позитивную и негативную манипуляцию «нарративами» – действия, направленные на поощрение или подавление какой-либо дискуссии в социальных медиа, и позитивную и негативную манипуляцию «социальной сетью» – действия, направленные на изменение структуры социальной сети с целью либо поддержать коммуникацию в социальном медиа («позитивная манипуляция»), либо подавить ее («негативная манипуляция») (Carley, 2020). Модель Карли и Беркоу (Beskow & Carley, 2019) использовалась для анализа двух методов «позитивной манипуляции социальной сетью»: использование ботов для поддержки лидеров мнений и использование ботов для создания «мостов» между группами пользователей. Их вычислительные эксперименты показали, что 12% ботов в составе социального медиа достаточно для того, чтобы их воздействие значительно повлияло на коммуникацию.

Среди «абстрактных» моделей популярность получили модели, рассматривающие возникновение в социальных медиа «спирали молчания» – подавления публичного выражения своей позиции меньшинством, вызванного страхом социальной изоляции. Среди данных моделей примечательна

работа Росса (Ross et al., 2019), демонстрирующая, что для возникновения глобальной «спирали молчания» достаточно 2–4% ботов в социальной сети. Впрочем, другая модель «спирали молчания», разработанная Соном (Sohn, 2019), показала, что глобальная «спираль молчания» возникает в социальных медиа только в редких случаях.

Как мы видим, ни эмпирические исследования, ни исследованная, выполненные методами вычислительного моделирования пока не дают четкого ответа на вопрос, насколько эффективно использование ботов¹, и если эффективно, то каков результат от их применения: позволяют ли боты результативно мобилизовать сторонников, подавлять мобилизацию противников или ни то, ни другое. Использование методов вычислительного моделирования обладает значительным преимуществом при исследовании данной сферы, так как в условиях новизны дисциплины и высокой сложности проведения исследований вычислительные модели позволяют генерировать гипотезы, которые в дальнейшем могут быть проверены уже на эмпирическом материале.

Далее будет предложена агентно-ориентированная модель, позволяющая рассмотреть данные вопросы.

Вычислительная модель: свои и чужие боты

Агентно-ориентированное моделирование – один из методов вычислительного моделирования. Основа метода – создание модели, состоящей из некоторого конечного числа автономных агентов, взаимодействующих по определенным и заранее установленным исследователем правилам, находящимся в ограниченном числе состояний (Siegel, 2018). Как отметил Зигель, наиболее известный вид моделирования поведения агентов — это теоретико-игровой подход, где правило поведения агента – максимизация собственного выигрыша (Siegel, 2018). При использовании иных правил поведения агентов получение аналитического решения модели становится невозможным, и в таких случаях поведение модели анализируется при помощи вычислительных экспериментов (Ахременко и др., 2019).

Рассматриваемая модель состоит из 2000 агентов-людей, объединенных в безмасштабную сеть. Безмасштабная сеть – тип графа, в котором распределение степеней вершин (числа соседей) подчинено степенному закону: доля вершин со степенью k приблизительно равна $k^{-\gamma}$, где $2 < \gamma < 3$. Архитектура безмасштабной сети обладает сходством с реальными социальными медиа: относительно небольшое количество агентов оказывается связано с диспропорционально большим числом соседей, симулируя существование «цифровой элиты» (González-Bailón & Wang, 2016), что делает использование безмасштабной сети «стандартом» для «абстрактных» моделей социальных медиа (к примеру, Ross et al., 2019). Однако есть еще один фактор, который необходимо принять во внимание.

Люди предпочитают общество достаточно схожих с ними людей: с одним уровнем образования, социальным происхождением, возрастом и религиозными воззрениями (McPherson et al., 2001). Сходство политических убеждений также является значимым фактором для создания социальных связей: как показали Мослех и его коллеги, пользователи Твиттера с большей вероятностью создавали связи с ботами, чья партийная позиция совпадала с их собственной (Mosleh et al., 2020). Хубер и Малхорта показали, что сходство политических позиций у пользователей сайта для знакомств увеличивало вероятность того, что пользователи начнут коммуникацию, на 9.5% (Huber & Malhotra, 2017). Это явление называется гомофилия. Нельзя сказать, что гомофилия влияет только на само создание социальных связей, благодаря действию этого механизма распространяются общие модели поведения (DellaPosta et al., 2014), происходит рекрутирование новых участников протестных движений (Valenzuela et al., 2014). Для того, чтобы учесть влияние гомофилии, в модель вводится параметр H , принимающий значение от 0 до 1 и определяющий насколько сильно могут различаться позиции агентов, связанных друг с другом в сети. Чем выше значение H , тем ниже уровень гомофилии, и тем более отличающиеся друг от друга агенты могут создавать связи.

Представим себе, что есть несколько человек, объединенных социальной сетью. В каких условиях они могут высказать свою позицию? Во-первых, если они достаточно высоко мотивированы. Во-вторых, в условиях, когда достаточное число их соседей уже высказывают свою позицию, и эта позиция близка позиции молчащего: как под воздействием социального давления² (Klandermans, 1984), так и за счет эффекта «безопасности в массах» (Kuran, 1991). Подобными «соседями» в соци-

¹ Если, конечно, не считать, что «русские боты» значительно повлияли на избрание Трампа.

² «Социальный мотив» к участию по Кландермансу.

альных медиа могут быть как люди, так и боты. В таком случае боты могут способствовать мобилизации, увеличив число политически активных людей. Однако и боты, и люди могут так же и транслировать достаточно далекую позицию, завышая число соседей, поддерживающих противоположную точку зрения. В этом случае на индивида будет оказываться негативное воздействие, побуждающее его скрыть свою позицию.

Чтобы учесть этот фактор – возможность двоякого влияния социального окружения, до начала симуляции устанавливается параметр α , определяющий максимальное различие между позицией агента и усредненной позицией его активных соседей, при котором неактивный агент может присоединиться к активной группе и открыть свою позицию.

Индивидуальны для каждого агента следующие параметры: позиция p (принимающая значения между 0 и 1, извлекаемая из равномерного распределения) и «внутренняя мотивация» m (принимающая значения между 0 и 1, извлекаемая из равномерного распределения)³. Позиция p показывает отношение агента к какой-либо политической проблеме, выступая в роли показателя положения агента на условном «идеологическом спектре», где, например, позиция 0 – полная поддержка определенной политической инициативы, а 1 – ее полное неприятие. Внутренняя мотивация m определяет готовность агента к демонстрации своей позиции и его способность противодействовать негативному воздействию окружения (Noelle-Neumann, 1974).

В момент начала симуляции активируются агенты, для которых выполняется неравенство:

$$(m * |p - 0.5|) > U[0,1].$$

Для сохранения преемственности с более ранними работами (Sohn & Geidner., 2016; Ross et al., 2020; Sohn, 2019) принимается, что публично индивид транслирует не свою точную позицию, а общее отношение «за» или «против». Активированные таким образом агенты со значением позиции $p > 0.5$ образуют группу 1, со значением позиции $p < 0.5$ – группу 2. В дальнейшем, для удобства, входящие в состав группы 2 агенты будут называться «оппозиционеры», входящие в состав группы 1 – «лоялисты».

На последующих шагах симуляции возможность активироваться (открыть позицию и прикнуться к одной из двух групп) получают агенты, для которых среднее значение суммы «внутренней мотивации агента» и доли активных соседей с мнением, находящимся в пределах интервала α , ниже извлекаемого из равномерного распределения с минимальным значением 0 и максимальным значением 1 случайного числа.

Если число активных агентов с близкой позицией (входящих в интервал α) обозначить как n_s , а общее число агентов-соседей как n , то формально это можно записать так:

$$\frac{(m + \frac{n_s}{n})}{2} \leq U[0,1]$$

В случае, если условие выше выполняется, агент сравнивает свою позицию p с усредненными позициями p своих активных соседей: он присоединяется к той группе, различия с которой минимальны, но только в том случае, если это различие не превышает заранее установленное значение α . Разделение групп по позиции 0.5, используемое в момент инициализации симуляции, здесь не применяется. Поэтому агент, чья позиция $p = 0.4$ (потенциальный «оппозиционер»), будучи окруженным активными агентами из группы «лоялистов», может публично присоединиться к группе «лоялистов», сфальсифицировав свои предпочтения.

Находясь в неблагоприятном социальном окружении, люди склонны скрывать свои политические позиции (Noelle-Neumann, 1974). Следовательно, активный агент так же должен обладать способностью скрыть свою позицию, если его группа оказывается в меньшинстве. Соотношение числа сторонников и противников агента в его социальном окружении или локальный климат мнений c , определяется для каждого активного агента по следующей формуле:

$$c = \begin{cases} \frac{n_g - n_d}{n_g + n_d} & \text{если } n_d \text{ и } n_g > 0, \\ \text{иначе } 0. \end{cases}$$

где n_g – количество агентов в той же группе, что и данный агент, n_d – число агентов в другой группе. В случае, если для агента i выполняется $m_i - c_i < m_i$, агент скрывает свою позицию.

³ Рассматривалось так же m , извлекаемое из нормального распределения, различий в поведении модели установлено не было.

Помимо агентов, симулирующих поведение людей, в сети присутствуют боты. Боты отличаются от людей-агентов по трем основным характеристикам. Во-первых, они всегда демонстрируют свою позицию и принадлежат либо к числу «лоялистов», либо к числу «оппозиционеров». Во-вторых, боты всегда имеют меньше связей, чем обычные агенты (люди). В-третьих, боты нацеливаются на агентов, чья позиция находится в определенном промежутке значений позиции p . Первые две характеристики являются стандартом, используемым в «абстрактных» агентно-ориентированных моделях социальных медиа. Третья характеристика позволяет учесть стратегический характер применения ботов: боты используются направленно, для воздействия на определенные сегменты аудитории (Stella et al., 2018; Linvill & Warren, 2020).

Сразу отметим, что в данном случае «бот» симулирует не только собственно ботов в узком смысле – автоматизированные аккаунты, но и любой аккаунт в сети, постоянно демонстрирующий свою политическую позицию. Таковыми могут быть как «тролли» (проплаченные политизированные аккаунты), так и интернет-активисты (не проплаченные политизированные аккаунты).

Результаты вычислительных экспериментов

Моделирование выполнено в программе Netlogo версии 6.2.0 (Wilensky & Rand, 2015). Следующие параметры в процессе проведения симуляции варьировались: уровень гомофилии H (0.2, 0.4, 0.6, 0.8, 1), значение α (0.1, 0.15, 0.2, 0.25, 0.3, 0.35⁴). Во всех симуляциях использовалось 2000 обычных агентов и, если рассматривались боты, 40 ботов или 200 ботов (2% и 10% относительно исходного числа людей соответственно). Чтобы избежать случайных отклонений, возникающих при создании сети и распределении параметра позиции p по агентам с различным числом «соседей», проводилось множество симуляций (100 для каждой комбинации параметров) и анализировались агрегированные результаты по множеству симуляций.

Для начала рассмотрим поведение модели в условиях отсутствия ботов. В зависимости от значения гомофилии H выделяются две основных траектории поведения модели. При слабой гомофилии возникают две приблизительно равные по численности группы агентов; при сильной гомофилии возникает «спираль молчания», и одна из групп оказывается значительно меньше другой – большинство подавляет меньшинство. Так же различия в размере возникающих групп возникают при увеличении значения параметра α . Кратко различия между группами представлены в таблице ниже.

Таблица 1

Значение α	Значение гомофилии H					
	$H = 0.2$	$H = 0.4$	$H = 0.6$	$H = 0.8$	$H = 1$	
0.1	100,5	28,3	35,9	80,7	112,1	Различие в среднем количестве агентов в группах
0.15	110,7	45,3	50,2	124,3	187,3	
0.2	92,9	71,6	78,2	220,0	317,9	
0.25		79,0	109,38	276,7	402,9	
0.3		83,3	123,7	323,2	400,3	
0.35		99,0	139,8	388,7	510,8	

Следует отметить, что при усреднении всех прогонов обе группы являются приблизительно одинаковыми по численности: без применения ботов не удастся стабильно создавать группу «оппозиционеров» большего размера, чем группу «лоялистов» или наоборот. Однако при применении ботов картина меняется.

Рассмотрим первую потенциальную стратегию применения ботов – использование ботов для поддержки мобилизации одной из групп. В этом случае актер, использующий ботов, будет стараться «завысить» число активных агентов в социальном круге потенциальных сторонников, стремясь таким образом «мобилизовать» сторонников.

Рассмотрим ситуацию, когда параметр позиции p у ботов равен 0, а боты нацелены на потенциальных «оппозиционеров». Если боты нацелены на группу агентов с позициями между 0 и 0.2 и

⁴ При дальнейшем увеличении параметра значимых изменений в поведении выявлено не было.

10% ботов, то при значениях гомофилии выше $H > 0.8$, число активных «оппозиционеров» стабильно выше числа активных «лоялистов»: при $H = 0.8$ в среднем в 1.8 раз, при $H = 1$ – в 2.5 раза. При 2% ботов эффект скромнее: при $H = 0.8$ «оппозиционеров» в среднем в 1.3 раза больше «лоялистов», при $H = 1$ – в 1.5 раза. Однако при усилении гомофилии эффект пропадает: при значениях $H < 0.8$ значительная разница в количестве агентов между двумя группами отсутствует.

При нацеливании ботов на агентов с позициями в промежутке от 0.15 до 0.35 при 10% ботов в сети стабильного эффекта удается добиться и при $H = 0.6$: активных «оппозиционеров» в среднем в 1.2 раза больше, чем активных «лоялистов», при $H = 0.8$ – в 2.3 раза, при $H = 1$ – в 2.8 раз. Однако при значениях гомофилии $H < 0.6$ эффект все так же отсутствует. При 2% ботов и $H = 0.6$ эффекта снова нет: при $H = 0.8$ – «оппозиционеров» в среднем в 1.2 раза больше, чем «лоялистов», при $H = 1$ – в 1.3 раза.

Однако, если нацелить ботов на агентов с позициями в промежутке от 0.3 до 0.5, ситуация меняется. При 2% ботов этот новый эффект проявляется при очень сильной гомофилии ($H = 0.2$) и очень слабой гомофилии ($H = 1$): число «лоялистов» в среднем оказывается в 1.15 и 1.17 раз больше числа «оппозиционеров». При 10% ботов число «оппозиционеров» и всех значениях H стабильно оказывалось меньше числа «лоялистов». Для примера, при очень сильной гомофилии ($H = 0.2$) в среднем «лоялистов» было в 1.6 раз больше, чем «оппозиционеров», а при очень слабой гомофилии ($H = 1$) – в 1.8 раза, то есть боты, транслируя слишком далекую позицию, ограничили размер группы, мобилизацию которой должны были стимулировать.

Весьма примечательно, что подобный эффект сохранялся в условиях нацеливания ботов с позицией 0 на агентов с позициями от 0 до 0.2 и 0.3 до 0.5. В этом случае только в условиях слабой гомофилии ($H > 0.6$) число «оппозиционеров» превышало число «лоялистов». Это наталкивает на два вывода.

Для удобства сведем полученные результаты в таблицу:

Таблица 2

Позиция ботов	Значение гомофилии H				
	$H = 0.2$	$H = 0.4$	$H = 0.6$	$H = 0.8$	$H = 1$
$p = 0$, 10% ботов					
Боты нацелены на группу от 0 до 0.2	Нет эффекта			Позитивный эффект ⁵	
Боты нацелены на группу от 0.15 до 0.35	Нет эффекта		Позитивный эффект		
Боты нацелены на группу от 0.3 до 0.5	Негативный эффект ⁶				
$p = 0$, 2% ботов					
Боты нацелены на группу от 0 до 0.2	Нет эффекта			Позитивный эффект	
Боты нацелены на группу от 0.15 до 0.35	Нет эффекта			Позитивный эффект	
Боты нацелены на группу от 0.3 до 0.5	Негативный эффект	Нет эффекта			Негативный эффект

Во-первых, боты, используемые для мобилизации сторонников, должны быть «точно нацелены». Ошибка может привести к нежелательным последствиям.

Во-вторых, боты могут использоваться для проведения информационной манипуляции «под чужим флагом». Можно легко представить, как некое правительство или иная организация использует ботов, замаскированных под излишне радикальных сторонников своих противников.

Теперь рассмотрим другую ситуацию, когда параметр позиции p у ботов равен 0.4. Если боты нацелены на группу агентов с позициями между 0 и 0.2, то, в зависимости от значения α , возникает

⁵ Использование ботов увеличило уровень мобилизации в целевой группе.

⁶ Использование ботов снизило уровень мобилизации в целевой группе.

два типа поведения. При низких значениях α (меньше 0.25) «лоялистов» стабильно больше, чем «оппозиционеров» при всех значениях параметра гомофилии H . При высоких значениях α (выше 0.25) и слабой гомофилии ($H > 0.6$) «оппозиционеров» стабильно больше, чем «лоялистов». Это происходило и при низком, и при высоком количестве ботов (2 и 10% соответственно).

При нацеливании ботов на агентов с позициями в промежутке от 0.15 до 0.35 при 10% ботов в сети, как и в предыдущем случае, стабильного эффекта удастся добиться и при $H = 0.6$: активных «оппозиционеров» в среднем в 1.3 раза больше, чем активных «лоялистов», при $H = 0.8$ – в 2.5 раза, при $H = 1$ – в 3 раза. Однако при значениях гомофилии $H < 0.6$ эффект все так же отсутствует. При 2% ботов и $H = 0.6$ эффекта снова нет: при $H = 0.8$ – «оппозиционеров» в среднем в 1.4 раза больше, чем «лоялистов», при $H = 1$ – в 1.6 раз.

При нацеливании ботов на агентов с позициями в промежутке от 0.3 до 0.5 число «оппозиционеров» стабильно превышает число «лоялистов». При 2% ботов при очень сильной гомофилии ($H = 0.2$) «оппозиционеров» в среднем было в 1.3 раза больше «лоялистов», при очень слабой ($H = 1$) – в 2.6 раза. При 10% ботов при очень сильной гомофилии ($H = 0.2$) «оппозиционеров» в среднем было в 1.3 раза больше «лоялистов», при очень слабой ($H = 1$) – в 9.5 раз.

Для удобства сведем полученные результаты в таблицу:

Таблица 3

Позиция	Значение гомофилии H				
	Позиция ботов $p = 0.4$	$H = 0.2$	$H = 0.4$	$H = 0.6$	$H = 0.8$
Позиция ботов $p = 0.4$, 2% ботов					
Боты нацелены на группу от 0 до 0.2	Эффект зависит от значения α : при значениях $\alpha < 0.25$ негативный эффект, при значениях $\alpha > 0.25$ позитивный эффект				
Боты нацелены на группу от 0.15 до 0.35	Нет эффекта			Позитивный эффект	
Боты нацелены на группу от 0.3 до 0.5	Позитивный эффект				
Позиция ботов $p = 0.4$, 10% ботов					
Боты нацелены на группу от 0 до 0.2	Эффект зависит от значения α : при значениях $\alpha < 0.25$ негативный эффект, при значениях $\alpha > 0.25$ позитивный эффект				
Боты нацелены на группу от 0.15 до 0.35	Нет эффекта			Позитивный эффект	
Боты нацелены на группу от 0.3 до 0.5	Позитивный эффект				

Таким образом, можно сделать несколько предварительных выводов. Во-первых, наибольший эффект боты имеют в условиях слабой гомофилии, а при сильной гомофилии их эффект незначителен. Во-вторых, наибольший эффект имеют боты, нацеленные не на наиболее радикальных членов сети и не транслирующие наиболее радикальные мнения. Более того, если боты, транслирующие наиболее радикальное мнение (в данном случае позицию $p = 0$), нацелить на достаточно далеких от них людей, то эффект будет противоположным. Боты подавляют процесс открытия позиций, то есть фактически подавляют потенциальную политическую мобилизацию. В-третьих, что достаточно очевидно, большее число ботов дает больший эффект.

Наиболее примечательны первые два наблюдения. Барбера показал, что уровень политической гомофилии в американском сегменте Твиттера выше, чем испанском или немецком (Barberá, 2014) – при этом именно американский сегмент считается жертвой наиболее известной атаки ботов на данный момент. Впрочем, следует отметить, что степень гомофилии различается как между различными социальными медиа, различными сообществами внутри социальных медиа (сообщества, активно включенные в обсуждение политики, более гомофильны, чем аполитичные сообщества), так и в различные периоды времени: в период роста общественного интереса к политике степень гомофилии снижалась (Bond & Sweitzer, 2018). Можно предположить, что, для целей мобилизации, наиболее эффективно будет использование ботов в менее гомофильных, обычно аполитичных сообществах, в период роста общественного интереса к политике, а боты должны транслировать доста-

точно умеренные сообщения. Для мобилизации узких и радикальных групп единомышленников боты будут менее эффективны.

Теперь рассмотрим вторую потенциальную стратегию использования ботов: для подавления мобилизации (демобилизации) одной из групп. В таком случае актор, применяющий ботов, будет стараться «завысить» число активных противников группы-цели в социальном круге потенциальных сторонников группы-цели.

Снова рассмотрим ботов, нацеленных на потенциальных «оппозиционеров», но на этот раз – транслирующих позиции потенциальных «лоялистов», завышая их количество в социальном окружении потенциальных «оппозиционеров».

Можно сразу отметить, что при такой стратегии результат применения ботов в целом более эффективен и стабилен. Как и при использовании ботов для мобилизации, эффект растет по мере снижения гомофилии, однако он намного более ярко выражен. Для примера, при нацеливании ботов на агентов с позициями в промежутке от 0.3 до 0.5 (позиция «ботов» равна 0.6) в условиях слабой гомофилии ($H = 1$) число активных «оппозиционеров» в среднем в 26.5 раз меньше числа активных «лоялистов». Фактически, возникает «глобальная спираль молчания».

Как и при применении ботов по первой стратегии, наибольшие различия в размере групп достигаются при трансляции ботами позиции, относительно близкой для агентов-целей. При нацеливании ботов на потенциальных «оппозиционеров» с позициями в промежутке от 0.15 до 0.35 и позиции ботов, равной 0.6, то есть при чуть больших различиях между позицией ботов и позициями членов целевой группы, чем в примере выше и прочих равных параметрах, активных «оппозиционеров» в среднем оказывается только в 3.4 раза меньше числа «лоялистов». Так же выявлено и важное различие в результатах применения ботов по двум потенциальным стратегиям: в отличие от попыток мобилизации при помощи ботов, при демобилизации не возникает «обратный эффект», когда боты, транслирующие «слишком далекую» позицию, вместо того, чтобы мобилизовать агентов-людей, подавляют их активность.

Что примечательно, результаты отчасти перекликаются с результатами, полученными в двух различных исследованиях Бескоу и Карли (Beskow & Carley, 2019) и Россом (Ross B. et al., 2020), для эффективного подавления одной из активных групп в работе последнего потребовалось значительно меньше ботов, чем для эффективной «поддержки» ботами в работе первых.

Заключение

Подводя итоги, кратко повторим, что продемонстрировали вычислительные эксперименты. Было показано, что эффект ботов зависит от уровня гомофилии в сети: при сильной гомофилии боты оказываются значительно менее эффективны, чем при слабой. Боты, используемые для мобилизации сторонников, должны быть «точно нацелены» и транслировать достаточно близкие позиции. Ошибка может привести к «неприятным» для манипулятора результатам в виде демобилизации его потенциальных сторонников. Из этого следует, что боты потенциально могут использоваться для проведения информационных манипуляций «под чужим флагом»: легко представить, как некое правительство или другая организация используют замаскированных под излишне радикальных сторонников какого-либо движения ботов, чтобы снизить число его потенциальных сторонников. В-третьих, использование ботов, нацеленных на демобилизацию противников, имеет больший эффект и более стабильно. К тому же оно не чувствительно к «ошибкам нацеливания». Четвертое достойное внимания наблюдение – зависимость эффективности ботов от уровня гомофилии в социальной сети. На основе этих наблюдений могут быть сформулированы проверяемые эмпирически гипотезы.

Полученные результаты соответствуют и некоторым эмпирическим наблюдениям. Китайская «50-центовая армия» в основном размещает контент, «восхваляющий Китай, революционную историю Коммунистической партии и символы режимы» (King et al., 2017). Эта стратегия соответствует рассмотренной выше стратегии «демобилизации» оппонентов при помощи искусственного завышения числа сторонников правящей партии, показавшей при проведении вычислительных экспериментов большую эффективность, чем стратегия мобилизации сторонников. Конечно, члены «50-центовой армии» – не боты, однако, они, как и боты в представленной выше модели, не подвержены негативному воздействию социального окружения. Исследования влияния отечественных «троллей» на дискуссии в «Живом Журнале» показали, что последние более эффективно подавляли антиправительственные обсуждения, чем поддерживали проправительственную повестку (Sobolev, 2019). Важно отметить, что эти эффекты выявлялись только для «политических» обсуждений: при обсуждениях

экономической ситуации «тролли» были неэффективны. Впрочем, с демобилизацией онлайн-дискуссии справлялись и обычные боты: ботам успешно удалось подавить хэштег #YaMeCanse в Мексике в 2014 г. (Suárez-Serrato et al., 2016), похожая тактика применялась для подавления оппозиционных хэштегов в России и Китае (Verkamp & Gupta, 2013). Попытки использовать ботов и «троллей» для поддержки мобилизации сторонников какой-либо политической позиции так же происходят достаточно регулярно (Schäfer et al., 2017; Keller et al., 2020). Впрочем, однозначного вывода об эффективности или неэффективности этой стратегии пока сделать не удастся. Как уже было сказано выше, эффективность действий «троллей» для поддержки проправительственных дискуссий в «Живом Журнале» была низка (Sobolev, 2019), однако эксперимент Цербака и его коллег показал, что потенциально такое влияние может быть относительно велико (Zerback et al., 2021).

Негативное воздействие «радикальных» ботов на мобилизацию так же получает определенное подтверждение в существующей литературе. Литература, посвященная демобилизации социальных движений, в качестве одного из факторов демобилизации выявляет возникновение внутри движения радикальных фракций (Della Porta & Diani, 2006). Как демонстрируют проведенные вычислительные эксперименты, «завысив» число радикалов, можно стабильно демобилизовать потенциально возникающее движение еще на этапе мобилизации. Используются ли боты правительствами разных стран для достижения этой цели? Здесь эмпирические свидетельства отсутствуют, однако следует вспомнить, что и правительства в авторитарных государствах, и правительства в демократиях используют, как выразился Гэри Маркс, «забытых» участников социальных движений: информаторов и провокаторов (Marx, 1974). Предположение, что провокаторы действуют и в социальных медиа не следует считать нереалистичным.

Среда, в которой действуют боты, не нейтральна: социальные медиа с различной степенью успеха пытаются бороться с ботами, в особенности с теми, что распространяют политическую дезинформацию. Кроме того, социальные медиа используют алгоритмы фильтрации контента, подбирающие для каждого пользователя посты, соответствующие его интересам. Пусть эти два механизма и не рассматривались в данной статье отдельно, но на основе полученных результатов можно выдвинуть несколько предположений о том, каким будет это взаимодействие.

У борьбы с ботами могут проявиться и побочные эффекты. Маркировка пользователей и «фактчекинг» и маркировка сообщений как «недостовверных» может вызвать гнев у тех, кто считает позиции «маркированных» близкими. А гнев, как продемонстрировали более ранние исследования, способствует распространению дезинформации (Weeks, 2015). Есть еще два фактора, снижающих эффективность маркировок сообщений и пользователей. Первый связан с особенностями поведения самих пользователей, более склонных распространять те сообщения фактчекеров, которые соответствуют их собственным политическим убеждениям (Shin & Thorson, 2017). Второй негативный фактор – относительно низкая эффективность борьбы с политической дезинформацией по сравнению с прочими видами дезинформации. При этом простая маркировка сообщений, апелляции к «недостовверности» источника или удаление сообщений малоэффективно и для неполитической дезинформации (Walter & Murphy, 2018). Таким образом, можно предположить, что борьба с дезинформацией не сможет полностью обезвредить ботов.

Что касается фильтрации контента, то, по крайней мере для Твиттера, было показано, что алгоритмы фильтрации контента политически нейтральны, хотя и предлагаемая пользователю информация в значительной мере зависит от собственных политических предпочтений пользователя (Chen et al., 2021). Такая ситуация соответствует симулируемым высоким уровням гомофилии, при которых воздействие ботов на мобилизацию отсутствует, а на демобилизацию минимально. Конечно, социальное медиа, с целью борьбы с распространением определенной информации может манипулировать системой фильтрации, «искусственно завысив представленность мнений оппонентов» в выдачах пользователей. Однако, как показали симуляции выше, как раз при уменьшении гомофилии социальное медиа становится более уязвимым для манипуляций при помощи ботов. Впрочем, как уже было отмечено выше, это только предположения, и исследование влияния взаимодействия ботов, методов борьбы с ними и фильтрующих алгоритмов социальных медиа требует отдельных исследований.

Конечно, не следует, опираясь на полученные выше результаты, сразу провозглашать, что при помощи ботов можно контролировать поведение пользователей в социальных медиа, подстегивая мобилизацию одних и подавляя ее среди других. Однако полученные результаты явно демонстрируют, что подобная возможность есть, и следует продолжить исследовать эту проблему уже при помощи эмпирических методов.

Список литературы / References

- Ахременко, А. С., Петров, А.П., Пхоун, Ч. and Жеглов, С. А. (2021) ‘Как информационно-коммуникационные технологии меняют тренды в моделировании политических процессов: к агентному подходу’, *Политическая наука*, (1), сс. 12–45. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.01.01>. [Akhremenko, A. S., Petrov, A. P., Phoun Ch., Zheglov, S.A. (2021) ‘How information and communication technologies change trends in modelling political processes: towards an agent-based approach’ [‘Kak informacionno-kommunikacionnye tehnologii menjajut trendy v modelirovanii politicheskikh processov: k agentnomu podhodu’], *Political science* (RU), (1), pp. 12–45. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.01.01> (In Russ.)].
- Assenmacher, D., Clever, L., Frischlich, L., Quandt, T., Trautmann, H. and Grimme, C. (2020) ‘Demystifying social bots: On the intelligence of automated social media actors’, *Social Media+ Society*, 6(3), pp. 1–16. DOI: <https://doi.org/10.1177/2056305120939264>.
- Barberá, P. (2014) How social media reduces mass political polarization. Evidence from Germany, Spain, and the US [Online]. Available at: URL: http://pabobarbera.com/staic/barbera_polarization_APSA.pdf (5th November 2021).
- Benigni, M. C., Joseph, K. and Carley, K. M. (2019) ‘Bot-ivism: assessing information manipulation in social media using network analytics’, in: *Emerging Research Challenges and Opportunities in Computational Social Network Analysis and Mining*, pp. 19–42. Springer, Cham. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-94105-9_2.
- Beskow, D. M. and Carley, K. M. (2019) ‘Agent based simulation of bot disinformation maneuvers in Twitter’, in: *2019 Winter simulation conference (WSC)*, pp. 750–761. IEEE. DOI:10.1109/WSC40007.2019.9004942.
- Bond, R. M. and Sweitzer, M. D. (2018) ‘Political homophily in a large-scale online communication network’, *Communication Research*, pp. 1–23. DOI: <https://doi.org/10.1177/0093650218813655>.
- Brachten, F., Stieglitz, S., Hofeditz, L., Kloppenborg, K. and Reimann, A. (2017) ‘Strategies and Influence of Social Bots in a 2017 German state election-A case study on Twitter’ [online], [Preprint]. [Viewed date 05 September 2021]. URL: <https://arXiv:1710.07562>.
- Carley, K. M. (2020) ‘Social cybersecurity: an emerging science’, *Computational and mathematical organization theory*, 26(4), pp. 365–381. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10588-020-09322-9>.
- Chen, W., Pacheco, D., Yang, K. C. and Menczer, F. (2021) ‘Neutral bots probe political bias on social media’, *Nature communications*, 12(1), pp. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41467-021-25738-6>.
- Della Porta, D. and Diani, M. (2006) *Social movements: An introduction*. John Wiley & Sons.
- DellaPosta, D., Shi, Y. and Macy, M. (2015) ‘Why do liberals drink lattes?’, *American Journal of Sociology*, 120(5), pp. 1473–1511. DOI: <https://doi.org/10.1086/681254>.
- Diamond, L. (2010) ‘Liberation technology’, *Journal of democracy*, 21(3), pp. 69–83. DOI:10.1353/jod.0.0190.
- Farrell, H. (2012) ‘The consequences of the internet for politics’, *Annual review of political science*, 15, pp. 35–52. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-030810-110815>.
- Ferrara, E. (2017) ‘Disinformation and social bot operations in the run up to the 2017 French presidential election’ [online], [Preprint]. [Viewed date 05 September 2021]. URL: <https://arXiv:1707.00086>.
- Ferrara, E., Varol, O., Davis, C., Menczer, F. and Flammini, A. (2016) ‘The rise of social bots’, *Communications of the ACM*, 59(7), pp. 96–104. DOI: <https://doi.org/10.1145/2818718>.
- González-Bailón, S. and Wang, N. (2016) ‘Networked discontent: The anatomy of protest campaigns in social media’, *Social networks*, 44, pp. 95–104. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socnet.2015.07.003>.
- Gould, R. V., (1991) ‘Multiple networks and mobilization in the Paris Commune, 1871’, *American Sociological Review*, 56(6), pp.

- 716–729. DOI: <https://doi.org/10.2307/2096251>.
- Huber, G. A. and Malhotra, N. (2017) ‘Political homophily in social relationships: Evidence from online dating behavior’, *The Journal of Politics*, 79(1), pp. 269–283. DOI: <https://doi.org/10.1086/687533>.
- Keller, F. B., Schoch, D., Stier, S. and Yang, J. (2020) ‘Political astroturfing on Twitter: How to coordinate a disinformation campaign’, *Political Communication*, 37(2), pp. 256–280. DOI: <https://doi.org/10.1080/10584609.2019.1661888>.
- King, G., Pan, J. and Roberts, M. E. (2017) ‘How the Chinese government fabricates social media posts for strategic distraction, not engaged argument’, *American political science review*, 111(3), pp. 484–501. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055417000144>.
- Klandermans, B. (1984) ‘Mobilization and participation: Social-psychological expansions of resource mobilization theory’, *American sociological review*, pp. 583–600. DOI: <https://doi.org/10.2307/2095417>.
- Kuran, T. (1991) ‘Now out of never: The element of surprise in the East European revolution of 1989’, *World politics*, 44(1), pp. 7–48. DOI: <https://doi.org/10.2307/2010422>.
- Linvill, D. L. and Warren, P. L. (2020) ‘Troll factories: Manufacturing specialized disinformation on Twitter’, *Political Communication*, 37(4), pp. 447–467. DOI: <https://doi.org/10.1080/10584609.2020.1718257>.
- Marx, G. T., (1974) ‘Thoughts on a neglected category of social movement participant: The agent provocateur and the informant’, *American Journal of Sociology*, 80(2), pp. 402–442. DOI: <https://doi.org/10.1086/225807>.
- McPherson, M., Smith-Lovin, L. and Cook, J. M. (2001) ‘Birds of a feather: Homophily in social networks’, *Annual review of sociology*, 27(1), pp. 415–444. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.27.1.415>.
- Metaxas, P. T. and Mustafaraj, E. (2012) ‘Social media and the elections’, *Science*, 338(6106), pp. 472–473. DOI: [10.1126/science.1230456](https://doi.org/10.1126/science.1230456).
- Mosleh, M., Martel, C., Eckles, D. and Rand, D. G. (2021) ‘Shared partisanship dramatically increases social tie formation in a Twitter field experiment’, *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 118(7). DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.2022761118>.
- Noelle-Neumann, E. (1974) ‘The spiral of silence a theory of public opinion’, *Journal of communication*, 24(2), pp. 43–51. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1974.tb00367.x>.
- Ratkiewicz, J., Conover, M., Meiss, M., Gonçalves, B., Patil, S., Flammini, A. and Menczer, F. (2011) ‘Truthy: mapping the spread of astroturf in microblog streams’, in: *Proceedings of the 20th international conference companion on World wide web*, pp. 249–252. DOI: <https://doi.org/10.1145/1963192.1963301>.
- Ross, B., Pilz, L., Cabrera, B., Brachten, F., Neubaum, G. and Stieglitz, S. (2019) ‘Are social bots a real threat? An agent-based model of the spiral of silence to analyse the impact of manipulative actors in social networks’, *European Journal of Information Systems*, 28(4), pp. 394–412. DOI: <https://doi.org/10.1080/0960085X.2018.1560920>.
- Sanovich, S., Stukal, D. and Tucker, J. A. (2018) ‘Turning the virtual tables: Government strategies for addressing online opposition with an application to Russia’, *Comparative Politics*, 50(3), pp. 435–482. DOI: [10.5129/001041518822704890](https://doi.org/10.5129/001041518822704890).
- Schäfer, F., Evert, S. and Heinrich, P. (2017) ‘Japan’s 2014 General Election: Political Bots, Right-Wing Internet Activism, and Prime Minister Shinzō Abe’s Hidden Nationalist Agenda’, *Big data*, 5(4), pp. 294–309. DOI: [10.1089/big.2017.0049](https://doi.org/10.1089/big.2017.0049).
- Shin, J. and Thorson, K. (2017) ‘Partisan selective sharing: The biased diffusion of fact-checking messages on social media’, *Journal of Communication*, 67(2), pp. 233–255. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcom.12284>.
- Siegel, D. A. (2009) ‘Social networks and collective action’, *American journal of political science*, 53(1), pp. 122–138. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2008.00361.x>.
- Siegel, D. A. (2018) ‘Analyzing computational models’, *American Journal of Political Science*, 62(3), pp. 745–759. DOI: <https://doi.org/10.1111/ajps.12364>.
- Silva, B. C. and Proksch, S. O. (2021) ‘Fake It ‘Til You Make It: A Natural Experiment to Identify European Politicians’ Benefit from Twitter Bots’, *American Political*

- Science Review*, 115(1), pp. 316–322. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055420000817>.
- Sobolev, A. (2019) How social media reduces mass political polarization. Evidence from Germany, Spain, and the US [Online]. Available at: URL: <https://www.wpsanet.org/papers/docs/2019W-Feb-Anton-Sobolev-Trolls-VA.pdf> (5th November 2021).
- Sohn, D. and Geidner, N. (2016) ‘Collective dynamics of the spiral of silence: The role of ego-network size’, *International Journal of Public Opinion Research*, 28(1), pp. 25–45. DOI: <https://doi.org/10.1093/ijpor/edv005>.
- Sohn, D. (2019) ‘Spiral of silence in the social media era: A simulation approach to the interplay between social networks and mass media’, *Communication Research*, pp. 1–28. DOI: <https://doi.org/10.1177/0093650219856510>.
- Stein, E. A. (2017) ‘Are ICTs Democratizing Dictatorships? New Media and Mass Mobilization’, *Social Science Quarterly*, 98(3), pp. 914–941. DOI: 10.1111/ssqu.12439.
- Stella, M., Ferrara, E. and De Domenico, M. (2018) ‘Bots increase exposure to negative and inflammatory content in online social systems’, *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 115(49), pp. 12435–12440. DOI: 10.1073/pnas.1803470115.
- Stukal, D., Sanovich, S., Bonneau, R. and Tucker, J. A. (2017) ‘Detecting bots on Russian political Twitter’, *Big data*, 5(4), pp. 310–324. DOI: 10.1089/big.2017.0038.
- Stukal, D., Sanovich, S., Tucker, J. A. and Bonneau, R. (2019) ‘For Whom the Bot Tolls: A Neural Networks Approach to Measuring Political Orientation of Twitter Bots in Russia’, *SAGE Open*, 9(2), pp. 1–16. DOI: <https://doi.org/10.1177/2158244019827715>.
- Suárez-Serrato, P., Roberts, M. E., Davis, C. and Menczer, F. (2016) ‘November. On the influence of social bots in online protests’, in: *International Conference on Social Informatics*, pp. 269–278. Springer, Cham. DOI: http://dx.doi.org/10.1007/978-3-319-47874-6_19.
- Valenzuela, S., Arriagada, A. and Scherman, A. (2014) ‘Facebook, Twitter, and youth engagement: A quasi-experimental study of social media use and protest behavior using propensity score matching’, *International Journal of Communication*, 8, pp. 2046–2070.
- Verkamp, J. P. and Gupta, M. (2013) ‘Five incidents, one theme: Twitter spam as a weapon to drown voices of protest’, in: *3rd {USENIX} Workshop on Free and Open Communications on the Internet ({FOCI} 13)*.
- Walter, N. and Murphy, S. T. (2018) ‘How to unring the bell: A meta-analytic approach to correction of misinformation’, *Communication Monographs*, 85(3), pp. 423–441. DOI: <https://doi.org/10.1080/03637751.2018.1467564>.
- Wang, G., Mohanlal, M., Wilson, C., Wang, X., Metzger, M., Zheng, H. and Zhao, B. Y. (2012) ‘Social turing tests: Crowdsourcing sybil detection’ [online], [Preprint]. [Viewed date 05 September 2021]. URL: <https://arxiv.org/abs/1205.3856>.
- Weeks, B. E. (2015) ‘Emotions, partisanship, and misperceptions: How anger and anxiety moderate the effect of partisan bias on susceptibility to political misinformation’, *Journal of communication*, 65(4), pp. 699–719. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcom.12164>.
- Wilensky, U. (1999) NetLogo [online]. Center for Connected Learning and Computer-Based Modeling, Northwestern University, Evanston, IL. [Viewed date 05 September 2021]. URL: <http://ccl.northwestern.edu/netlogo/>.
- Zerback, T., Töpfl, F. and Knöpfle, M. (2021) ‘The disconcerting potential of online disinformation: Persuasive effects of astroturfing comments and three strategies for inoculation against them’, *New Media & Society*, 23(5), pp. 1080–1098. DOI: <https://doi.org/10.1177/1461444820908530>.

Статья поступила в редакцию: 22.09.2021

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 06.11.2021

Статья принята к печати: 15.11.2021

**BOTS LEADING THE PEOPLE?
MODEL OF SOCIAL BOT'S IMPACT ON POLITICAL MOBILIZATION
AND DEMOBILIZATION IN SOCIAL MEDIA**

К. А. Toloknev

K. A. Toloknev, graduate student,
National Research University “Higher School of Economics”, Russia, Moscow
E-mail: kirtoloknev@gmail.com (ORCID: 0000-0003-3712-9978. ResearcherID: AAD-3672-2020).

Abstract

Bots (automated accounts) in social media have gained more attention from social scientists in recent years. The former are employed by both governments and civil society groups in order to manipulate online political discussion in social media. Nevertheless, there is no conclusive evidence on their effectiveness as a tool to bolster (mobilize) or suppress (demobilize) political discussion in social media. This paper presents a novel agent-based model, capable of simulating bot deployment as both mobilization and demobilization tool. Results of the simulations reveal three major effects of bot deployment. First, bots are more effective at demobilizing opponents than mobilizing supporters. Second, transmitting radical opinions via bots may backfire, demobilizing a certain group rather than mobilizing it. Third, the effectiveness of social bots is dependent on homophily: more homophilous networks are less susceptible to bots' influence. Results of modeling may both advance our estimations of bots' effectiveness and serve as a tool to generate potential hypotheses for future empirical research.

Keywords: bots; social media; political communication; agent-based model; protest; political mobilization; political demobilization; computational modelling.

УДК-32:329.4

DOI: 10.17072/2218-1067-2021-4-30-35

ЭТНИЧЕСКИЕ ПАРТИИ КАК КАТАЛИЗАТОР ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ АРГУМЕНТЫ

В. В. Сидоров

Сидоров Виктор Владимирович, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет.
E-mail: Viktor.Sidorov@kpfu.ru (ORCID: 0000-0002-6585-5312. ResearcherID: E-8273-2017).

Аннотация

Этнические партии создаются для представительства интересов этнических групп в политике. В политической науке ведутся дискуссии о том, являются ли этнические партии катализатором этнических конфликтов. Цель статьи – дать критический обзор современных теоретических и эмпирических аргументов о взаимосвязи этнических конфликтов и этнических партий. Автор концентрирует внимание на теоретических аргументах сторонников модели общественной демократии и сторонников центристской модели устройства полиэтнических государств. Данные модели по-разному видят роли этнических партий. Общественная демократия предполагает активное этническое представительство с помощью этнических партий, в то время как центристская модель предлагает инкорпорировать этнические партии в общенациональные предвыборные коалиции. В статье доказано, что данные модели не противоречат друг другу, а лишь описывают разные институциональные условия, которые могут быть использованы в определенных обстоятельствах. Сравнивая теоретические и эмпирические аргументы, автор статьи показывает, что связь между этническими партиями и этническими конфликтами обнаруживается в условиях институциональных ограничений возможности включения этнических групп в политику и отсутствия сотрудничества между элитами этнических групп.

Ключевые слова: этнический конфликт; этнические партии; этническое представительство; этническое голосование; общественная демократия.

Начиная со второй половины XX в. во многих странах мира этнические партии стали значимой политической силой. Электоральные успехи этнических партий стали еще более значимыми после окончания глобального идеологического противостояния между коммунистическим и либеральным блоками стран. Возникли новые этнические партии, а уже существующие укрепили свои позиции.

Политологи стали интересоваться политическими последствиями существования и успешного функционирования этнических партий. Насколько они могут стать угрозой внутривнутриполитической стабильности в полиэтнических обществах? Будут ли межэтнические конфликты, инициированные деятельностью этнических партий, вооруженными, или конфликты будут институционализированы в рамках парламентских институтов? Насколько этнические партии углубляют этнические расколы в полиэтнических обществах? Наконец, как сделать так, чтобы этнические партии служили целям демократии, а не корыстными интересам элит определенной этнической группы?

Вопрос о природе и последствиях функционирования этнических партий имеет серьезное значение для реальной политики. На практике многие государства законодательно запретили создание партий на этнической основе. Запрет этнических партий подразумевает радикальную поддержку тезиса о том, что этнические партии вредят единству общества и в конечном счете единству государства. Этнические партии попали под запрет в таких странах, как Афганистан, Россия, Турция, Ирак и многих других. По данным исследования А.Бекер и М. Баседау, этнические партии запрещены в 22 государствах южнее Сахары (Basedau & Bogaards, 2003: 633). Их запрет стал одним из самых распространенных инструментов сдерживания деструктивных проявлений политизации этничности.

В наиболее общем виде исследовательский вопрос, который находится в центре внимания большинства политологов звучит следующим образом: являются ли этнические партии катализато-

ром этнических конфликтов? Иными словами, политологи пытаются доказать или опровергнуть гипотезу, что чем сильнее в обществе влияние этнических партий, тем выше интенсивность этнических конфликтов.

Концептуальная проверка данной гипотезы в современной политологии разделилась на два основных направления исследований. Первая группа политологов сфокусировалась на теоретических аргументах, в то время как вторая – сделала акцент на эмпирических методах проверки указанной гипотезы. Большинство теоретических исследований взаимосвязи этнических партий и этнических конфликтов строится на постулатах неинституционального исследовательского подхода, согласно которому причины этнических конфликтов (впрочем, как и межэтнического мира) следует искать в конфигурации и особенностях функционирования политических институтов полиэтнических государств.

Существует две теории, предлагающие разный взгляд на институциональный дизайн полиэтнических государств для того, чтобы избежать этнических конфликтов и поддержать межэтнический мир и стабильность. Первая теория, получившая широкое признание в политологии, была сформулирована А. Лейпхартом, предложившим модель общественной (консоциальной) демократии. По А.Лейпхарту в многосоставных обществах демократия поддерживается благодаря совокупности институциональных механизмов: большой коалиции, праву вето, автономности сегментов и пропорциональности представительства (Lijphart, 1977). Само понятие многосоставного общества относится не только к полиэтническим обществам, но и к обществам, разделенным по идеологическим основаниям. А.Лейпхарт приводит пример послевоенной Австрии, где политические партии правого и левого крыла идеологического спектра смогли создать большую коалицию.

Институционально модель общественной демократии соответствует такому дизайну, где парламентская республика соединяется с пропорциональной избирательной системой и федеративным государственным устройством. Все примеры, которые в своей книге приводит Лейпхарт соответствуют такому институциональному дизайну: Бельгия, Швейцария, Австрия (короткий период).

В общественной демократии этнические партии, во-первых, обеспечивают представительство этнических сегментов общества, пропорционально своей доли в социальной структуре, а во-вторых, являются участниками большой коалиции. А.Лейпхарт подчеркивал, что создание общественной демократии зависит от набора предпосылок, связанных с размером государства и соотношением сегментов общества. Важной предпосылкой является существование устойчивого сотрудничества элит, представляющих различные сегменты. Таким образом, сторонники общественной модели демократии рассматривают этнические партии как институты, уменьшающие интенсивность конфликтов с помощью мирной артикуляции интересов этнических сегментов. Сотрудничество элит приводит к формированию большой коалиции, а интересы этнических групп уравниваются путем нахождения компромиссов в парламенте.

Позитивный взгляд на этническое представительство посредством партий предполагает, что этнические партии способствуют интеграции этнических групп в общенациональный политический процесс, создавая стимулы и условия для межэтнического сотрудничества. Создание условий для политического представительства этнических групп и низкие пороги доступа к конкуренции за властные позиции облегчат интеграцию нелояльных групп, что в конечном счете ведет к смячению расколов по этническим линиям. Ф.Кохен утверждает, что чем шире политическая представленность этнической группы в политической системе, тем более группа чувствует свою «связанность» с существованием в ней: доступность политических институтов для этнического участия и создание более явных этнических размежеваний вовлекает этнические группы в менее интенсивный конфликт с использованием ненасильственных средств для изменения этнополитического статуса-кво (Cohen, 1997: 628).

Традиционно считается, что в работах американского политолога Д. Горовица была представлена модель управления этническими размежеваниям в полиэтнических обществах, которая противоположна модели общественной демократии А.Лейпхарта (Horowitz, 1985). Теоретическая аргументация сторонников модели общественной демократии подверглась в работах Д. Горовица серьезной переоценке. Логика функционирования общественной демократии предполагает, что этнополитический конфликт не устраняется, а институционализируется. Процесс политизации этничности, по сути, институционально поощряется, и нет гарантий, что хрупкий баланс власти разных групп будет устойчивым. Борьба за власть в рамках большой коалиции не может быть бесконфликтной. Социальная демократия –крайне неустойчивая модель для управления полиэтническими обществами, а этнические партии несут угрозу единству государства и общества.

Предложенный Д. Горовицем центристский подход (иногда его называют интегративным подходом (Woff, 1996: 6)) предполагает, что необходимо сосредоточиться на стимулах для преодоления различий между этническими группами, а их прямое представительство через партии может быть опасным. Д.Горовиц полагал, что обращение к электорату с помощью этнической риторики, требования этнических предпочтений, поддержка шовинистических настроений внутри этнических групп, зеркальное отражение этнических расколов в партийной системе – все это является катализатором этнических конфликтов. Политики и этнические партии создают этнические конфликты (Horowitz, 1985: 292).

Как снизить этническое напряжение в обществе? Д.Горовиц предлагает внедрить стимулы для формирования предвыборных коалиций между этническими партиями и не только. Д.Горовиц считает, что «межгрупповое политическое соглашение» достигается посредством «избирательных систем, которые обеспечивают стимулы для партий формировать коалиции с участием разных групп или иным образом смягчать их этноцентристское политическое поведение» (Horowitz, 2004: 507–508).

Напрямую модель Д. Горовица не отвергает возможность существования этнических партий, однако предпочтительно, чтобы они либо формировали предвыборные коалиции, либо партии были только общенациональные. Этому будет способствовать использование предпочтительных избирательных систем: альтернативного голосования или системы единственного передаваемого голоса. Д.Горовиц в числе механизмов центристской модели выделяет реализацию политики, направленной на создание альтернативных политических организаций, объединяющих людей по признаку принадлежности к социальному классу или какой-либо территории с тем, чтобы сгладить этнические расколы политическим путем (Horowitz 1985: 567–600).

Еще один сторонник центристского подхода Б.Рейли отмечает, что необходимо стремиться к тому, чтобы партии искали поддержки у разных этнических групп (Reilly, 2001: 11). Д.Горовиц и его сторонники выступают за интеграцию этнических групп в общенациональный политический процесс через пересечение расколов, в то время как модель А.Лейпхарта предлагает соучастие этнических партий в рамках большой коалиции.

Сообщественная демократия основывается на большой коалиции, сформированной после выборов, в то время как центристский подход ищет стимулы для формирования межэтнических коалиций до выборов. Т.Сиск отмечает, что в идеале должны быть созданы мультиэтнические партии, объединенные на основе широких идеологических платформ (Sisk, 1996). Теоретические аргументы, поддерживающие тезис об опасности этнических партий, были представлены в работе Э. Рабушки и К. Шепсле (Rabushka & Shepsle, 1972). Ранее они отмечали, что этнические партии подрывают межэтническое сотрудничество, а это неизбежно ведет к конфликтам и недемократическому политическому процессу.

Исследования этничности и этнических партий, представленные в работах Й. Бирнер, К. Чандра, Д. Фирон, Д. Лейтин, сформировали модифицированный подход к связи этнических партий и этнических конфликтов (Birner, 2006; Chandra, 2005; Fearon & Laitin: 2003). Данные исследования показывают, что связь этнических партий и этнических конфликтов не является прямолинейной, а исследователям стоит сосредоточиться на вмешивающихся переменных. Продуктивным является исследование интересов этнических групп, их стратегий, особенностей коллективных действий. К. Чандра, к примеру, последовательно выступает против тезиса, что этнические партии запускают «цепную реакцию» действий для развертывания этнического конфликта. Как и Д. Горовиц, она утверждает, что этнические партии не несут опасность, если только у них будут институциональные стимулы соревноваться в нескольких идеологических электоральных измерениях, а не сосредотачиваться на этнических вопросах (Chandra, 2005: 235). Чем больше этнические партии высказываются по широкому кругу вопросов текущей повестки дня, касающихся всех избирателей, тем в большей степени этнические партии содействуют демократии и стабильности в полиэтническом обществе.

Интересный исследовательский ракурс предложила Й. Бирнер. По ее мнению, политизация этничности необязательно ведет к насильственному конфликту (Birner, 2006: 235). Причиной возникновения этнических вооруженных конфликтов является политическое отчуждение этнических групп от доступа к исполнительной власти. Институционализованные этнические партии, которые Й. Бирнер называет «этническими аттракторами», создаются для парламентской деятельности. Такие партии выбирают стратегии сепаратизма, если институционально отсутствуют возможности обладать постами в исполнительной власти.

Теоретические исследования демонстрируют, что политологи не отрицают возможности представительства интересов этносов посредством этнических партий. Вопрос заключается в том, как

избежать этнических конфликтов и построить устойчивую демократию в полиэтнических государствах. Ответ заключается в формулировании модели институционального дизайна, согласующего интересы разных общественных групп в условиях полиэтничности. Создатель модели общественной демократии А. Лейпхарт отмечал, что такую модель можно создать, если есть необходимые предпосылки. В числе них – небольшой размер государства, равенство сегментов, традиции сотрудничества элит. Очевидно, что среди полиэтнических государств найдется немного примеров, имеющих необходимые предпосылки. Центристский подход также требует от политиков сотрудничества и готовности к мирному диалогу. Суммируя теоретические аргументы, сформулированные в современной политологии, мы можем сделать вывод, что этнические партии сами по себе не могут стать причиной конфликта или обеспечить межэтническое согласие. Они выступают лишь одним из институтов в рамках более широкого институционального дизайна демократических полиэтнических обществ. При этом данный институт становится катализатором этнических конфликтов, если в обществе нет готовности элит к сотрудничеству и поиску компромиссов, а также есть политическое отчуждение по этническому признаку.

Теоретические исследования взаимосвязи этнических партий и этнических конфликтов обычно предлагают аргументы, но подкрепляют их исключительно иллюстрациями. Теоретические исследования не игнорируют эмпирику, однако сосредотачиваются на раскрытии логики функционирования этнических партий и анализе различных институциональных дизайнов.

Наряду с теоретическими исследованиями, существует ряд работ, ориентированных на эмпирические методы. К примеру, в исследовании Ш. Строскейна использована стратегия регионального сравнительного анализа функционирования этнических партий. Автор приходит к выводу, что этнические партии – не причина этнических конфликтов, а их следствие: этнические партии лишь отражают уже существующие общественные размежевания по этническим линиям (Stroschein, 2001: 68). Изучая этнические партии на постсоветском пространстве, Дж. Ишияма и М. Бренинг показали, что появление этнических партий помогло включить в политический процесс те этнические группы, которые в ином случае оказались бы отчужденными от политики (Ishiyama & Breuning: 179). Этнические партии в регионе Центральной и Восточной Европы имеют примеры значимого электорального успеха (Панов, 2020: 30–33). В эмпирическом исследовании М. Исобчук показано, что организованное выражение этничности в странах Восточной Европы значительно объясняет динамику этнического конфликта (Исобчук, 2021: 95).

Наиболее систематичное эмпирическое исследование влияния этнических партий на этнические конфликты было предпринято Дж. Ишиямой. Опираясь на эмпирические данные 82 стран с 1985 по 2003 гг., исследовалась взаимосвязь этническими партий и интенсивности этнического конфликта (Ishiyama, 2009). Измерение этнического конфликта было проведено с помощью создания баз данных по двум переменным: уровню протеста и интенсивности насильственных действий. Данные были взяты из базы «Меньшинства в ситуации риска» (Minorities at Risk). Исходя из теоретических разработок предыдущих авторов Дж. Ишияма ввел дополнительную переменную, учитывающую возможность демократического доступа этнических групп к должностям в исполнительной власти. Для этого использовались данные из базы POLITY IV. Автор пришел к выводу, что этнические группы, представленные этнической партией, сильнее вовлекаются в протестную деятельность, чем этнические группы, не имеющие соответствующих этнических партий. Кроме того, демократические режимы имеют более высокий уровень протестной активности. Однако было бы большим упрощением сказать, что этнические партии стимулируют протестную активность и межэтнические конфликты. Главный вывод исследования Дж. Ишиямы заключается в том, что появление этнической партии усиливает этническую мобилизацию, но не делает этнический конфликт более масштабным. Хотя этнические партии и повышают уровень этнической мобилизации, не существует неизбежной связи между политизацией этничности и этническим конфликтом, а возможность доступа к исполнительной власти позволяет значительно снизить вероятность вооруженного конфликта.

На наш взгляд, при всей ценности эмпирических исследований стоит отметить и ряд ограничений. Эмпирическое исследование взаимосвязи этнических партий и этнических конфликтов сталкивается с совокупностью проблем методологического характера. Во-первых, существует множество причин этнических конфликтов (Зазнаев, 2021: 35–38). Невозможно выделить единственный институциональный катализатор этнических конфликтов, речь должна идти о совокупности факторов. Во-вторых, исследователи сталкиваются с проблемой отбора случаев, поскольку существуют разные ответы на вопрос, что считать этнической партией (Chandra, 2011). Данный вопрос остается предметом научных дискуссий. В-третьих, в политической науке предложено несколько методик измерения эт-

нических конфликтов. Идентификация и операционализация этнических конфликтов как зависимой проблемой является серьезной методологической проблемой этнополитологии. Наконец интерпретация полученных эмпирических данных также является не простой задачей. Большое количество независимых и вмешивающихся переменных делает исследование причин этнических конфликтов объемной исследовательской задачей.

Теоретические исследования взаимосвязи этнических партий и конфликтов страдает своими собственными методологическими недостатками. Главной проблемой остается оторванность теоретических абстракций от реальной политической практики. Отчасти это компенсируется ограничением числа случаев, к которым можно применить теорию, как это было сделано А. Лейпхартом в модели общественной демократии. Однако такая исследовательская стратегия ведет к тому, что данная модель оказывается ограниченной в использовании для анализа этнополитики. Однако было бы ошибкой измерять ценность научной теории исключительно объяснительной силой. Дискуссия, поднятая А. Лейпхартом, несомненно, является важнейшей для современной политологии.

Сравнивая результаты теоретических и эмпирических исследований взаимосвязи этнических партий и этнических конфликтов, можно сделать следующие выводы:

Традиционное для политической науки противопоставление двух теоретических моделей общественной и центристской демократии не представляется продуктивным. А. Лейпхарт специально указал на ограничение применимости данной модели. Центристская модель, представленная Д. Горовитцем, подходит для большего числа государств и является более универсальным институциональным дизайном.

Обе модели подчеркивают важность сотрудничества элит. Различия заключаются в том, что в общественной демократии сотрудничество реализуется после выборов при формировании большой коалиции, а в центристской модели сотрудничество элит проявляется в формировании широких предвыборных коалиций. Сторонники центристской модели подчеркивали, что в идеале этнические интересы встраиваются в широкие партийные программы, содержащие проблемные вопросы разных идеологических измерений.

Эмпирические исследования взаимосвязи этнических партий и этнических конфликтов в целом подтверждают гипотезу о том, что эта связь не имеет прямой причинно-следственной связи. Наиболее обоснованным является вывод о том, что этнические конфликты провоцируют прямое отчуждение этнических групп от доступа к исполнительной власти. Данный тезис имеет сильные подтверждения как с точки зрения теоретических аргументов, так и в свете эмпирических выводов.

Список литературы / References

- Зазнаев, О. (2021) 'Этнический конфликт и форма правления: современные дискуссии', *Полис. Политические исследования*, 30(1), сс. 25–40. DOI:10.17976/jpps/2021.01.03 [Zaznaev, O. (2021) 'Ethnic conflict and form of government: contemporary discussions' [Jetnicheskij konflikt i forma pravlenija: sovremennye diskussii], *Polis. Political Studies*, 30(1), pp. 25–40. (In Russ.)].
- Исобчук, М. (2021) 'Организованная этничность: типология этнических организаций в современном мире', *Вестник Пермского университета. Политология*, 15(3), сс. 88–96. DOI: 10.17072/2218-1067-2021-3-88-96. [Isobchuk, M. (2021) 'Organized ethnicity: typology of ethnic organizations in the modern world' [Organizovannaja jetnichnost': tipologija jetnicheskikh organizacij v sovremennom mire], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 15(3), pp. 88–96. (In Russ.)].
- Панов, П. (2020) 'Этнические и региональные партии в странах центральной и восточной Европы: специфика и траектории развития', *Вестник Пермского университета. Политология*, 14(3), сс. 20–34. DOI: 10.17072/2218-1067-2020-3-20-34 [Panov, P. (2021) 'Ethnic and regional parties in the cee countries: special features and trajectories of development' [Jetnicheskie i regional'nye partii v stranah central'noj i vostochnoj Evropy: specifika i traektorii razvitija], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 14(3), pp. 20–34. (In Russ.)].
- Basedau, M., Bogaards, M. (2007) 'Ethnic Party Bans in Africa: A Research Agenda', *German Law Journal*, 8(6), pp. 617–634. DOI: 10.1017/S2071832200005812.

- Birner, J. (2006) *Ethnicity and Electoral Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Chandra, K. (2005) 'Ethnic Parties and Democratic Stability', *Perspectives on Politics*, 3(2), pp. 235–252. DOI: 10.1017/S1537592705050188.
- Chandra, K. (2011) 'What is an ethnic party?', *Party Politics*, 17(2), pp. 151–169. DOI: 10.1177/1354068810391153.
- Cohen, F. (1997) 'Proportional Versus Majoritarian Ethnic Conflict Management in Democracies', *Comparative Political Studies*, 30(5), pp. 607–630. DOI: 10.1177/0010414097030005004.
- Fearon, D. (2003) 'Ethnicity, Insurgency, and Civil War', *American Political Science Review*, 97(1), pp. 75–90. DOI: 10.1017/S0003055403000534.
- Horowitz, D. (2004) 'The Alternative Vote and Interethnic Moderation. A Reply to Fraenkel and Grofman', *Public Choice*, 121(3-4), pp. 507–517. DOI: 10.1007/s1127-004-2488-y.
- Horowitz, D. (1985) *Ethnic groups in conflict*. Los Angeles: University of California press.
- Ishiyama, J. (2009) 'Do Ethnic Parties Promote Minority Ethnic Conflict?', *Nationalism and Ethnic Politics*, 15(1), pp. 56–83. DOI:10.1080/13537110802672388.
- Ishiyama, J. and Breuning, M. (1998) *Ethnopolitics in the New Europe*. NY: Lynne Rienner Publishers.
- Lijphart, A. (1977) *Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration*. New Heaven: Yale University Press.
- Rabushka, A. and Shepsle, K. (1972) *Politics in Plural Societies: A Theory of Democratic Instability*. NY: Macmillan Publishing Company.
- Reilly, B. (2001) *Democracy in Divided Societies*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sisk, T. (1996) *Power Sharing and International Mediation in Ethnic Conflicts*. Washington, D.C.: United States Institute of Peace Press.
- Stroschein, S. (2001) 'Measuring Ethnic Party Success in Romania, Slovakia, and Ukraine', *Problems of Post-Communism*, 48(4), pp. 59–69. DOI:10.1080/10758216.2001.11655943.
- Wolff, S. (2005) 'Electoral-Systems Design and Power-Sharing Regimes' in: O'Flynn, I. & Russel, D. (ed.) *Power Sharing. New Challenges for Divided Societies*. London, Ann Arbor: Pluto Press, pp. 59–74.

Статья поступила в редакцию: 25.10.2021

Статья принята к печати: 15.11.2021

ETHNIC PARTIES AS A CATALYST OF ETHNIC CONFLICTS: THEORETICAL AND EMPIRICAL ARGUMENTS

V. V. Sidorov

V. V. Sidorov, Candidate of Political Science, Associate Professor of the Department of Political Science, Kazan (Volga Region) Federal University.

E-mail: Viktor.Sidorov@kpfu.ru (ORCID: 0000-0002-6585-5312. ResearcherID: E-8273-2017).

Abstract

Ethnic parties are representing the interests of ethnic groups in politics. There is a debate in political science about whether ethnic parties are catalysts for ethnic conflict. The purpose of the article is to provide a critical review of contemporary theoretical and empirical arguments about the relations between ethnic conflicts and ethnic parties. The author focuses on theoretical arguments of supporters of the model of consensus democracy (consociationalism) and supporters of the centripetal model of multiethnic states' institutions. These models see the roles of ethnic parties differently. Consensus model of democracy presupposes active ethnic representation with ethnic parties, while the centripetal model proposes to incorporate ethnic parties into nationwide pre-electoral coalitions. The article proves that these models do not contradict each other, but only describe different institutional designs that can be used in different circumstances. Comparing theoretical and empirical arguments, the author of the article shows that the connection between ethnic parties and ethnic conflicts is found in the context of institutional restrictions on the possibility of including ethnic groups in politics and the lack of cooperation between the elites of ethnic groups

Keywords: ethnic conflict; ethnic parties; ethnic representation; ethnic voting; consociationalism; consensus democracy.

Политические институты, процессы, технологии

УДК-323.2

DOI: 10.17072/2218-1067-2021-4-36-48

«ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ» НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СТАБИЛЬНОСТЬ И ИЗМЕНЧИВОСТЬ РЕЖИМА КАК СЛЕДСТВИЕ ОТСТУПНИЧЕСТВА ЭЛИТ

А. В. Соболева, И. С. Григорьев

Соболева Анастасия Викторовна, магистр политологии, аспирант (отдел Политическая экономика), Докторская школа политологии, публичной политики и международных отношений (Центрально-Европейский университет).

E-mail: Soboleva_Anastasiia@phd.ceu.edu (ORCID: 0000-0002-3033-1404. ResearcherID: AAZ-3091-2021).

Григорьев Иван Сергеевич, к.полит.н., доцент и научный сотрудник,

Департамент политологии и международных отношений; Центр сравнительных исследований власти и управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге.

E-mail: igrigoriev@hse.ru (ORCID: 0000-0002-0058-8583. ResearcherID: L-5628-2015).

Аннотация

Почему произошли «цветные революции» в Грузии (2003), Киргизии (2005) и Украине (2004)? В поиске ответа на этот вопрос данная статья отталкивается от общей для постсоветского пространства проблематики цикличности режимов, обусловленной укоренённостью институтов патронального президентализма. В критические моменты, когда уход инкумбента наиболее ожидаем, режим подвергается риску разобщения элит и появлению сильной оппозиции. В таком случае отношения между режимом в лице преемника-ставленника и элитами вращаются вокруг возможности отступничества последних к альтернативному кандидату, челленджеру. Данная статья моделирует эпизод потенциального отступничества в виде простой повторяющейся игры, где элиты оказываются принимающей стороной в своеобразном торге во время президентской кампании. В зависимости от того, предпочтут ли они преемника или челленджера, исходом игры будет либо сохранение прежнего режима, либо «цветная революция», порождённая массовым отступничеством элит к оппозиции. Гипотезы, полученные из модели, проверяются на материале президентских выборов в России (1999–2000) и Украине (2004). В результате анализа три теоретических предположения находят достаточное подтверждение, причём особое значение в определении исхода борьбы приобретает популярность претендента, которая становится решающим фактором ближе к концу президентской гонки.

Ключевые слова: цветные революции; постсоветское пространство; отступничество элит; режимный цикл; инкумбент; преемник; челленджер; патрональный президентализм.

Введение

Понятие «цветных революций» неотделимо от породившей их эмпирической реальности, сложившейся в постсоветском пространстве и послужившей непосредственной почвой для созревания этого феномена. Грузинская «Революция роз» (2003), «Оранжевая революция» в Украине (2004), «Тюльпановая революция» в Киргизии (2005) объединены как общими исходными данными до революций, так и дальнейшей судьбой складывавшихся в этих странах режимов. Причину этой общности необходимо искать в схожем развитии политических режимов бывших союзных республик.

Прокатившаяся с начала 1990-х гг. волна демократизации, которая «омыла» большинство коммунистических стран, также положила начало и новому поколению авторитарных режимов (McFaul, 2002), в литературе прозванных «соревновательными» (Levitsky & Way, 2002: 52) и «электо-

ральными» (Schedler, 2006: 3). Сосуществование в таких режимах демократических и авторитарных институтов делает такие режимы нестабильными. Осмыслению заложенной в новые постсоветские автократии нестабильности посвящены различные исследования. В частности, Г. Хейл обращает внимание на свойственную постсоветскому региону режимную цикличность, обусловленную чётко выраженными здесь институтами патронального президентализма (patronal presidentialism).

Принципиальную роль в отмечаемой Хейлом цикличности играют элиты: отдельные фазы циклов формируются сменяющимися друг друга стадиями внутреннего конфликта и консолидации, в свою очередь зависящими от имеющихся у элит ожиданий о будущем. Когда элиты теряют уверенность в способности инкумбента оставаться на посту, возникает риск их массового отступничества к оппозиции, что может привести к «цветной революции». Как утверждает Хейл, речь при этом не должна идти о демократизации, так как сдвиг от авторитаризма или возвращение к нему являются лишь частью общего цикла (Hale, 2005: 143–4, 134). Такая интерпретация постсоветских режимных трансформаций предоставляет рамку для подхода к вопросу о генезисе «цветных революций»: ключевыми событиями тут, очевидно, являются отступничество элит от слабого президента и поддержка перспективной оппозиции.

В научной литературе вопросу «цветных революций», наряду с революциями в целом, уделяется много внимания. Такие авторы, как Дж. Хигли (Higley et al., 2003), В. Гельман (Гельман, 2007), С. Раднитц (Radnitz, 2010) и Б. Джунисбай (Junisbai, 2012) изучают их с точки зрения предпочтений политических и экономических элит, тогда как другие учёные фокусируются на поведении авторитарного лидера (см. Bueno de Mesquita, 2007; 2010). Для нашей работы особенно ценна литература, рассматривающая стратегии и взаимодействие обеих групп акторов – например, исследования Б. Магалони (Magaloni, 2008), М. Сволика (Svolik, 2009), А. Гейя и М. Альбертуса (Gay & Albertus, 2016).

Следуя подобной логике, настоящая статья предлагает формальную теоретизацию тех кризисных точек, в которых элиты перестают поддерживать режим и переходят на сторону оппозиции, с построением теоретико-игровой модели повторяющейся игры между претендентами на пост главы государства и элитами. После раскрытия понятий «цветной революции», отступничества элит, патронального президентализма и режимных циклов в разделе 1 будет описано построение простой игровой модели, предсказывающей наступление или ненаступление «цветной революции». Сформулированные на её основе гипотезы будут соответственно проверены на эмпирическом материале двух постсоветских стран, переживших кризисы наследования с различным исходом: России (1999–2000) и Украины (2004). Таким образом, методологической основой эмпирической работы служит метод наибольшего сходства.

Революции как следствие отступничества элит

«Цветная революция» – процесс смены власти при широкой мобилизации масс, спровоцированной их несогласием с официальными итогами выборов (Гилев, 2010: 107). Именно в связи с вовлечённостью масс указанный тип смены режима именуется революцией. В академической сфере, впрочем, изучение постсоветских режимных трансформаций глубочайшим образом информировано традиционным взглядом на политику через призму межэлитных взаимодействий. Поэтому в изучении посткоммунистических трансформаций (и «цветных революций», в частности) исследователи фокусируются на рациональных взаимодействиях внутри элит, включающих элементы игры и механизмы вертикального управления обществом (см.: McFaul, 2002; Гельман, 2007; Гилев, 2010).

По определению М. Бёртона и Дж. Хигли, политические элиты – это те, «кто, благодаря занимаемым ими позициям во властных органах или разнообразных политических движениях и организациях (будь то правительство, бизнес, партии, военная сфера, ассоциации и др.), могут существенным образом влиять на политические решения и делают это регулярно» (Higley & Burton, 1989: 18). По Хигли и Бёртону, в элитном разрезе главным фактором успешности демократического транзита (и, следовательно, также и предиктором отката к авторитаризму) являются объединённость или разобщённость элит. Разобщённость подталкивает элиты к тому, чтобы стремиться охранять свои интересы: они испытывают страх относительно действий противников и убеждены в собственной незащищённости. Расколотость элит, таким образом, делает политическую систему уязвимой, колеблющейся между авторитаризмом и демократией в зависимости от того, к чему придёт внутриэлитный консенсус (Ibid.: 17, 19–20).

Дж. Голдстоун в своих работах углубляет эту аргументацию, фокусируясь на феномене отступничества элит. В частности, Голдстоун пишет о революциях, инициированных элитами. Такие

революции автор считает следствием разложения существующего режима из центра: тогда неудовлетворённые группы «отзывают» свою поддержку правительства и поощряют массовые демонстрации (Goldstone, 2001: 143). Угроза существующей власти выше в периоды бюджетного дефицита, когда лидер «недообеспечивает» элиты и перестаёт им нравиться. Подобным образом, большое значение для лояльности элит имеет то, справедлив ли к ним правитель по их субъективной оценке. В результате, отстранённые от властных ресурсов, подверженные чрезмерному контролю сверху, ущемлённые в привилегиях элиты вполне могут выступить против правителя (Ibid.: 148, 154). Отступничество более разобщённых элит может привести к смене режима, так как именно в условиях разобщённости элит появление весомой оппозиции наиболее вероятно.

Патрональный президентализм и режимные циклы

Однако отступничество само по себе не способно определить «цветные революции»: необходимо ввести представление о режимной цикличности, неотъемлемом свойстве постсоветских государств.

Цикличность указывает на отсутствие конечной точки в развитии режимной траектории (когда устанавливается демократия или авторитаризм). Вместо этого изменение режима рассматривается как часть общего движения режимного «маятника». Г. О’Доннелл схематично описывает такой цикл: почти диктаторская сила президента и большие надежды населения сменяются этапом разочарования, затем следует отступничество элит и президентская слабость, и в итоге с избранием другого лидера запускается новый цикл (O’Donnell, 1994; cited in Hale, 2005: 137). Высокая степень патернализма способствует таким колебаниям. Патронажные отношения пронизывают весь политико-экономический процесс, так что доступ к ресурсам патрона происходит в обмен на политическую лояльность (Фисун, 2007: 17; Hale, 2014: 61). Постсоветское пространство, таким образом, объединено единой институциональной рамкой – патрональным президентализмом, в котором напрямую избираемый президент обладает большой формальной и неформальной властью распоряжаться ресурсами и становится во главе патронажных сетей (Hale, 2014: 82).

Обращение к патронажу как политической характеристике позволяет Г. Хейлу построить теорию, отражающую общую природу «цветных революций». Пока лидер популярен и обладает значительными ресурсами, он является главным патроном сплочённых в «однопирамидальную» (single-pyramid) сеть элит, тогда как сама политическая система близка к авторитаризму (Ibid.: 83). Всё меняется в тот момент, когда инкубент – по причине ли тяжёлой болезни, военного поражения или чего бы то ни было ещё – становится «подстреленной уткой» (lame-duck), и все ожидают его скорого ухода. Президентские выборы в этом случае становятся фокальной точкой, в которой может произойти координация элит и свержение (или же просто уход в отставку) непопулярного правителя (Hale, 2005: 139–40). Именно в предвыборный период – когда между властными группами возникает борьба за преемственность, а победитель не всегда очевиден – патронажная сеть начинает иметь несколько соревнующихся центров (competing-pyramid politics) (Hale, 2014: 84–85). В результате президентский лагерь может столкнуться с возглавляющим оппозицию челленджером: им становится представитель сегмента элит, как правило, обладающего достаточными независимыми ресурсами (в частности, за счёт приватизации, см. Junisbai, 2012: 896; Way, 2005: 233). В условиях неопределённости хорошо скоординированное взаимодействие элит само предопределяет победителя, тогда как при невозможности такого взаимодействия неопределённость увеличивает риск отступничества. Во избежание подобного развития уходящий лидер может назначить себе преемника; однако это отнюдь не ликвидирует проблему наследования, если с высокой вероятностью победит челленджер или преемник не включит элиты в новую правящую коалицию, а также когда наказание за неудавшееся отступничество маловероятно или трудноосуществимо (Hale, 2005: 140–141).

В подобный соревновательный период мнение масс является важным фактором при формировании ожиданий элит. Каждая из сторон может обладать серьёзным рычагом влияния на исход борьбы, если ей удастся завоевать и продемонстрировать общественную поддержку. Так, когда режим всё же теряет поддержку элит, челленджер берёт верх и происходит «цветная революция». Впрочем, вслед за кратковременной демократизацией вновь наступает этап консолидации, с заново объединёнными элитами и более авторитарным правлением (Ibid.: 141–142).

Модель игры

Для построения теоретической модели необходимо сделать несколько упрощений. Во-первых, наша модель не подразумевает внутриэлитного идеологического расхождения, которое часто лежит в основе отступничества. Во-вторых, мы исходим из допущения об идентичности и постоянности предпочтений элит: представитель режима и челленджер совершают одинаковую сделку с каждым представителем элит, размер которой не меняется со временем. В-третьих, под элитами как игроком мы будем понимать те сегменты элит, которых правитель находит потенциально важными для выживания режима. Соответственно, отступничество состоит в их переходе на сторону оппозиции.

Модель игры, исходом которой может быть «цветная революция» в конкретной стране постсоветского пространства, сводится к своеобразному торгу между тремя игроками:

- сначала преемник (S) (в союзе с уходящим президентом) и челленджер (Ch) одновременно предлагают элитам определённую долю своего патронажа, C_S и C_{Ch} , соответственно;
- далее только одно предложение принимается элитами в обмен на лояльность.

После заключения сделки с одной из сторон ход переходит к элитам, от которых теперь ожидается обеспечение победы их фаворита на выборах. Инструменты, требующиеся для этого, включают административные и финансовые ресурсы лояльных элит, как то: телевизионная пропаганда, работа региональных политических машин, денежные потоки от корпораций, показательные массовые демонстрации и даже фальсификация выборов (Hale, 2014: 85). Таким образом, либо режим в лице преемника гарантирует себе дальнейшее существование,¹ либо происходит массовый отток элит, ведущий к политическому кризису.

Необходимо конкретизировать механизм, по которому происходит сделка между элитами и претендентами на пост правителя. Его логика сводится к тому, что преемник и челленджер делятся с элитами частью располагаемых ресурсов. Механизмы могут быть разными: раздача рентоёмких должностей и контрактов, предоставление мест в партии, совершение трансфертов и др.

Опишем условие, при котором отдельный представитель элит не решится на отступничество. В условиях повторяющейся игры с потенциально бесконечным числом раундов, каждый из которых наступает с вероятностью p , это условие формулируется как

$$\frac{C_S \cdot B \cdot \beta + C_S \cdot b \cdot (1 - \beta)}{1 - p_S} \geq C_{Ch} \cdot B \cdot \beta + C_{Ch} \cdot b \cdot (1 - \beta) + \frac{p_{Ch} \cdot (C_{Ch} \cdot B \cdot \beta + C_{Ch} \cdot b \cdot (1 - \beta)) \cdot \alpha}{1 - p_{Ch}}, \quad (1)$$

где C_S – доля распределяемого президентом бюджета, которая достанется данному представителю элит, если победит выдвинутый режимом преемник;

C_{Ch} – доля бюджета, которую предлагает данному представителю элит челленджер;

B – нормальный (непониженный) объём бюджета, распределяемого правителем;

b – пониженный (например, в связи с экономическим кризисом) объём общего распределяемого бюджета;

β – вероятность снижения бюджета²;

p_S – вероятность чистой победы президентского преемника на выборах (т. е., в широком смысле, его популярность);

p_{Ch} – вероятность победы челленджера (соответственно, $p_S + p_{Ch} = 1$);

¹ Под «режимом» здесь понимаются конкретные персоналии, пребывающие у власти, а не определённый тип политического режима. Как уже было сказано, начало нового цикла не означает полноценную демократизацию – скорее, это лишь смена верховного руководства с последующим этапом консолидации элит.

² Как видно, в нашей модели вероятность наступления кризиса при преемнике инкумбента и при челленджере одинакова. Интересным развитием данной модели является введение отдельных вероятностей для двух этих развитий событий. В таком случае вероятности снижения бюджета при преемнике инкумбента и при челленджере могли бы рассматриваться как две разные субъективные оценки их компетентности, которую должны принимать во внимание элиты в момент поддержки того или иного кандидата.

наконец, α – вероятность того, что челленджер, став президентом, не займётся чисткой элит и оставит нынешние элиты у власти.

Как видно, левая часть неравенства (1) отвечает за выигрыш элит при сохранении сотрудничества с режимом; а правая – за выигрыш при сотрудничестве с оппозицией³.

Коэффициент дисконтирования в бесконечно повторяющейся игре составляет $\frac{1}{1-p}$, где p – вероятность наступления следующего раунда⁴. В нашем случае вероятность наступления следующего раунда – это вероятность удержания власти вследствие победы на выборах. При этом левая часть неравенства (1) умножается на $\frac{1}{1-p}$, так как инкумбент предоставляет своим сторонникам определённую долю бюджета уже в текущем раунде. В правой части, однако, распределение бюджета сторонниками челленджера через один раунд будет зависеть от того, сохранит ли челленджер их в составе выигрывающей коалиции после консолидации режима. В нашей модели эта особенность отражена с помощью вероятности α , стоящей в качестве коэффициента у второго слагаемого в правой части неравенства (1).

После упрощения выражения (1) получаем

$$C_S \geq C_{Ch} \cdot \left(1 + \frac{\alpha \cdot (1 - p_s)}{p_s}\right) \cdot (1 - p_s). \quad (2)$$

Выражение (2) показывает условия, при которых каждый отдельный представитель элит останется лояльным инкумбенту и поддержит его ставленника на выборах. Тут важно отметить, что оценка собственного выигрыша каждым представителем элит происходит в частном порядке и даже, вероятно, одновременно. Для простоты мы будем считать, что массовое отступничество не происходит, если для подавляющего большинства элит неравенство приближено к виду (2).

На основании выражения (2) можно сделать три важных вывода относительно избежания «цветной революции»:

1) чем больше вероятность победы ставленника режима p_s , тем меньше может быть предлагаемое им вознаграждение C_S ;

2) чем больше C_{Ch} , вознаграждение от челленджера, тем больше должно быть вознаграждение от преемника C_S ;

3) чем больше α – вероятность, с которой челленджер действительно оставит у власти подержавшие его элиты, – тем больше должно быть вознаграждение от ставленника режима C_S .

Все выведенные условия логичны и, более того, подтверждаются рядом исследований о механизмах управления в авторитарных системах. Так, М. Сволик утверждает, что лидер может обделить элиты режимными ресурсами и этим приобрести достаточный вес, позволяющий исключить ненужных более членов коалиции (Svolik, 2009: 483). М. Альбертус и В. Гей (Gay & Albertus, 2016: 625) подчёркивают значимость нисходящих от режима выгод: они должны превышать выигрыш, который элиты могут получить от демократизации. Е. Беллин аналогично замечает, что прочность союза элит с авторитаризмом зависит от того, какой строй служит их интересам больше (Bellin, 2000: 204–205).

Второй вывод упоминается Б. Буэно де Мескита, согласно которому предусмотрительный правитель всегда заботится о том, чтобы выигрыш, получаемый элитами от лояльности ему, был больше, чем от сотрудничества с оппозицией (Bueno de Mesquita, 2007: 409). Л. Вэй, в свою очередь, указывает на прямую зависимость между осуществляемым автократом контролем и налоговыми сборами. Последние дают возможность кооптировать потенциальных перебежчиков к оппозиции через

³ Предлагаемые доли C_S и C_{Ch} умножаются на величину как нормального, так и дефицитного бюджета, чтобы учесть оба случая.

⁴ Необходимо заметить, что популярность как вероятность наступления «завтра» в игре является абсолютным допущением. Сама по себе возможность правления «бесконечно» подразумевает целый ряд дополнительных приспособлений, характерных для недемократических режимов. В данной работе, однако, за p взята именно популярность, чтобы подчеркнуть зависимость силы режима от расположения масс.

сеть патронажа, что делает большое влияние на экономику эффективным методом предотвращения попыток бросить вызов инкубенту (Way, 2005: 235). Третье же утверждение находит подтверждение в работах Г. Хейла, отмечающего постоянное опасение элит быть отстранёнными при новом инкубенте, даже если прежде они были в его коалиции (Hale, 2005: 142). Б. Буэно де Мескита и А. Смит указывают также, что возможность такой перетасовки элит отвращает их от поддержки иного претендента, так как они не могут получить долгосрочных гарантий (Bueno de Mesquita & Smith, 2010: 938).

Полученное неравенство, в том числе, согласуется с литературой, рассматривающей отступничество элит как следствие ожиданий об экспроприации автократом (см. (Radnitz, 2010; Junisbai, 2012; Balmaceda, 2013)). При экспроприации предлагаемая режимом доля отрицательна, а значит, строго бóльшая правая часть (только если какой-либо её член не поменяет знак) заставляет элиты предпочесть оппозицию.

Ниже мы проверяем три сформулированные нами гипотезы на примере двух президентских избирательных кампаний с противоположными исходами.

Россия: плавная передача власти

Случай России примечателен тем, что основная борьба между правящей группой и оппозицией проходила не столько в рамках президентских выборов 2000 г., сколько в ходе думской кампании 1999 г.⁵ Главным соперником проправительственных сил был созданный и поддерживаемый губернаторами наиболее крупных и влиятельных регионов блок «Отечество – Вся Россия» (ОВР), возглавленный мэром г. Москвы Ю. Лужковым и экс-премьер-министром Е. Примаковым. Первый обладал значительными связями с региональными элитами (Lambroschini, 1999), которые сконцентрировали в своих руках политические и экономические рычаги подвластных им территорий (Golosov, 2011: 625). Примаков же, активно поддерживаемый коммунистами, на тот момент был самым популярным политиком – в отличие от президента Б. Ельцина, который понимал, что успех ОВР в парламентских выборах неминуемо вёл к победе её представителя в президентских; а это, в свою очередь, означало бы фактическое изгнание его и «Семьи», с лишением властных ресурсов, возможно, свободы и даже жизни. Поэтому основная задача уходящего инкубента заключалась в плавной передаче власти надёжному человеку с созданием для него партии поддержки, противовеса ОВР (Hale, 2004: 171–172).

Так в российскую политику был введён глава ФСБ В. Путин, в поддержку которому был создан кремлёвский партийный проект «Единство». Из неизвестного премьер-министра с рейтингом в 2% он стал буквально самым популярным политиком в России к декабрю 1999 г. Коренным переломом можно считать сентябрьские взрывы жилых домов в Москве, после которых Путин начал контр-террористическую операцию в Чечне и этим зарекомендовал себя в качестве сильного лидера (Hale, 2004: 176, 179–180).

Тогда блок «Единство», пользующийся открытой поддержкой Путина и активно пропагандируемый в федеральных СМИ, начал переманивать сторонников антикремлёвской коалиции. Долгожданный эффект был достигнут в ходе думских выборов: блок получил десятипроцентный перевес над ОВР (Gel'man, 2015: 66–67). В этой электоральной победе заключалась главная миссия «Единства» как тактики успешного наследования – избавиться от челленджера ещё в думской гонке, не оставив шансов на президентскую (Colton & McFaul, 2000: 220). Окончательная концентрация элит вокруг преемника произошла после того, как в канун Нового года Ельцин сложил полномочия в пользу премьер-министра. Затем досрочные выборы марта 2000 г. формально сделали Путина всенародно избранным президентом (Hale, 2005: 148).

Во всей хронологии событий прослеживаются три вышеперечисленных вывода. В подтверждение первой гипотезы можно утверждать, что высокая популярность Путина практически заставила элиты из оппозиционного лагеря перейти на сторону ставленника Кремля, а значит и поддержать блок «Единство», который в данном случае был фокальной точкой для «обратного» отступничества элит в пользу поддержки существующего режима и сработал в качестве механизма удержания лояльных элит (Way, 2005: 233).

⁵ Подобное явление, когда выборы в парламент идут непосредственно перед президентскими и тем самым помогают выявить потенциального победителя, называется «праймериз элиты» (Shvetsova, 2003: 213–231).

Эволюция поддержки «Единства» региональными лидерами позволяет проследить переход элит на сторону преемника. На старте проекта было открытое письмо, подписанное менее чем сорока губернаторами на сессии Совета Федерации в конце сентября. Само письмо не содержало конкретных программных предложений, больше напоминая призыв к честным выборам, тогда как подписывающиеся могли сохранять свои прежние партийные аффилиации (Colton & McFaul, 2000: 205; Shvetsova, 2003: 224–225). Дальнейшая тактика заманивания, отдельные элементы которой варьируют от официальных приёмов в Кремле до шантажа правоохранительными органами (Petrov & Makarkin, 1999, cited in Shvetsova, 2003; Shvetsova, 2003: 225), хотя и принесла одобрение элит, всё же не смогла добиться их открытой поддержки.

Ситуация приобрела новый оборот в ноябре, за месяц до парламентских выборов, когда Путин публично заявил о поддержке «Единства», после чего рейтинг блока резко возрос, и «Единство» впервые обошло ОВР по популярности (Colton & McFaul, 2000: 211; Shvetsova, 2003: 227). При этом рейтинг самого Путина также был на своём пике, взлетев с 65 до 80% к ноябрю 1999 г. Тесная связь между фигурой премьер-министра и «Единством», воспринимаемая электоратом, указала элитам на высокие шансы победы преемника и поспособствовала усиленной работе региональных машин. После того как состоялись декабрьские «праймериз элиты», где «Единство» подтвердило свои лидирующие позиции, уверенность в будущей победе Путина стала ещё более ощутимой. Это, в свою очередь, окончательно облегчило координацию элит вокруг преемника. Говоря в терминах сформулированной нами модели, преемнику было достаточно предложить лишь незначительное вознаграждение элитам, потому что его популярность уже работала на него и сигнализировала более высокие шансы на победу.

Вторая гипотеза, учитывающая размер предлагаемых вознаграждений, также находит подтверждение на российском материале. Считается, что центр поставил регионы в такие условия, что не поддержать кандидатуру Путина было бы для них экономически нерационально. В первую очередь, это касалось субъектов, которые особенно зависели от центральных субсидий. Действительно, в период 1999–2000 гг. распределение трансфертов из федерального бюджета производилось по принципу «поддержки слабых» (Стародубцев, 2009: 22). Этому во многом способствовал благоприятный климат на нефтегазовых рынках с 1999 г., увеличивший финансовые возможности правительства (там же: 24), чтоб было особенно необходимо на более раннем этапе кооптации – до момента, когда популярность Путина стала безоговорочным аргументом.

Однако и более богатые регионы, в частности специализирующиеся на добыче нефти и газа, не были защищены от влияния Кремля. Даже в период президентства Ельцина, когда регионы были «самостоятельны» во многих аспектах, центр сохранял право регулирования сырьевых потоков и смежных аспектов международной торговли и в период кризиса наследования 1999–2000 гг. не преминул задействовать данный рычаг влияния, грозя ограничительными мерами в правах получения иностранных кредитов (Lambroschini, 1999)⁶.

Об эффективности кооптации элит можно судить по поддержке «Единства» и ОВР на думских выборах в отдельных регионах. «Единство» опередило ОВР в значительном числе регионов, как более бедных, так и относительно богатых. В то же время ОВР осталась непобеждённой во многих участковых комиссиях Татарстана, Башкортостана и Ингушетии (а также Москвы и Московской области). Вероятно, будучи в числе ведущих членов патронажной сети мэра Москвы (Hale, 2004: 172), губернаторы этих регионов медлили с переходом на сторону преемника, в то время как основная масса элит, так или иначе симпатизировавших ОВР первоначально, к этому моменту уже могла считаться прорежимной.

Третье наше предположение, касающееся надёжности обещаний челленджера, в российском контексте можно рассматривать с двух сторон. Если считать за будущего противника в президентской гонке Лужкова, то союз с региональными элитами выглядит не таким уж и прочным. Пусть мэр Москвы «медленно, но верно» расширял поддержку своего движения (Lambroschini, 1999), идеологически «Вся Россия», как отмечается, имела мало общего с «Отечеством», и их объединение не могло состояться без личности Примакова (Shvetsova, 2003: 226–227). Коалиция губернаторов, таким обра-

⁶ Этот случай также отражает смену в тактике Кремля: если Ельцин пытался задобрить регионы с помощью дополнительных привилегий (Bahry, 2005: 128), то Путин стал применять «кнут» в большей мере, т.е. устрашать ограничениями либо напрямую вводить их. В частности, шантаж правоохранительными органами получил тогда широкое распространение (Petrov & Makarkin, 1999, cited in Shvetsova, 2003).

зом, представляется нежизнеспособной (по крайней мере, в долгосрочной перспективе) при развитии сценария с Лужковым в качестве нового лидера страны.

Если же за потенциального кандидата в президенты брать Примакова (что и произошло на самом деле), то надёжность взятых им обязательств может быть оценена как заметно более высокая. Учитывая его популярность и отсутствие заметных разногласий с регионами, Примаков мог рассчитывать на лёгкую победу с поддержкой большинства элит. Однако в течение осени против фигуры Примакова был выдвинут другой популярный политик, и по итогу их соперничества победителем выходил именно Путин. Помимо стремительно растущей популярности, принимаемой в расчёт элитами, Путин грамотно выстроил тактику общения с губернаторами: он часто организовывал официальные приёмы, не говоря уже о многих приобретённых за время госслужбы связях (Ibid.: 224–225). Скорее всего, такой персональный подход был нацелен на расположение элит к преемнику больше, чем к челленджеру Примакову. В результате, не кто иной, как Путин стал представляться элитам «безопасным выбором», который вряд ли будет перекраивать свою коалицию после принятия президентства.

«Оранжевая революция» в Украине

В отличие от примера выше, выборы президента Украины 2004 г. располагали к иному развитию событий, известному нам как «Оранжевая революция». После распада СССР украинская политика формировалась под знаком борьбы между крупнейшими финансово-промышленными группами – олигархическими кланами – доминирующими в определённых регионах страны⁷. Обладая примерно равными ресурсами, лагеря делили между собой право быть доминирующей элитой и группой вето в рамках общенациональной политики. Это предопределило базовый характер происходивших конфликтов, которые действующая авторитарная власть была вынуждена предотвращать ради сохранения стабильности (Åslund, 2003: 108-9; Way, 2008: 257). Инструментом урегулирования конфликтов стали вошедшие в практику «картельные соглашения» между инкумбентом и ведущими элитами; однако подобные сделки довольно часто исключали какой-то клан из участия (Гельман, 2007: 96). Иными словами, при очередном перекраивании «картеля» вчерашние проправительственные силы становились оппозиционными, и наоборот.

В 2004 г. Л. Кучме, не сумевшему обеспечить себе третий президентский срок, пришлось выбирать преемника, который устраивал бы влиятельный тогда донецкий клан.⁸ Кучма остановился на кандидатуре В.Януковича, до назначения на пост премьера в 2002 г. бывшего председателем Донецкой областной администрации. Выбор Кучмы, однако, не был принят западно-украинскими элитами, которые в итоге ответили поддержкой челленджера, В.Ющенко. Последний сам ранее являлся лояльным представителем режима, однако после отставки с поста премьер-министра в 2001 г. перешёл на сторону оппозиции, а затем и возглавил её (Way, 2008: 258–259). Оппозиционный лагерь принял значительную долю элит, оставленных за рамками договора Кучмы-Януковича, так что в результате против патронажной сети инкумбента выступили либерально настроенные финансовые группы и несколько крупных медиакомпаний (Hale, 2005: 151–152). Всё это вылилось в почти одинаковое соотношение сторон к первому туру президентских выборов – 40% Ющенко к 39% Януковича.

Борьба окончилась бы победой режима с небольшим перевесом в голосах, если бы не сентябрьское отравление Ющенко и откровенная фальсификация второго тура выборов в ноябре⁹. Эти резонансные события ощутимо ударили по популярности Януковича, а также подготовили почву для массовой политической мобилизации. Последующие народные протесты спровоцировали отток ключевых сил, включая Киевскую администрацию, службы безопасности, армию и, главное, объявивший о переголосовании Верховный суд (Hale, 2005: 155–156; Гельман, 2007: 98). «Оранжевая революция» завершилась победой Ющенко с 52% против 44% Януковича в повторном втором туре. При этом перед переголосованием Верховная Рада внесла поправки в президентско-парламентскую конституцию, наложив большие ограничения на полномочия главы государства. Тем не менее, эта попытка прервать круг патрональной политики (см. Hale, 2014) оказалась неудачной, так как увеличенные воз-

⁷ Наиболее известные среди них – донецкий, днепропетровский, киевский и закарпатский кланы.

⁸ Донецкий клан был сильнейшим (и самым богатым) из вошедших в Верховную Раду после выборов 2002 г. Соответственно, в кабинете Януковича, самого являвшегося представителем восточных элит, большое влияние имела именно эта группа (Åslund, 2009: 159–160).

⁹ Весь электоральный цикл 2004 г. был охарактеризован нарушениями со стороны режима: от подтасовки голосов на выборах мэра до запрета посадки воздушного транспорта, в котором путешествовал Ющенко (Åslund, 2009: 184–185).

возможности кабинета и ассамблеи стали не двигателями демократизации, а главными орудиями элит в борьбе за власть (Kudelia, 2012: 426).

Таким образом, пример Украины явно указывает на обратную формулировку нашей первой гипотезы: оспариваемая и даже упавшая популярность преемника не могла перевесить остальные аргументы (как это было в российском случае). Ошибочно было бы утверждать, что Янукович не имел народного одобрения вовсе. Ещё в самом начале, когда перед Кучмой стоял вопрос о выборе преемника, этот выходец из простой рабочей семьи и тогда уже профессиональный политик представлялся хорошим, «близким к народу» вариантом (Åslund, 2009: 160, 181). Спустя два года после назначения премьер-министром, Янукович по-прежнему сохранял достаточно высокий рейтинг – во многом благодаря эффективной работе государственных СМИ (Dyczok, 2005: 258). Однако начиная с осени 2004 г., с приближением самой президентской гонки, методы режима становились всё более неприемлемыми, что в конечном счёте сильно ударило по фигуре предполагаемого преемника.

Помимо собственной тактической ошибки, власть так и не могла справиться с главной проблемой – высокой популярностью Ющенко. Именно лидер оппозиции был самым признаваемым политиком на протяжении всей электоральной кампании, несмотря на различные уловки государственной машины (Ibid.: 247). По всей видимости, сила челленджера состояла в том, что он играл по настоящим «демократическим» правилам. Так, Ющенко много вкладывал в развитие своей партии «Наша Украина», которая в коалиции с другими членами оппозиции играла заметную роль в парламентской политике с 2002 г. Уже на выборах 2002 г. она продемонстрировала значительный мобилизационный потенциал, в котором больше не оставалось сомнений во время президентских выборов (Åslund, 2009: 159, 179)¹⁰.

Важно и то, что Ющенко продвигал правоцентристскую повестку. В своей кампании «оранжевые» основывались на универсальных ценностях семьи, веры, частной собственности, некоррупционного правления. С помощью этого челленджер смог преодолеть нарратив, традиционно ассоциируемый с западной Украиной, таким образом приблизив к себе и многие русскоговорящие области (Ibid.: 177, 189).

Всё это делало кандидата от оппозиции заманчивой альтернативой в глазах элит. При наличии разногласий с режимом или отсутствии крепких с ним связей, элиты не медлили переходить на сторону «оранжевых», потому что Ющенко виделся как очень многообещающая фигура. Ближе к развязке, когда подтасовка голосов вызвала массовые протесты и настроение народа стало очевидным, большинство сторонников Януковича были вынуждены отвернуться от преемника и поддержать челленджера¹¹.

Вторая гипотеза, в которой сравнивается щедрость исходящих от преемника и челленджера и адресованных элитам предвыборных предложений, как нельзя лучше описывается сложившимся в Украине того периода так называемым режимом «жадного индивидуализма» (rapacious individualism) с элементами национального раскола (Way, 2008). Действительно, президентство Кучмы сделало олигархию неотъемлемым элементом политического процесса: олигархи имели весомое представительство в парламенте, выступая там главными союзниками инкумбента (Kuzio, 2005: 181). Экономический бум и приватизация крупнейших госпредприятий (в том числе «Криворожстали», контроль над которой в 2004 г. разделили Р.Ахметов и В.Пинчук – представители донецкого и днепропетровского кланов, соответственно) изначально были нацелены на удержание элит посредством увеличенных рент. Этот план, однако, не учёл важный аспект – олигархи становились более автономными по отношению к государству и друг другу (Åslund, 2009: 176, 180). Возросшая вследствие того конкуренция привнесла раздор в лагерь Кучмы-Януковича.

Немалую роль в этом расколе сыграл и сам режим. Вместо проведения более инклюзивной политики с равномерным представительством сильнейших бизнес-групп, он фактически допустил ошибку, когда сузил свою коалицию поддержки главным образом до восточных элит, и особенно донецкого клана. Помимо влияния в Раде, донецкие элиты имели своим ставленником премьер-министра и доминировали в правительстве. Сам Янукович являлся близким другом Р.Ахметова, миллиардера и неформального главы донецкого клана (Åslund, 2009: 160–161). Неудивительно, что дру-

¹⁰ В частности, полезными оказались связи партии с низовыми движениями, такими как молодёжная организация «Пора» (Åslund, 2009: 179).

¹¹ Стоит отметить, однако, что результаты итогового переголосования всё же имели выраженный региональный характер: Янукович выиграл на востоке и юго-востоке Украины (Åslund, 2009: 197).

гие крупные прорежимные олигархи (например, Пинчук) ближе к концу кампании отказались от поддержки режима, тогда как Ахметов поддерживал Януковича до самого его поражения (Ibid.: 181).

В свою очередь, недостаточная инклюзивность режима дополнялась всеохватностью оппозиции. Ющенко радушно принимал перебежчиков из другого лагеря, в особенности, если речь шла о представителях бизнеса (Way, 2008: 258). Любой положительный выигрыш лучше нуля, и это побуждало исключённые из сделки (либо вовсе кажущиеся режиму неважными) элиты концентрироваться вокруг оппозиции, которая, помимо прочего, была более популярной. В числе таких бизнесменов можно считать П.Порошенко и братьев Деркач (Hale, 2005: 151–152)¹². К этому стоит добавить ту перспективу, что главой государства мог стать грамотный экономист и реформатор, уже ожививший экономику несколько лет назад и даже поспособствовавший появлению нового поколения олигархов (Åslund, 2009: 148).

Наконец, изложенные события представляют убедительную иллюстрацию третьей гипотезы. С одной стороны, вероятность сохранения власти при победе челленджера должна была казаться достаточно высокой ввиду принятых зимой 2004 г. конституционных поправок. Элиты понимали, что в обновлённой системе возможности президента будут ограничены, а его вмешательство в равновесие между кланами будет нарушением закона (Гельман, 2007: 99). Силу планируемых сдержек предвидела и оппозиция: расценивая это как «последнее слово» уходящего режима, глава «Батькивщины» Юлия Тимошенко выступила против внесения подобных изменений, тогда как Ющенко воздержался от голосования (Åslund, 2009: 195–196).

Помимо структурных характеристик, важную роль снова играла личность Ющенко. В отличие от Тимошенко, которая была более радикально настроена, последний не только стремился к центристской повестке, но и был достаточно сговорчив со своими политическими противниками. Так называемых оппонентов Ющенко старался сделать союзниками (Kuzio, 2013: 237). В отношениях с действующей властью челленджер также держался аккуратно: будучи государственным деятелем в прошлом, он не участвовал в движении «Украина без Кучмы» и в течение 2002–2003 гг. вёл активные переговоры с центристами в Раде. В сущности, борьба Ющенко с режимом являлась вполне прагматичной (Kuzio, 2007: 46; Kuzio, 2013). Усугубляла ситуацию уже упомянутая эксклюзивность коалиции Януковича, при которой бизнесмены вне донецкого клана (даже если и с востока Украины) имели явные основания сомневаться в обещаниях преемника.

Заключение

Почему произошли «цветные революции»? Ответ на этот вопрос требует обращения к общей проблематике стран постсоветского пространства. Укоренённые там патронажные отношения, пронизывающие разные сферы жизни общества, оказывают непосредственное влияние и на политику.

В частности, распространёнными являются институты патронажного президентализма, которые придают политическим режимам постсоветского региона отличительную черту – цикличность. Именно последняя создаёт подходящую рамку для рассмотрения вопроса о «цветных революциях». Основой анализа становится взаимодействие двух принципиальных групп акторов – элит и представителя действующего режима (обычно это союз уходящего президента с преемником) – в моменты потенциального перехода власти. Именно в это время консолидированная власть авторитарного правителя может начать разлагаться, тем самым пробуждая соревновательную фазу цикла. Характерная для этого периода разобщённость элит приводит к выдвижению челленджера.

Если события складываются подобным образом и сильная оппозиция вступает в борьбу, то между тремя участниками разыгрывается своеобразный торг по приведённой выше модели. Причём важно, что с определённой стадии популярность претендента на власть (особенно если она очень высока) начинает играть определяющую роль. Итогом всего становится либо отсутствие кризисной ситуации и сохранение режима, либо запуск процесса массового отступничества элит, завершающегося «цветной революцией». В последнем случае наступает новый цикл режимного маятника: хотя и знаменуемый начальной демократизацией, он по своей природе обречён на последующую консолидацию системы. До тех пор, пока патронажный президентализм не ослаблен, этот порочный круг будет составлять суть политического процесса в странах постсоветского пространства.

¹² Реальные политические аффилиации олигархов трудно установить. Хейл отмечает, что братья Деркач, хотя и поддерживали Ющенко, на самом деле оставались в нормальных отношениях с режимом. В то же время скрытое содействие оппозиции в начале и середине избирательной кампании приписывается Пинчуку (Hale, 2005: 152).

Финансовая поддержка

Исследование выполнено при поддержке Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” в рамках Государственного задания Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” на 2021 г.

Список литературы / References

- Гельман, В. Я. (2007) ‘Из огня да в полымя? Динамика постсоветских режимов в сравнительной перспективе’, *Полис*, 2, сс. 81–108. [Gel'man, V. (2007) ‘From the frying pan, and into the fire? Dynamics of Post-Soviet regimes in comparative perspective’ [Iz ognja da v polymja? Dinamika postsovetskih rezhimov v sravnitel'noj perspective], *Polis*, 2, pp. 81–108. (In Russ.)].
- Гилев, А. В. (2010) ‘Политические трансформации на постсоветском пространстве: имеют ли значение «цветные революции»?’, *Полития*, 2(57), сс. 107–121. [Gilev, A. V. (2010) ‘Political transformations in the Post-Soviet space: Do color revolutions matter?’ [Politicheskie transformacii na postsovetskom prostranstve: imejut li znachenie «cvetnye revoljucii»?], *Politia*, 2(57), pp. 107–121. (In Russ.)].
- Голосов, Г. (2008) ‘Электоральный авторитаризм в России’, *Pro et Contra*, 12(1), сс. 22–35. [Golosov, G. ‘Electoral authoritarianism in Russia’ [Elektoral'nyj avtoritarizm v Rossii], *Pro et Contra*, 12(1), pp. 22–35. (In Russ.)].
- Стародубцев, А. В. (2009) *Политическая лояльность или экономическая эффективность? Политические и социально-экономические факторы распределения межбюджетных трансфертов в России*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. [Starodubtsev, A. V. (2009) *Political loyalty or economic efficiency? Political and socio-economic factors in the distribution of budget transfers in Russia*, [Politicheskaja lojal'nost' ili jekonomicheskaja effektivnost'? Politicheskie i social'no-ekonomicheskie faktory raspredelenija mezhbjudzhjetnyh transfertov v Rossii]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russ.)].
- Фисун, А. (2007) ‘Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, типология’, *Отечественные записки*, 39(6), сс. 8–28. [Fisun, A. (2007) ‘Post-Soviet neo-patrimonial regimes: their genesis, idiosyncrasies, typology’ [Postsovetskie neopatrimonial'nye rezhim y: genezis, osobennosti, tipologija], *Otechestvennye zapiski*, 39(6), pp. 8–28. (In Russ.)].
- Åslund, A. (2009) *How Ukraine became a market economy and democracy*. New York: Columbia University Press.
- Bahry, D. (2005) ‘The new federalism and the paradoxes of regional sovereignty in Russia’, *Comparative Politics*, 37(2), pp. 127–146. DOI: <https://doi.org/10.2307/20072879>.
- Balmaceda, M. (2013) ‘Privatization and elite defection in de facto states: The case of Transnistria, 1991–2012’, *Communist and Post-Communist Studies*, 46, pp. 445–454. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2013.08.001>.
- Bellin, E. (2000) ‘Contingent democrats: Industrialists, labor, and democratization in late-developing countries’, *World Politics*, 52, pp. 175–205. DOI: <https://www.jstor.org/stable/25054108>.
- Bueno de Mesquita, B. (2007) ‘Leopold II and the selectorate: an account in contrast to a racial explanation’, *Historical Social Research*, 32(4), pp. 203–221. DOI: <https://www.jstor.org/stable/20762247>.
- Bueno de Mesquita, B., Smith, A. (2010) ‘Leader survival, revolutions, and the nature of government finance’, *American Journal of Political Science*, 54(4), pp. 936–950. DOI: [10.1111/j.1540-5907.2010.00463.x](https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2010.00463.x).
- Colton, T. J., McFaul, M. (2000) ‘Reinventing Russia’s party of power: “Unity” and the 1999 Duma election’, *Post-Soviet Affairs*, 16(3), pp. 201–224. DOI: [10.1080/1060586X.2000.10641486](https://doi.org/10.1080/1060586X.2000.10641486).
- Dyczok, M. (2005) ‘Breaking through the information blockade: Election and revolution in Ukraine 2004’, *Canadian Slavonic Papers*, 47(3–4), pp. 241–264. DOI: [10.1080/00085006.2005.11092387](https://doi.org/10.1080/00085006.2005.11092387).
- Gay, A., Albertus, M. (2016) ‘Unlikely democrats: economic elite uncertainty under dictatorship and support for

- democratization', *American Journal of Political Science*, 61(3), pp. 624–641. DOI: 10.1111/ajps.12277.
- Gel'man, V. (2015) *Authoritarian Russia: Analyzing post-Soviet regime change*. Pittsburg: University of Pittsburg Press.
- Goldstone, J. A. (2001) 'Toward a fourth generation of revolutionary theory', *Annual Review of Political Science*, 4, pp. 139–187. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.4.1.139>.
- Golosov, G. V. (2011) 'The regional roots of electoral authoritarianism in Russia', *Europe-Asia Studies*, 63(4), pp. 623–639. DOI: 10.1080/09668136.2011.566427.
- Hale, H. E. (2004) 'The origins of United Russia and the Putin presidency: the role of contingency in party-system development', *Demokratizatsiya*, 12(2), pp. 169–194. DOI: https://demokratizatsiya.pub/archives/12_2_P0LVW06724GL62M9.pdf.
- Hale, H. E. (2005) 'Regime cycles: Democracy, autocracy, and revolution in post-Soviet Eurasia', *World Politics*, 58, pp. 133–165. DOI: <https://doi.org/10.1353/wp.2006.0019>.
- Hale, H. E. (2014) *Patronal politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Higley, J., Burton, M. G. (1989) 'The elite variable in democratic transitions and breakdowns', *American Sociological Review*, 54(1), pp. 17–32. DOI: <https://www.jstor.org/stable/2095659>.
- Higley, J., Bayulgen, O. and George, J. (2003) 'Political elite integration and differentiation in Russia' in: Steen, A., Gel'man, V. (ed.) *Elites and democratic development in Russia*. London: Routledge, pp. 11–28.
- Junisbai, B. (2012) 'Improbable but potentially pivotal oppositions: privatization, capitalists, and political contestation in the post-Soviet autocracies', *Perspectives on Politics*, 10(4), pp. 891–916. DOI: <https://www.jstor.org/stable/23326924>
- Kudelia, S. (2012) 'The sources of continuity and change of Ukraine's incomplete state', *Communist and Post-Communist Studies*, 45, pp. 417–428. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.postcomstud.2012.06.006>.
- Kuzio, T. (2007) 'Oligarchs, tapes and Oranges: 'Kuchmagate' to the Orange Revolution', *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, 23(1), pp. 30–56. DOI: 10.1080/13523270701194839.
- Kuzio, T. (2013) 'Yushchenko versus Tymoshenko: Why Ukraine's national democrats are divided', *Demokratizatsiya*, 21(2), pp. 215–240.
- Lambroschini, S. (9 December 1999) 'Russia: Unity bloc holds founding conference', Radio Free Europe/Radio Liberty [online]. Available at: <https://www.rferl.org/a/1092967.html> (Accessed: 11 August 2021).
- Levitsky, S., Way, L. A. (2002) 'Elections without democracy: The rise of competitive authoritarianism', *Journal of Democracy*, 13(2), pp. 51–65. DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.2002.0026>.
- Magaloni, B. (2008) 'Credible power-sharing and the longevity of authoritarian rule', *Comparative Political Studies*, 41(4/5), pp. 715–741. DOI: 10.1177/0010414007313124.
- McFaul, M. (2002) 'The fourth wave of democracy and dictatorship: Noncooperative transitions in the postcommunist world', *World Politics*, 54, pp. 212–244. DOI: <https://doi.org/10.1353/wp.2002.0004>.
- O'Donnell, G. (1994) 'Delegative democracy', *Journal of Democracy*, 5(1), pp. 55–69. DOI: 10.1353/jod.1994/0010.
- Radnitz, S. (2010) 'The color of money: privatization, economic dispersion, and the postSoviet "revolutions"', *Comparative Politics*, 42(2), pp. 127–146. DOI: 10.5129/001041510X12911363509396.
- Schedler, A. (2006) *The logic of electoral authoritarianism, Electoral authoritarianism: The dynamics of unfree competition*. Lynne Rienner Publishers.
- Shvetsova, O. (2003) 'Resolving the problem of preelection coordination: the 1999 parliamentary elections as an elite presidential "primary"' in: Helsi, V. L., Reisinger, W. M. (ed.) *The 1999-2000 elections in Russia: Their impact and legacy*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 213–231.
- Svolik, M. (2009) 'Power sharing and leadership dynamics in authoritarian regimes', *American Journal of Political Science*, 53(3), pp. 477–494. DOI: 10.1111/j.1540-5907.2009.00382.x.
- Way, L. (2005) 'Authoritarian state building and the sources of regime competitiveness in the fourth wave: The cases of Belarus,

Moldova, Russia, and Ukraine', *World Politics*, 57, pp. 231–261. DOI: <https://doi.org/10.1353/wp.2005.0018>.

Way, L. (2008) 'Between national division and rapacious individualism: Ukraine before

and after the Orange Revolution', *Brown Journal of World Affairs*, 14(2), pp. 253–264. DOI: <https://www.jstor.org/stable/24590729>.

Статья поступила в редакцию: 30.05.2021

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 02.08.2021

Статья принята к печати: 03.09.2021

THE “COLOURED REVOLUTIONS”: REGIME STABILITY AND CHANGE AS A MATTER OF ELITE DEFECTION

A. V. Soboleva, I. S. Grigoriev

A. V. Soboleva, MA in Political Science, Ph.D. Student (Political Economy track), Doctoral School of Political Science, Public Policy and International Relations (Central European University),
E-mail: Soboleva_Anastasiia@phd.ceu.edu (ORCID: 0000-0002-3033-1404. ResearcherID: AAZ-3091-2021).

I. S. Grigoriev, candidate of political science, associate professor and researcher, Department of politics and international relations; Center for comparative governance study (HSE University in St.Petersburg).
E-mail: igrigoriev@hse.ru (ORCID: 0000-0002-0058-8583. ResearcherID: L-5628-2015).

Abstract

Why did «coloured revolutions» in Georgia (2003), Kyrgyzstan (2005) and Ukraine (2004) happen? To answer the question, the paper focuses on the shared feature of post-Soviet states – regime cyclicality, explained by the existence of the entrenched patronal presidentialism institutions. At critical moments when the incumbent turns into a lame duck and her departure is mostly expected, the regime runs the risk that elites become disunified and strong opposition consequently emerges. Then the relationship between the incumbent's designated successor and elites revolves around the possible defection of the latter to the challenger. The article models such a situation in the form of a repeated game, where elites appear as a receiver in the «bargain» during the presidential campaign. Depending on who is preferred – the successor or the challenger – an outcome is either regime perpetuation or a “coloured revolution” caused by mass elite defection to the opposition. The derived hypotheses are tested on the cases of presidential elections in Russia (1999-2000) and Ukraine (2004). As analysis reveals, the three theoretical expectations draw sufficient empirical support, while a special role in determining a winner is ascribed to candidates' popularity, which becomes of utmost importance closer to the end of the race.

Keywords: “coloured revolutions”; post-Soviet states; elite defection; regime cycle; incumbent; successor; challenger; patronal presidentialism.

Acknowledgements: The study was carried out with the support of the Basic Research Program of the National Research University Higher School of Economics within the framework of the State Assignment of the National Research University Higher School of Economics for 2021.

УДК-327:329

DOI: 10.17072/2218-1067-2021-4-49-62

ИМЕЮТ ЛИ ЗНАЧЕНИЕ РЕГИОНАЛИСТСКИЕ ПАРТИИ? ФАКТОРЫ АКТИВНОСТИ ЕВРОРЕГИОНОВ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

А. И. Гилева, И. К. Шевцова

Гилёва Алёна Игоревна, магистрант кафедры политических наук,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
аспирант факультета политических наук,
Европейский университет в Санкт-Петербурге.
E-mail: alenagileva@outlook.com (ORCID: 0000-0002-0548-9998).

Шевцова Ирина Константиновна, к.полит.н., научный сотрудник,
Пермский федеральный исследовательский центр УрОРАН,
директор,
Центр сравнительных исторических и политических исследований Пермского государственного
национального исследовательского университета.
E-mail: irinashevtsova@comparativestudies.ru (ORCID: 0000-0003-2605-2928. ResearchID: S-8816-2018).

Аннотация

Протестирована гипотеза о связи между наличием сильной регионалистской партии в регионах Европейского союза – членах еврорегионов и качеством функционирования (активностью) таких трансграничных объединений. Еврорегионы, включающие в себя как регионы и муниципалитеты, так и негосударственные акторы, рассматриваются в качестве примера многоуровневой политики ЕС. Кроме того, в статье проанализирована роль других факторов кооперации внутри еврорегионов, таких как наличие институтов управления, уровень межличностного доверия и восприятие гражданами социально-экономических различий между составными частями еврорегиона. Исследование опирается на данные по 162 еврорегионам Европейского союза.

Результаты исследования подтвердили ожидание по поводу того, что наличие сильной регионалистской партии, хотя бы в одном из регионов, входящем в состав трансграничного объединения, значимо связано с тем, что такой еврорегион будет активным в своей деятельности. Другим значимым фактором активности является адаптация еврорегионом статуса Европейской группы территориальной кооперации (EGTC). Этот статус предполагает наличие институтов управления (в том числе коллегиальных), с помощью которых происходит продвижение целей региона со стороны регионалистской партии. Кроме того, значимым объяснением активности еврорегиона оказывается и количество участников, которые подписали соглашение о создании еврорегиона. Причем большее количество участников повышает шансы того, что регион будет более активным. В то же время уровень межличностного доверия и восприятия гражданами социально-экономических различий между составными частями еврорегиона не имеют значения для качества кооперации.

Ключевые слова: еврорегион; регион; регионалистская партия; многоуровневое управление; Европейский союз.

Введение

Первые трансграничные объединения регионов появились на территории Западной Европы в 50-е гг. XX в. В 1990-е гг., когда политика сплочения стала одним из ключевых политических курсов Европейского союза, еврорегионы стали ключевой формой трансграничного взаимодействия на территории ЕС. В этот период активное создание еврорегионов стимулировалось программами приграничного межрегионального сотрудничества (INTERREG), а включенность в работу еврорегионов не только разных уровней власти, но и негосударственных акторов позволила их рассматривать как

примеры формирующейся многоуровневой политики. На сегодняшний день в ЕС существует более 200 еврорегионов (Durà et al., 2018). При этом, несмотря на наличие финансовых стимулов, которые нацелены на усиление трансграничных интеграционных процессов, далеко не все еврорегионы являются активными в своей деятельности и реализуют постоянные политические курсы.

Различия в глубине трансграничных интеграционных процессов связаны с тем, что еврорегионы включают в себя субъекты, обладающие разным юридическим статусом, создаются политическими акторами, чьи цели по поводу развития еврорегиона сильно зависят от электоральных циклов, и состоят из большого количества участников, что затрудняет процесс принятия решений и т.п. (Noferini et al., 2020). На результативность работы еврорегионов оказывает влияние и наличие в их составе более автономных субъектов, способных действовать самостоятельно (Perkmann, 2007), а также качество отношений между государствами, в составе которых находятся участники еврорегионов (Hosny, 2013). Вместе с тем за пределами исследовательского внимания остается анализ роли политического регионализма в деятельности еврорегионов, когда субнациональные единицы могут использовать имеющиеся внутри еврорегиона возможности как способ повышения своей политической субъектности и этим стимулировать деятельность трансграничного объединения.

В статье мы предпринимаем попытку показать связь между силой регионализма в регионах Европейского союза и качеством функционирования еврорегионов. Последние рассматриваются нами в качестве примера многоуровневой политики ЕС. Мы исходим из того, что участие в деятельности трансграничных объединений тех регионов, где политический регионализм проявляется сильнее, что выражается в наличии сильной регионалистской партии, связано с активностью работы европейских еврорегионов.

Статья имеет следующую структуру. В начале мы представим теоретическую рамку исследования, затем будет описана структура еврорегионов как субъектов многоуровневой политики, а также возможные каналы влияния регионалистских партий внутри еврорегионов. Далее представлены описание данных и их анализ. В заключении будут представлены основные выводы исследования.

Факторы активности еврорегионов Европейского союза: теоретическая рамка исследования

Еврорегионы, как и другие многосоставные объединения, сталкиваются с необходимостью преодоления проблем коллективного действия. Это проявляется в трудностях координации и выработки общей стратегии развития (Evrard, 2016). В этом смысле мы можем ожидать, что наличие субъектов, наиболее заинтересованных в работе еврорегионов, будет способствовать решению проблем коллективного действия и менять качество интеграции внутри еврорегиона. В качестве таких субъектов могут выступать регионы, где есть регионалистские партии.

Регионалистские партии часто являются «еврооптимистами», ориентированными на расширение взаимодействия с Европейским союзом и активное использование тех возможностей, которые представляет ЕС на наднациональном уровне. Так, следуя за теорией социальных расколов, Г. Маркс и К. Уилсон полагают, что политические партии, которые представляют периферийные этнотерриториальные сообщества с большой вероятностью будут противостоять инициативам национального государства. Такие партии будут больше ориентированы на поддержку процессов европейской интеграции, поскольку это способствует децентрализации внутри государства в пользу этнотерриториального сообщества и предоставляет более благоприятные институциональные условия для продвижения интересов, чем те, которые этнотерриториальное сообщество имеет внутри национального государства (Marks & Wilson, 2000). Регионалистские партии, скорее всего, будут поддерживать европейскую интеграцию поскольку последняя делает небольшие государства и автономные регионы жизнеспособными (*viable*) субъектами (Jolly, 2007).

Регионы, являясь, прежде всего, частью национальных государств, продолжают испытывать сильное влияние со стороны национальных правительств. Как показывает исследование Д. Бронкати, регионалистские партии в тех случаях, когда являются частью правительства на национальном уровне, нередко оказывают дестабилизирующий эффект на его работу. Регионалистские партии внутри правительства не способны к компромиссам в ущерб своему региону, тогда как национальным партиям не выгодно концентрироваться лишь на узком электорате одного региона (Brancati, 2005). Это существенно ограничивает возможность продвижения региональных интересов на национальном уровне для регионалистских партий. И тогда возможности проведения политики на общев-

ропейском уровне рассматриваются регионалистскими партиями как дополнительный механизм повышения своей политической субъектности (Keating et al., 2015).

Регионалистская партия, чья электоральная база ограничена одним регионом, заинтересована в мобилизации электората внутри региона. Иными словами, она имеет очевидные стимулы брать на себя роль актора, представляющего региональные интересы. Мы можем ожидать, что те регионалистские партии, которые имеют более устойчивую электоральную поддержку, заинтересованы в ее сохранении. Такие партии имеют бОльший политический вес внутри региона и бОльшие стимулы для продвижения интересов региона на наднациональном уровне, поскольку это позволяет приобретать дополнительные политические, экономические и финансовые возможности.

Опираясь на исследования о стремлении регионалистских партий к участию в общеевропейской политике, мы можем сформулировать ключевую гипотезу:

H1. Еврорегион, в составе которого есть регион с регионалистской партией, обладающей электоральной силой, будет с большей вероятностью активен в своей деятельности, чем тот, где такой регион отсутствует.

В качестве альтернативных объяснений различий в активности еврорегионов мы предлагаем рассматривать объяснения, связанные с наличием в еврорегионе институтов, в рамках которых строится его текущая деятельность, а также наличие высокого уровня межличностного доверия среди граждан и их оценка социально-экономических различий как незначимых.

Следуя за ключевыми посылами нового институционализма, мы можем ожидать, что наличие институтов, согласно которым действуют члены еврорегиона, будет уменьшать издержки проблем коллективного действия и, следовательно, повышать активность деятельности еврорегиона в целом. Органы управления выполняют функцию координации и контроля и позволяют принимать и реализовывать решения (Ostrom, 1990). Ключевой институциональной структурой, которую адаптируют еврорегионы, является т.н. Европейская группа территориального сотрудничества (*European grouping of territorial cooperation - EGTC*), которая, как отмечает Эстель Эврард, облегчает возникновение надрегионального (*supraregional*) уровня управления (Evrard, 2016). Таким образом, мы формулируем вторую гипотезу нашего исследования.

H2. Еврорегион, который адаптировал институты EGTC, будет с большей вероятностью активен в своей деятельности, чем тот, где институты EGTC отсутствуют.

Межличностное доверие, даже в отсутствие институтов, положительно связано с эффективностью решения проблем коллективного действия (Полищук, 2014). Доверие является частью социального капитала и помогает решать проблемы координации, усиливает кооперацию. Наличие межличностного доверия повышает эффективность работы существующих институтов и делает их более эффективными в решении проблем коллективного действия (Ostrom, 1990; Putnam 1993). Мы можем ожидать, что высокий уровень межличностного доверия внутри еврорегиона позволит гражданам поддерживать идею усиления трансграничной кооперации, что будет способствовать активной деятельности еврорегиона.

H3. Чем выше уровень доверия внутри еврорегиона, тем с большей вероятностью еврорегион будет активным в своей деятельности.

И наконец, различия в активности еврорегионов могут быть объяснены вариацией уровня восприятия социально-экономических различий гражданами, которые проживают на территории еврорегиона. Мы исходим из того, что социально-культурные, административно-институциональные и экономические различия мешают успешной кооперации (Medeiros, 2018; Beck, 2018; De Sousa, 2013). Оценка гражданами социально-экономических различий между различными участниками еврорегиона как сильных (*когда, например, один участник воспринимается как донор всего проекта объединения - прим.*) может ожидаемо препятствовать поддержке гражданами идеи углубления трансграничной интеграции.

H4. Чем ниже уровень восприятия социально-экономических различий, тем с большей вероятностью еврорегион будет активным в своей деятельности.

Кроме того, количество членов еврорегиона также может иметь связь с активностью его деятельности. БОльшему количеству участников сложнее координироваться из-за разнообразия интересов. С активностью деятельности еврорегиона могут быть также связаны уровень развития экономики единиц, составляющих еврорегион, а также количество граждан, проживающих на его территории. Уровень развития экономики и количество населения производят так называемый агломерационный эффект, который влияет на скорость экономического развития (об агломерационном эффекте, см. например, Зубаревич, 2011). Кроме того, с активностью еврорегиона может быть связан и срок суще-

ствования еврорегиона, в течение которого еврорегион мог накопить опыт успешной кооперации. Таким образом, мы формулируем несколько контрольных гипотез:

H5. Чем больше количество участников являются членами еврорегиона, тем с меньшей вероятностью еврорегион будет активным в своей деятельности.

H6. Чем выше ВРП на душу населения внутри еврорегиона, тем с большей вероятностью еврорегион будет активным в своей деятельности.

H7. Чем больше количество населения, проживающего на территории еврорегиона, тем с большей вероятностью еврорегион будет активным в своей деятельности.

H8. Чем дольше существует регион, тем он будет более активным в своей деятельности.

Еврорегионы, многоуровневое управление и возможности для регионалистских партий

Процесс резкого увеличения количества трансграничных образований на территории Европейского союза привлекает внимание из-за его тесной связи с вопросами европейской интеграции, нового регионализма и многоуровневого управления (Svensson, 2013). Первый этап значительного увеличения количества еврорегионов (см. рис. 1) и их активности на территории Европейского союза начался в 1990 г. и был связан с включением вопросов трансграничной кооперации в политику сплочения ЕС в качестве одной из целей (The European Communities, 2007). Кроме того, в 1989 г. были запущены программы INTERREG, которые стремились привлечь местные и региональные заинтересованные стороны к устранению барьеров на пути свободного перемещения товаров, людей, капиталов и услуг, позволяя развивать трансграничные проекты (Wassenberg, et al., 2015). Программы INTERREG давали политическую и экономическую поддержку, инициировали процесс отмены границ между странами, но не предусматривали определенных документов, на которых базировалось бы регулярное сотрудничество.

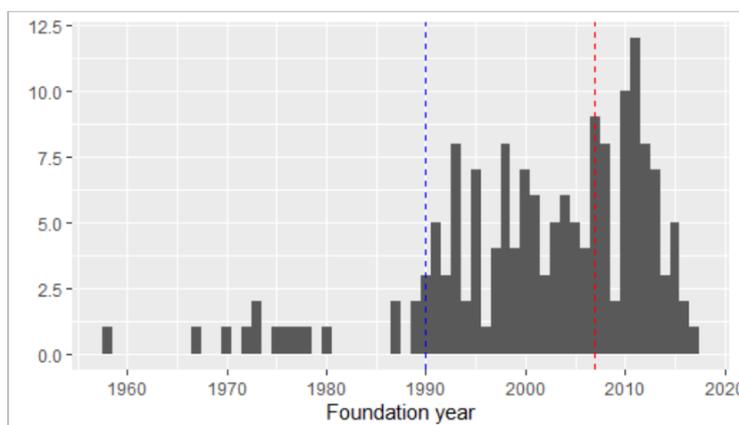

Рис. 1. Распределение количества еврорегионов по годам.

Источник данных: отчеты Европейской комиссии

Внедрение нового правового инструмента - возможности присвоения еврорегиону статуса Европейской группы территориальной кооперации (*далее EGTC*) – в 2007 г. привело к новому росту числа еврорегионов (рис. 1), поскольку этот инструмент дает больше возможностей для получения финансирования из структурных фондов на реализацию определенных проектов, устраняет некоторые ограничения, связанные с правовыми различиями государств-участников объединения, не требует общих межгосударственных соглашений и позволяет привлекать к участию страны, не входящие в Европейский союз. Помимо этого, он позволяет еврорегионам создавать правила своего существования и тем самым облегчать решение вопросов кооперации.

Кроме EGTC, существуют другие инструменты, разработанные Европейским союзом для трансграничной кооперации – Европейское объединение по экономическим интересам (EEIG), Объединение по еврорегиональному сотрудничеству (ESG). EEIG обычно используется для трансграничной экономической деятельности, в которой участвуют частные лица. Этот инструмент может использоваться только для регулирования экономической деятельности, не развивая остальные аспекты трансграничной кооперации. ESG позволяет создать юридическое лицо, с помощью которого произ-

ходит управление трансграничной инициативой от лица его членов. И оба эти инструмента не требуют создания структуры институтов внутри еврорегиона (European Commission, 2000).

Финансирование еврорегионов зависит от цели их деятельности, правовой формы, структуры членского состава, а также их возможности привлечения субсидий из структурных фондов ЕС (Hajek et al., 2016). Многие еврорегионы пытаются получить дополнительное финансирование от экономической деятельности в дополнение к членским взносам и субсидиям из фондов. Объем доходов различается в разных трансграничных образованиях, он может составлять от нескольких тысяч евро до сумм свыше одного миллиона евро (Lüer et al., 2018).

Введение в 2007 г. инструмента EGTC закрепило в основе еврорегионов некоторые принципы многоуровневого управления. С этого момента еврорегионы часто рассматриваются как примеры многоуровневой политики, поскольку их цели выходят за рамки национальных юрисдикций, кроме того, они являются горизонтальной структурой, включающей в себя государственных и негосударственных акторов разных уровней (Noferini et al., 2020; Pikner, 2008). Во-первых, в дополнение к уже существующему законодательству о субсидиарности, инструмент EGTC расширил автономию субнациональных единиц в процессе создания еврорегиона. Одним из ключевых новшеств EGTC было то, что этот инструмент позволял создавать трансграничные объединения и проводить совместные политические курсы без подписания межгосударственных соглашений между теми странами, чьи регионы и/или муниципалитеты входят в состав еврорегиона (European Parliament, 2006). Иными словами, создание еврорегиона перестало быть вопросом межгосударственных отношений. Однако для создания объединения необходимо получить согласие от государства каждого региона-участника, поэтому процесс создания иногда занимает длительное время. Во-вторых, введение EGTC официально закрепляло возможность участия в работе еврорегиона как государственных субнациональных единиц, так и ассоциаций и других негосударственных акторов (European Parliament and Council of Ministers, 2006).

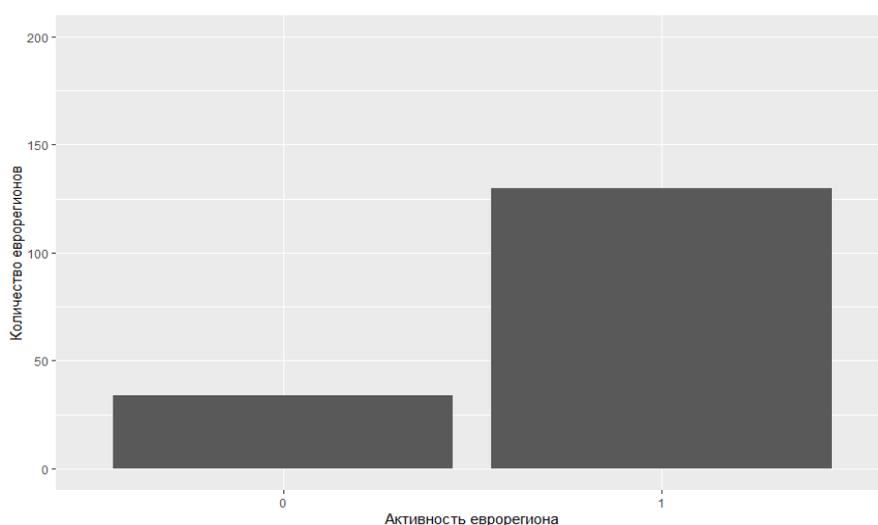
Структура институтов еврорегионов, которые имеют статус EGTC, определяется регламентом и предполагает, что ключевым органом управления еврорегиона является Генеральная ассамблея (European Parliament and Council of Ministers, 2006), которая состоит из представителей всех участников еврорегиона и является ключевой площадкой согласования и продвижения их интересов. Именно она является основным органом, принимающим решения. Муниципалитеты и регионы часто представлены в ассамблее мэрами и главами региональных правительств соответственно. Кроме того, в состав ассамблей могут входить и другие представители – депутаты региональных и местных представительных органов. Таким образом, регионалистские партии, победившие на выборах в регионе или муниципалитете и/или имеющие своих представителей в органах власти, могут быть напрямую представлены в Ассамблее. Например, в еврорегионе “Тироль – Южный Тироль – Трентино”, который находится на территории исторической области Тироль, в состав Ассамблеи входит Арно Компатшер, лидер регионалистской Южнотирольской народной партии. Другой пример – Еврорегион “Новая Аквитания – Эускади – Наварра”, включающий в свой состав испанские и французские территории, которые исторически были местом поселения басков. Представителем автономного сообщества Страна Басков в Ассамблее является Иньиго Уркулюю Рентерия, член Баскской националистической партии и ее бывший председатель.

Принятие инструмента EGTC позволило создавать еврорегионы без подписания межгосударственных соглашений между государствами, чьими субнациональными единицами являются участники еврорегиона, что создало больше возможностей для продвижения автономных региональных интересов. Региональные элиты внутри еврорегионов имеют большее поле для маневра в отличие, например, от тех возможностей, которыми обладают регионы в рамках процесса получения средств из структурных фондов, другого примера многоуровневой политики в ЕС (см., например, Hodson, 2012; Бусыгина & Филиппов, 2020). Так, система распределения средств структурных фондов предполагает использование т.н. принципа дополнительности (*additionality*). Принцип дополнительности подразумевает, что проект, на реализацию которого выделяются средства структурных фондов ЕС, должен включать софинансирование как со стороны самого региона, так и со стороны государства. В этом смысле, принцип дополнительности всегда оставляет возможность того, что результат распределения средств структурных фондов будет определяться качеством отношений между регионом и государством. При подаче заявок в структурные фонды национальное правительство скорее поддержит тот регион, где есть электоральное преимущество правящей партии, нежели преимущество регионалистов (Bouvet & Dall'era, 2010).

Описание данных и метод

Зависимая переменная исследования – это активность еврорегиона. Переменная кодировалась как 1, если еврорегион был активен в 2017 г., и как 0, если еврорегион был неактивен (переменная активность еврорегиона/activit y). Активность еврорегиона подразумевает большую глубину интеграции приграничных территорий, в результате чего объединение способно выполнять поставленные задачи и реализовывать проекты, которые отражаются в публикуемых отчетах. Деление еврорегионов на активные и неактивные основывается на данных работы *“Еврорегионы, превосходство и инновации на границах ЕС”* (Dur , et al., 2018). Под активным еврорегионом авторы имели в виду тот еврорегион, который (а) имеет актуальный веб-сайт с достаточной технической информацией; (б) где существуют явные признаки текущих или недавних мероприятий приграничного сотрудничества (встречи, совместные семинары и т.д.); (в) использует коммуникационную стратегию. Соответственно, неактивным является еврорегион, который (а) не соответствуют критериям активного еврорегиона; (б) не осуществляет деятельность / отсутствует информация об его деятельности (включая публикации местных СМИ и т.д.); (в) имеет сайт, но он не обновлялся в последние 3 года; либо (г) показывает незначительную активность, но в целом имеет низкую интенсивность трансграничной деятельности.

В базе данных исследования *“Еврорегионы, превосходство и инновации на границах ЕС”* (Dur  et al., 2018) авторы выделяют 214 образований, соответствующих определению еврорегиона. В их число входят еврорегионы, в состав которых входят субнациональные единицы стран, не входящих в Европейский союз или Европейскую экономическую зону. Эти образования были исключены из анализа в связи с отсутствием статистических данных по таким странам. В результате в наш анализ были включены 164 еврорегиона. Распределение еврорегионов представлено на рис. 2.

**Рис. 2. Распределение еврорегионов по зависимой переменной.
Источник: Dur  et al. 2018**

Ключевая независимая переменная – это наличие или отсутствие сильной регионалистской партии в регионе, включенном в трансграничное объединение (переменная *“Сила регионалистской партии”/ reg_party_strongcod*). Расчеты показателя сделаны на основе Базы данных *«Субнациональный регионализм и многоуровневая политика»* (База данных, 2021). База содержит данные о представленности регионалистских партий в региональных парламентах за три последних электоральных цикла. На основе этого для каждого региона рассчитаны средние значения доли мест регионалистских партий. Если в состав еврорегиона входит регион(ы), где регионалистские партии имеют более 10% в региональном парламенте (в среднем за три последних цикла), переменная закодирована как «1», в противном случае как «0».

Для проверки гипотезы об углублении интеграции в результате наличия институтов, способствующих эффективному регулированию, в качестве независимой переменной выступает использование инструмента ЕГТС, которая кодируется как 1, если он используется, и как 0 в случае его отсут-

ствия (переменная Наличие EGTC / egtc). Источником данных послужил ежегодный отчет Комитета регионов ЕС о деятельности регионов, имеющих статус EGTC; использовалась информация отчета за 2017 г. (Lüer et al., 2018).

Для проверки гипотезы о более глубокой интеграции в еврорегионах с более высоким уровнем межличностного доверия в качестве независимой переменной использовалась доля населения, согласного с утверждением, что всем людям в целом можно доверять. Источником данных стал опрос Flash Eurobarometer 422, который проводился среди жителей приграничных территорий для оценки восприятия ими трансграничного сотрудничества. Опрос был проведен в 2015 г. Связь активности еврорегиона с оценкой гражданами уровня социально – экономических различий между странами, чьи субнациональные единицы входят в еврорегион (переменная “Восприятие социально-экономических различий”/socsecos), также тестировалась на основе данных Евробарометра 2015 г. (Flash Eurobarometer, 422).

В качестве контрольных переменных мы используем данные о количестве участников в каждом еврорегионе, которые подписали соглашение о создании трансграничного образования (переменная “Участники” / members). Данные были взяты из официальных документов еврорегионов и из отчетов, опубликованных Комитетом регионов. Также, мы используем показатель среднего ВВП на душу населения (тыс. евро/год) внутри еврорегиона (переменная “ВВП на душу населения в тыс. евро”/gdp_pc_1000) и количества граждан, проживающих на территории еврорегиона (переменная “Население, тыс. чел”/population_1000). Источником служит база данных Eurostat за 2016 г. Однако не во всех случаях эти значения будут отражать реальную ситуацию внутри еврорегиона. Некоторые еврорегионы включают лишь несколько небольших муниципалитетов из каждого региона. Тем не менее, используются данные по уровню NUTS-3, так как Eurostat не предоставляет данных по более низким уровням, а их самостоятельный сбор в большинстве случаев затруднителен или невозможен. Кроме того, в качестве контрольной переменной мы используем срок существования региона (переменная “Срок”/age). Источник данных - официальные сайты еврорегионов.

В качестве метода анализа данных использована бинарная логистическая регрессия.

Анализ данных

Анализ данных показывает, что наличие сильной регионалистской партии хотя бы в одном из регионов, включенном в состав еврорегиона, значимо связано с активностью деятельности последнего (см. таблицу и приложение). Это подтверждает нашу основную гипотезу о том, что еврорегионы, в составе которых есть регион с сильной регионалистской партией, будут с большей вероятностью активны в своей деятельности, чем те, где такой регион отсутствует. Наличие сильной регионалистской партии оказывается значимым фактором вне зависимости от спецификации модели (приложение).

На графике (рис. 3) дополнительно показано, что среди еврорегионов, которые не являются активными, только в четверти есть регионалистские партии, обладающие более чем 10% мандатов в региональном парламенте. Тогда как активные еврорегионы примерно в половине случаев ассоциированы с наличием сильной регионалистской партии.

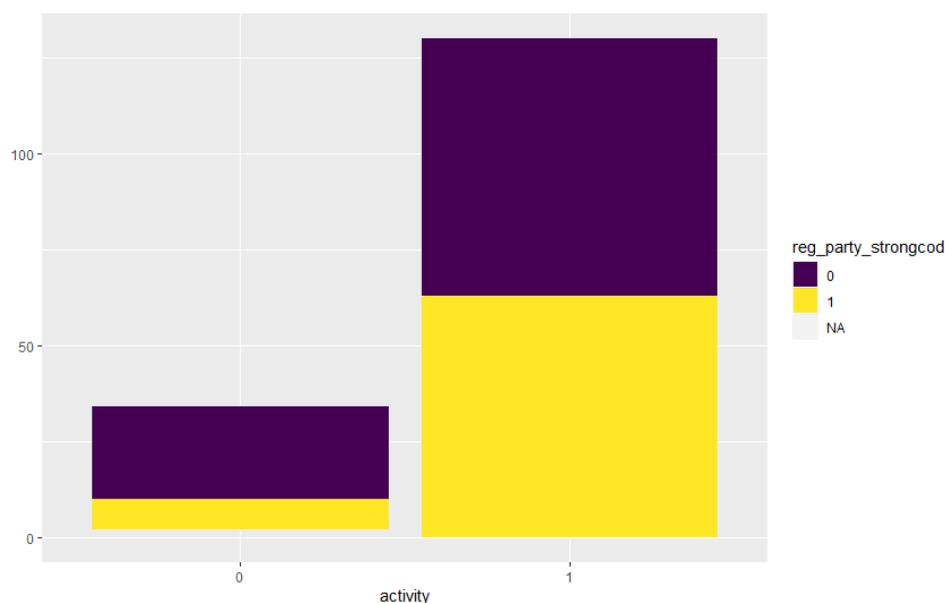

Рис. 3. Активность регионов и наличие сильной регионалистской партии (0 - отсутствие сильной регионалистской партии, 1 - наличие сильной регионалистской партии). Ист.: база данных «Субнациональный регионализм и многоуровневая политика»

Другим фактором, который значимо связан с вероятностью того, что еврорегион будет активным, является принятие еврорегионом статуса Европейской группы территориальной кооперации / EGTC. На рис. 4 показано, что среди неактивных еврорегионов лишь единицы имеют статус EGTC, тогда как из почти 130 активных еврорегионов такой статус приняли 50.

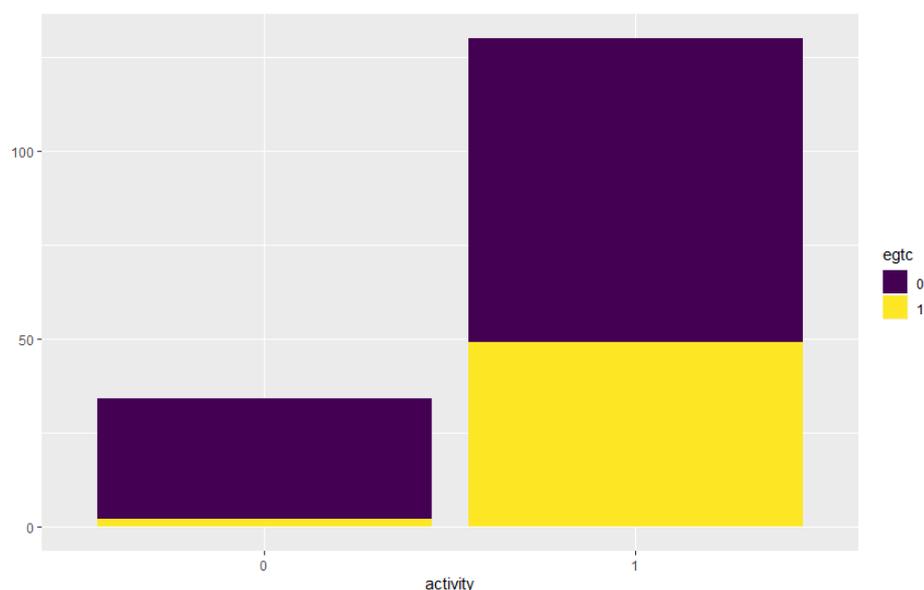

Рис. 4. Активность еврорегиона и принятие еврорегионов статуса Европейской группы территориальной кооперации (EGTC). Ист.: отчет Комитета регионов ЕС

Гипотеза о значимости связи межличностного доверия и активности деятельности еврорегиона не получила своего подтверждения, также как и гипотеза о том, что с активностью еврорегиона связано то, что граждане не видят значимых социально-экономических различий между субъектами, которые входят в состав еврорегиона. Эти предикторы остались незначимыми во всех моделях (см. приложение).

Факторы активности еврорегиона (N = 162)

Зависимая переменная:	
Активность еврорегиона	
Сила регионалистской партии	1.361* (0.530)
Наличие ЕГТС	2.655** (0.828)
Доверие	0.046 (0.030)
Восприятие соц-эк различий	0.007 (0.023)
Участники	0.068* (0.030)
ВВП на душу населения, тыс. евро	0.011 (0.023)
Население	-0.0001 (0.0001)
Срок существования еврорегиона	-0.036 (0.027)
Constant	-2.848 (2.059)
Observations	162
Log Likelihood	-57.128
Akaike Inf. Crit.	132.255
Note:	*p<0.1; **p<0.05; ***p<0.01

Из учтенных контрольных переменных значимой оказывается переменная “Количество участников”. Причем активность еврорегиона положительно связана с количеством участников, которые его создавали. Иными словами, большее количество участников, которые подписали соглашение в момент создания еврорегиона, наоборот, способствует тому, чтобы еврорегион был активен в своей деятельности в дальнейшем. На рис. 4 мы можем видеть, что регионы с количеством участников более 25 все являются активными в своей деятельности. Это не подтверждает наше ожидание, которое состояло в том, что еврорегионам с меньшим количеством участников проще координироваться, и поэтому такие еврорегионы будут активными в своей дальнейшей деятельности.

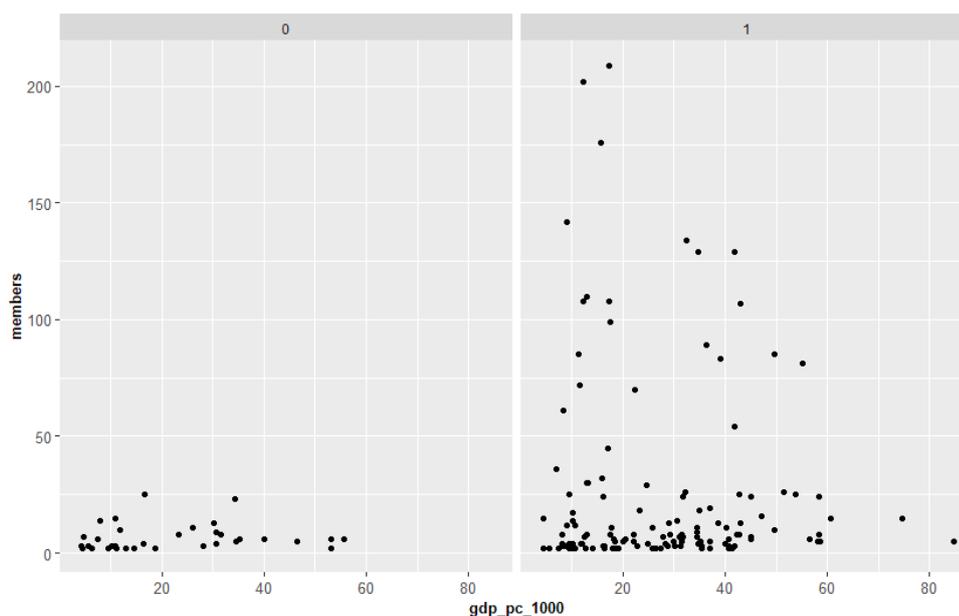

Рис. 5. Количество участников (переменная *members*) и активность еврорегиона (0 - неактивный, 1 - активный). Ист.: отчет Комитета регионов ЕС

Количество граждан, проживающих на территории еврорегиона, ВВП на душу населения, а также срок существования еврорегиона не имеют значения для активности последнего.

Выводы и дискуссия

Исследование подтвердило ожидание по поводу того, что наличие сильной регионалистской партии хотя бы в одном из регионов, входящем в состав еврорегиона, значимо связано с тем, что последний будет активным в своей деятельности. Другим значимым фактором активности является также и адаптация еврорегионом статуса Европейской группы территориальной кооперации (EGTC). Этот статус предполагает наличие институтов управления (в том числе коллегиальных), с помощью которых происходит продвижение целей региона со стороны регионалистской партии. Кроме того, значимым объяснением активности еврорегиона оказывается и количество участников, которые подписали соглашение о создании еврорегиона. Причем, вопреки нашему ожиданию, большее количество участников повышает шансы того, что регион будет более активным.

Проведенный регрессионный анализ не позволяет нам делать выводы о том, каким именно образом регионалистские партии используют имеющиеся каналы для продвижения региональных интересов и почему в итоге эти усилия повышают шансы еврорегиона на то, что он будет активным в своей деятельности. Однако, следуя за выводами исследований о том, что регионалистские партии нередко оказываются ориентированы на активное взаимодействие с ЕС (Marks & Wilson, 2000; Jolly, 2007), можно предполагать, что для таких партий оказывается важным использование тех инструментов, которые им предоставляет наднациональный уровень. Учитывая то, что регионалистские партии нередко находятся в конфликте с национальными правительствами (Brancati, 2006), затрудняющими проведение их политического курса внутри “своего” государства, использование возможностей, которые лежат вне контроля государства, является крайне значимым для поддержания политической субъектности и сохранения электоральной поддержки в регионе.

При этом важно учесть, что создание еврорегиона может происходить без подписания межправительственных соглашений между государствами, чьими субнациональными единицами являются члены еврорегиона. Это упрощает проведение автономных политик со стороны регионов и соответственно регионалистских партий, которые его представляют. В этом смысле, при экстраполяции результатов исследований о роли регионалистских партий в проектах многоуровневой политики, мы должны учесть то, насколько регионы имеют возможность действовать автономно от национальных государств.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00053 «Субнациональный регионализм и динамика многоуровневой политики (российские и европейские практики)») в Пермском федеральном исследовательском центре УрО РАН (разделы первый, третий и четвертый; И.К. Шевцова) и в рамках магистерской ВКР "Факторы межрегиональной интеграции в Европейском союзе" (раздел второй; А.И. Гилева). Авторы благодарят Петра Панова за рекомендации к исследованию.

Список литературы / References

- База данных 'Субнациональный регионализм и многоуровневая политика' [электронное издание]. URL: <http://identityworld.ru/index/srdmp/0-25#tab5> [Database 'Subnational regionalism and multilevel governance' [Subnational'ny regionalism i mnogourovnevaya politika] [online]. URL: <http://identityworld.ru/index/srdmp/0-25#tab5>].
- Бусыгина, И. М., Филиппов, М. Г. (2020) 'Изменение стимулов и стратегий национальных правительств в условиях многоуровневого управления в Европейском союзе', *Полис*, (5), сс. 148–163. [Busygina, I. M., Filippov, M. G. (2020) 'The change in the stimulus and strategies of national governments in European Union's multilevel governance' [Izmenenie stimulov i strategii natsional'nykh pravitel'stv v usloviyakh mnogourovnevnogo upravleniya v Evropeiskom soyuze], *Polis: Journal of Political Studies*, (5), pp 148–163. (In Russ.)].
- Зубаревич, Н. (2011) 'Регионы и города России: сценарии 2020', «*Pro et Contra*». [Zubarevich, N. (2011) 'Regions and cities of Russia: scenarios 2020' [Regiony i goroda Rossii: scenarii 2020], «*Pro et Contra*» (In Russ.)].
- Полищук, Л. (2014) *Порознь или сообща. Социальный капитал в развитии городов*. Strelka Press. [Polishyuk, L. (2014) *Apart or together. Social capital in urban development*. [Porozn ili soobscha. Social'nyi capital v razvitii gorodov]. Strelka Press. (In Russ.)].
- Bauer, M., Börzel, T. (2010) 'Regions and the European Union' in: Enderlein, H., Wälti, S. and Zürn, M. (eds.) *Handbook on Multi-level Governance*, Cheltenham: Edward Elgar, pp. 253–263.
- Beck, J. (2018) 'Cross-Border Cooperation: Challenges and Perspectives for the Horizontal Dimension of European Integration', *Administrative consulting*, 1(2018), pp. 56–62. DOI: 10.22394/1726-1139-2018-1-56-62.
- Bouvet, F., Dall'erba, S. (2010) 'European Regional Structural Funds: How Large is the Influence of Politics on the Allocation Process?', *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 48, pp. 501–528. DOI: 10.1111/j.1468-5965.2010.02062.x.
- Brancati, D. (2006) 'Decentralization: Fueling the Fire or Dampening the Flames of Ethnic Conflict and Secessionism?', *International Organization*. Cambridge University Press, 60(3), pp. 651–685. DOI: 10.1017/S002081830606019X.
- De Sousa, L. (2013), 'Understanding European Cross-border Cooperation: A Framework for Analysis', *Journal of European Integration*, 35(6), pp. 669–687. DOI: 10.1080/07036337.2012.711827.
- Durà, A., Camonita, F., Berzi, M., Noferini, A. (2018) 'Euroregions, Excellence and Innovation across EU borders. A Catalogue of Good Practices', *Barcelona, Department of Geography*, UAB, 254 p.
- Evrard, E. (2016) 'The European Grouping of Territorial Cooperation (EGTC): Towards a Supraregional Scale of Governance in the Greater Region SaarLorLux?', *Geopolitics*, 21(3), pp. 513–537. DOI: 10.1080/14650045.2015.1104667.
- European Commission (2000) *Practical guide to Cross-Border Cooperation*. 3rd edn., Association of European Border Regions (AEBR), Gronau.
- European Parliament (2006) *European Grouping of Territorial Cooperation (EGTC)* [online]. URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/en/policy/cooperation/european-territorial/egtc/ (Accessed: 19 October 2021).
- European Parliament and Council of Ministers (2006) Regulation (EC) No 1082/2006 of the European Parliament and of the Council on the European Grouping of Territorial Cooperation, OJ L, 210, 31 July 2006, [online]. URL: <https://ec.europa.eu/regional>

- al_policy/en/policy/cooperation/european-territorial/egtc/.
- Eurostat [online]. Available at: URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (Accessed: 18 October 2021).
- Eurorégion Nouvelle-Aquitaine, Euskadi, Navarre [online]. Available at: URL: <https://www.euroregion-naen.eu> (Accessed: 17 October 2021).
- Flash Eurobarometer 422: Cross-border cooperation in the EU [online] Available at: https://data.europa.eu/data/datasets/s1565_422_eng?locale=en (Accessed: 18 October 2021).
- Hájek O., Novosák J., Nekolová J., Smékalová L. (2016) 'Distribution of structural funds: equity, efficiency and public procurement (Czech Republic)', *Journal of International Studies*, 9(1), pp. 167–179. DOI: 10.14254/2071-8330.2016/9-1/12.
- Hodson, D. (2012). Regional and structural funds. In *The Oxford Handbook of the European Union*.
- Hosny, A. S. (2013) 'Theories of Economic Integration: a Survey of the Economic and Political Literature', *International Journal of Economy, Management and Social Sciences*, 2 (5), pp. 133–155.
- Högenauer, A.-L. (2014) 'All by themselves? Legislative regions and the use of unmediated access to the European level', *European Political Science Review*, 6(3), pp. 451–475.
- Jolly, S. K. (2007) 'The Europhile Fringe?: Regionalist Party Support for European Integration', *European Union Politics*, 8(1), pp. 109–130. DOI: 10.1177/1465116507073290.
- Keating, M., Hooghe, L., Tatham, M. (2015) 'By-passing the nation state? Regions and the EU policy process' in JJ Richardson and S Mazey (eds), *European Union: Power and Policy Making*. Routledge, London, pp. 445–466.
- Lüer, C., Hsiung, C., Montán, A., Hans, S., Le Moglie, P., Zillmer, S., Carius de Barros, K., (2018) *EGTC monitoring report 2017* [online]. Available at: URL: 10.2863/506306.
- Marks, G., Wilson, C. (2000) 'The Past in the Present: A Cleavage Theory of Party Response to European Integration', *British Journal of Political Science*, 30(3), pp. 433–459. DOI: 10.1017/S0007123400000181.
- Medeiros, E. (2018) 'Should EU cross-border cooperation programmes focus mainly on reducing border obstacles?', *Documents d'Anàlisi Geogràfica*, 64(3), pp. 467–491. DOI: 10.1080/00343400600868937.
- Noferini, A., Berzi, M., Camonita, F., Durà, A. (2020) 'Cross-border cooperation in the EU: Euroregions amid multilevel governance and re-territorialization', *European Planning Studies*, 28(1), pp. 35–56. DOI: 10.1080/09654313.2019.1623973.
- Ostrom, E. (1990) *Governing the Commons: the Evolution of Institutions for Collective Action*. The Political Economy of Institutions and Decisions, Cambridge, Cambridge University Press.
- Perkmann, M. (2007) 'Construction of New Territorial Scales: A Framework and Case Study of the EUREGIO Cross-border Region', *Regional Studies*, 41, pp. 253–266. DOI: 10.1080/00343400600990517.
- Pikner, T. (2008) 'Reorganizing Cross-Border Governance Capacity: The Case of the Helsinki-Tallinn Euregio', *European Urban and Regional Studies*, 15 (3), pp. 211–227. DOI: 10.1177/0969776408090414.
- Putnam, R. D. (1993) *Making democracy work. Civic traditions in modern Italy*. Princeton: Princeton University Press.
- Svensson, S. (2013) *Social Capital and Governance in European Borderlands: A Comparative Study of Euroregions as Policy Actors*. PhD thesis. Budapest: Central European University Thesis collection.
- The European Communities (2007) *Cohesion policy 2007–2013. Commentaries and official texts* [online] Available at: URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docoffic/official/regulation/pdf/2007/publications/guide2007_en.pdf (Accessed: 19 October 2021).
- Tyrol–South Tyrol–Trentino Euroregion [online]. URL: <http://www.europaregion.info/de/satzung-und-organe.asp> (Accessed: 17 October 2021).
- Wassenberg, B., Reitel, B., Peyrony, J. (2015) *Territorial Cooperation in Europe - A Historical Perspective*. Brussels.

Dependent variable:							
Активность еврорегиона							
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)
Сила регионалистской партии	1.271** (0.481)				1.361* (0.530)	1.350* (0.527)	1.186* (0.506)
Наличие ЕГТС		2.670*** (0.796)			2.655** (0.828)	2.609** (0.814)	2.458** (0.805)
Доверие			0.016 (0.024)		0.046 (0.030)	0.042 (0.027)	
Восприятие соц.-эк. различий				-0.018 (0.020)	0.007 (0.023)		
Участники	0.067* (0.031)	0.055* (0.026)	0.058* (0.027)	0.057* (0.026)	0.068* (0.030)	0.068* (0.030)	0.065* (0.029)
ВВП на душу населения, евро	0.036* (0.017)	0.043** (0.016)	0.029 (0.022)	0.040* (0.017)	0.011 (0.023)	0.014 (0.022)	0.040* (0.017)
Население	-0.0001 (0.0001)						
Срок существования еврорегиона	-0.051* (0.022)	-0.017 (0.023)	-0.054* (0.023)	-0.048* (0.021)	-0.036 (0.027)	-0.035 (0.026)	-0.024 (0.024)
Constant	0.353 (0.517)	-0.388 (0.554)	0.039 (1.035)	1.406 (0.967)	-2.848 (2.059)	-2.340* (1.301)	-0.584 (0.610)
Observations	162	164	164	164	162	162	162
Log Likelihood	-65.630	-63.261	-72.181	-72.045	-57.128	-57.179	-58.423
Akaike Inf. Crit.	143.259	138.522	156.361	156.090	132.255	130.358	130.846

Note: *p<0.1; **p<0.05; ***p<0.01

Статья поступила в редакцию: 25.09.2021

Статья принята к печати: 20.10.2021

**DO REGIONAL PARTIES MATTER?
FACTORS OF ACTIVITY OF EUROREGIONS IN THE EUROPEAN UNION**

A. I. Gileva, I. K. Shevtsova

A. I. Gileva, graduate of the magistracy of the Department of Political Science,
Perm State National Research University,
Postgraduate student at the Faculty of Political Science,
European University at St. Petersburg
E-mail: alenagileva@outlook.com (ORCID: 0000-0002-0548-9998).

I. K. Shevtsova, Candidate of Political Sciences, Researcher,
Perm Federal Research Center URAN,
director,
Center for Comparative Historical and Political Research, Perm State National Research University.
E-mail: irinashevtsova@comparativestudies.ru (ORCID: 0000-0003-2605-2928. ResearchID: S-8816-2018).

Abstract

The article tests the hypothesis on the relation between the presence of a strong regionalist party in regions of the European Union, which are the parts of Euroregions, and the activity quality of these Euroregional unions. The paper also analyzes the role of other factors of Euroregions' cooperation such as the presence of governance institutions, the level of interpersonal trust, and perception of socio-economic differences between Euroregions' members. The theory is tested on data for 162 Euroregions of the European Union.

The results show that the presence of a strong regionalists party at least in one region which is a part of the Euroregion significantly increases the odds of the latter being active. Another significant factor of the Euroregion's activity is the adoption of the status of the European group of territorial cooperation (EGTC). Moreover, the significant factor of the Euroregion's activity is the number of members, which signed an agreement establishing a Euroregion. It is notable that a higher number of Euroregion's members increases the odds of it being active. At the same time, the level of interpersonal trust and perception of socio-economic differences among Euroregional members don't affect the diversity of Euroregional activity.

Keywords: Euroregion; region; regionalist party; multilevel governance; European Union.

Acknowledgements: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 19-18-00053 "Subnational regionalism and the dynamics of multilevel politics (Russian and European practices)") at the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (sections one, three and four; I.K. Shevtsov) and within the framework of the master's degree program "Factors of interregional integration in the European Union" (section two; A.I. Gileva). The authors are grateful to Petr Panov for recommendations for the study.

УДК-327

DOI: 10.17072/2218-1067-2021-4-63-74

РЕГИОНАЛИСТСКИЙ ЛОББИЗМ В ИНСТИТУТАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

М. В. Грабевник

Грабевник Михаил Владимирович, к.полит.н., младший научный сотрудник,
Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН.
E-mail: m.grabevnik@gmail.com (ORCID: 0000-0002-3321-7519; ResearcherID: G-5572-2018).

Аннотация

Исследовательский предмет настоящей статьи составляет представленность регионалистских лоббистских организаций в институтах Европейского союза. На основе анализа реестра лоббистских групп Transparency Register характеризуется структура регионалистского лоббизма в институтах Европейского союза. Результаты анализа демонстрируют, что региональные и муниципальные властные органы европейских стран при сохранении формального присутствия в качестве лоббистских групп в институтах Европейского союза фактически остаются неспособными влиять на процесс принятия политических решений на супранациональном уровне, тогда как доминирующую позицию среди регионалистских лоббистских групп занимают организации, представляющие интересы, прежде всего, ассоциаций регионов (а не отдельных регионов и муниципалитетов). Доминирование ассоциаций как главных регионалистских акторов в европейском лоббизме обусловлено административными удобствами опосредованной коммуникации, в которой ассоциации выступают медиаторами между региональным и европейским элементами многоуровневого управления. Подобная структура регионалистского лоббизма удовлетворяет принципам элитарно-плюралистической модели более, чем современным моделям некорпоративного лоббизма или конъюнктурного плюрализма.

Ключевые слова: регионализм; Европейский союз; лоббизм; группы интересов; многоуровневое управление.

В ходе длительного интеграционного процесса в рамках Европейского союза установился динамичный баланс между региональным, национальным и наднациональным уровнями, который реализуется благодаря системе многоуровневого управления (multi-level governance), где решения принимаются коллективно и с учетом широкого плюрализма интересов (Hooghe, Marks, 2001). Система многоуровневого управления предполагает, что процесс принятия политических решений не организован централизованно и монополизирован доминирующими политическими акторами, а представляет собой процесс согласования коллективного решения, в котором принимают участие акторы разного типа (политические, экономические, общественные, экспертные) и разных административных уровней (локального, регионального, национального, супранационального). Подобный формат многоуровневого управления в Европейском союзе актуализировал вопрос участия в политическом процессе негосударственных акторов, лоббистов, экспертных групп. Многоуровневость, децентрализованность и асимметричность управления в ЕС подпитывают тенденции вовлеченности и активности лоббистских групп в институтах ЕС (Стрежнева, 2009: 61).

Одним из ярких примеров реализации принципов многоуровневого управления является региональная политика Европейского союза. Европейская комиссия регулярно разрабатывает программы поддержки и развития европейских регионов, привлекая к совместному принятию решений муниципальные (реже) и региональные (чаще) властные органы, а также экспертные группы и группы интересов.

В данной связи актуализируется вопрос о необходимости участия в качестве лоббистских групп в институтах ЕС (прежде всего, в Европейской комиссии, но также и в Европейском парламенте), организаций, ассоциированных с региональными властными органами и напрямую их репрезентирующие. С одной стороны, регионы представлены в рамках системы многоуровневого управления Европейского союза, что позволяет им влиять на процесс принятия решений на европейском уровне.

С другой стороны, часть европейских регионов дополнительно представлена лоббистскими группами в ключевых институтах Европейского союза (Европейской комиссии и Европейском парламенте). В каких целях и насколько эффективно европейские регионы и муниципалитеты используют лоббизм как дополнительную институциональную возможность для регионализма как политического курса (policy) и политики (politics)? Данный вопрос представленности регионов в качестве лоббистских организаций в институциональной системе ЕС остается актуальным.

Исследовательский фокус настоящей статьи, таким образом, наведен на представленность региональных и локальных органов власти европейских государств в институтах Европейского союза посредством групп интересов или лоббистских организаций. По состоянию на 2021 г. в Transparency Register официально зарегистрированы 567 организации, репрезентирующие органы локальной и региональной власти (organizations representing local, regional and municipal authorities, other public or mixed entities), что составляет лишь 4.55% от общей доли лоббистских групп в институтах Европейского союза¹. Именно они и представляют исследовательский интерес в рамках настоящей статьи.

Модели европейского лоббизма: теоретико-методологические исследования

Как отмечает Д.Моисеева, к концу XX в. в исследованиях представительства интересов в институтах Европейского союза складываются основы консолидированного теоретического обоснования роли и места лоббистских групп и групп интересов в европейском политическом процессе (Моисеева, 2017: 24). Исследования, заложившие подобный теоретико-концептуальный фундамент изучения лоббизма в ЕС, фокусировались на формах и механизмах представительства групп интересов, а также на способах и методах лоббирования решений и совместного представительства интересов. Широкий пул подобных исследований посвящен специфике национальных практик и моделей лоббирования интересов и перенесению национальных методов и методик на уровень Европейского союза (Katzenstein, 1987).

Место теоретико-методологических исследований европейского лоббизма, широко распространенных в 1970–1990-е гг., оказалось занято в начале 2000-х гг. практическими и прикладными исследованиями многоуровневого управления и процессов интеграции в Европейском союзе. На основании анализа эмпирических данных в рамках прикладных исследований в «нулевые» годы была сформирована рабочая типология представительств групп интересов (Соеп, 2007: 334). Первый, *плюралистический*, тип представительства групп интересов предполагает равный доступ лоббистских групп к участию в формировании политического курса, открытость органов власти по отношению к лоббистским группам, высокий уровень функциональной фрагментации лоббистского поля (Clive, 1993). Ограничение данного типа заключается в том, что в реальной политике доступ к процессу принятия политических решений обусловлен конфигурацией ресурсов, которыми обладают лоббистские группы, и не распределяется в равной мере. Второй тип, *элитарно-плюралистический*, нейтрализует ограничения первого типа. Согласно нему, доступ к политико-административному процессу получают те группы интересов, которые обладают более значительными экономическими и административными ресурсами по сравнению с конкурентами. Властные институты в данном типе выступают в качестве административных медиаторов и регуляторов конфликтов между лоббистскими группами. Третий, *неокорпоративистский*, тип представительства групп интересов характеризует отношения кооперации и сотрудничества как между властными институциями и лоббистскими группами, так и между последними. Подразумевается, что властные институты предоставляют лоббистским группам доступ к процессу принятия политических решений в обмен на лояльность таких групп к установленным формальным и неформальным правилам игры. Сотрудничество и кооперация, таким образом, рассматриваются в качестве стабилизирующего фактора многоуровневого управления (Моисеева, 2017: 26).

Указанные типы представительства лоббистских групп в европейских властных институтах позволяют объяснять модели институционализации групп интересов в процессе многоуровневого управления лишь фрагментарно. Доминирование одного из типов в исследовательском поле подразумевало бы его более высокий объяснительный потенциал в отношении влияния лоббистских групп. Однако, безусловно, универсального идеального типа в «черном ящике» лоббистского пространства наблюдать не приходится, а объяснительные механизмы скрываются скорее в диалектике типов, нежели в их сепаратном применении.

¹ Transparency Register [Online]. Available at: <https://ec.europa.eu/transparencyregister/> (Accessed: March 20th, 2021).

Вместе с тем важно отметить, что широкий пул исследований 2000–2010-х гг. демонстрируют, что эффективность и успешность лоббистских групп основывается, прежде всего, на информационных и финансовых ресурсах (Eising, 2007; Bennett, 1999). Исследование П. Боуэна в отношении бизнес-лоббистских групп в Европейском парламенте в период 2000–2001 гг. показывает, что одним из главных факторов усиления взаимоотношений депутатов Европейского парламента и представителей экономических групп интересов является политическое знание (неформальных правил игры и аргументов в политической борьбе), нежели техническое экспертное знание (формальных правил игры) (Bouwen, 2004a; Bouwen, 2004b; Bouwen, Mccown, 2007). Более того, как замечают П.Боуэн и М.МакКоун, по мере усиления роли Европейского парламента в 2000-е гг. происходит усиление интереса лоббистских групп к департаментам, комитетам и секретариатам европейской ассамблеи (Bouwen, Mccown, 2007). Ожидание лоббистов состоит в том, что законодательные полномочия делают Европейский парламента более зависимым от групп интересов, бизнеса и экспертных сообществ в доступе к важной политико-релевантной информации. По мнению европейских исследователей, такое ожидание имеет некоторые основания: информационные потребности парламента с широкими законодательными полномочиями требуют, чтобы Европейский парламента расширил круг своих экспертных источников (Busby, 2013; Judge, Earnshaw, 2011), что, в свою очередь, усиливает политическое влияние лоббистских групп (Burson-Marsteller, 2013; Coen, Katsaitis, 2019).

В данном контексте, пытаясь преодолеть теоретико-методологические ограничения подходов плюрализма и некорпоративизма, П.Боуэн формулирует *рациональную теорию доступа* (Bouwen, 2002: 368). Он развивает принцип ресурсозависимости представительства лоббистских групп, на основе которого предпринимается попытка объяснить вариацию степени открытости властных институтов к группам интересов. По мнению исследователя, ключевыми ресурсами, универсальными для всех типов лоббистских групп, выступают информация (information) и доступ (access) к процессу принятия политических решений. Вместе с тем доступ (access) лоббистских групп к участию в многоуровневом управлении обусловлен динамическим равновесием информационной потребности (demand) со стороны властных институтов и соответствующим предложением (supply) – со стороны групп интересов. Анализ доступа (access) лоббистских групп к участию в процессе принятия решения, таким образом, должен быть основан на изучении, прежде всего, потребности и предложения информации и стратегий акторов данного процесса. Вместе с тем П. Боуэн предлагает схему операционализации ключевых параметров лоббирования (доступа, потребности, предложения) для прикладных эмпирических исследований лоббизма. Так, стратегия лоббистской группы зависит от трех ключевых групповых признаков: размера группы, национального контекста, экономического базиса. Размер группы и её экономические ресурсы определяют склонность группы к сотрудничеству и кооперации с другими лоббистскими группами, а национальный контекст оказывает влияние на широту спектра лоббистских возможностей группы.

Исследовательская модель П.Боуэна послужила методологическим основанием для многих последующих исследований европейского лоббизма. Такие исследования, преимущественно, были (и остаются) предметно ориентированы, прежде всего, на экономические лоббистские группы (бизнес, транснациональные корпорации, трейд-юнионы, профессиональные группы интересов и т.п.). К таким исследованиям можно отнести работы Д.Коэна и Дж.Ричардсона (Coen, Richardson, 2009), Р. Ван Шеделена (Van Schendelen, 2002), А. Чалмерса (Chalmers, 2011), Г.Клювера (Kluver, 2013), С.Перегудова (Перегудов, 2009), Д. Моисеевой (Руденковой) (Руденкова, 2015a; Руденкова, 2015b; Моисеева, 2017), А.Шохина и Е.Королева (Шохин, Королев, 2008).

Доминирование деловых и экономических лоббистских групп часто объясняется исследователями с помощью аргументов элитарно-плюралистического подхода. Вместе с тем использование исключительно экономического ресурсного аргумента для объяснения доступа экономических групп интересов к процессу принятия решения является некоторым редуцированием исследовательской проблемы. Исследователь Г.Клювер отмечает, что на доступ лоббистских групп к процессу принятия политических решений, помимо экономических ресурсов, оказывают влияние такие факторы, как гражданская поддержка и соотнесение групповых (партикулярных) интересов с интересами коллективными (интересами сообщества) (Kluver, 2013). Труды Д. Коэна, совместно с коллегами Дж. Ричардсоном (Coen, Richardson, 2009) и А. Катсайтисом (Coen, Katsaitis, 2013), также фиксируют ограниченность элитарно-плюралистического подхода и предлагают в качестве альтернативного собственный подход, который российская исследовательница Д. Моисеева обозначает как *конъюнктурный плюрализм* (chameleon pluralism) (Моисеева, 2017: 30). Согласно данному подходу, степень доступа различных типов лоббистских групп объясняется напрямую конкретной сферой политики

(policy), которая выступает в качестве пространства для лоббистской конкуренции, а также длительностью существования конкретного структурного подразделения (директората, департамента и пр.) властных институтов Европейского союза, ответственного за подготовку политического решения (Coen, Katsaitis, 2013).

Дополнительный вклад в изучении факторов представленности лоббистов в институтах ЕС вносят качественно-количественные исследования Д. Маршалла. Его исследования посвящены институциональным факторам стратегий лоббистских групп в Европейском парламенте и форматам взаимодействий представителей лобби и экспертных сообществ с депутатами ЕП (Marshall, 2010; Marshall, 2012; Marshall, 2015). Используя данные опросных техник в сочетании с анализом правовой документации, Д. Маршалл показывает, что в 2006–2010 гг. комитеты Европейского парламента активно, но в то же время довольно скрытно, используют информацию, полученную во взаимодействии как с профильными экспертами из Европейской комиссии, так и с независимыми экспертами и представителями лоббистских групп (Marshall, 2012).

Таким образом, очевидно, что исследовательский интерес в предметном поле европейского лоббизма сконцентрирован, прежде всего, на экономических группах интересов. Стоит отметить, что помимо доминирующих в пространстве европейского лоббизма экономических лобби, существуют также и другие группы интересов, к числу которых можно отнести и регионалистские лоббистские организации, представляющие интересы конкретных европейских регионов и нередко ассоциированных с региональными властными органами. Исследования подобных кейсов регионалистских лоббистских групп немногочисленны, что подчеркивает исследовательский интерес к данной проблематике и её актуальность. Настоящая статья нацелена на рассмотрение предмета и структуры регионалистских лоббистских групп в институтах Европейского союза.

Лоббистские группы в настоящей статье понимаются как организации и отдельные персоны, которые занимаются лоббистской деятельностью в институтах Европейского союза (прежде всего, в Европейской комиссии и Европейском парламенте). Согласно официальным документам Европейского союза понятия «лоббизм» и «представительство интересов» практически тождественны и означают любую *«формальную и неформальную деятельность организации, имеющую целью повлиять на формирование политики и процессы принятия политических решений в институтах Европейского союза»* (European Commission, 2006).

Регионалистское содержание лоббистских групп (и, соответственно, их идентификация как регионалистских) рассматривается в русле методологических работ Э.Мазетти, А.Шэкеля, М.Роземы, Р.Таагаперы (Masseti, Schakel, 2016; Rosema, 2006; Taagepera, 2007). Регионализм в данной статье понимается как субнациональный регионализм, регионалистское движение, которое стремится к политическому конституированию региона, обретению им политической субъектности и включению его в политический процесс (Панов, 2020). В целом он трактуется как политический курс или политическая стратегия региональных акторов, направленный на артикуляцию требований регионального сообщества. Идентификация регионалистских лоббистских групп основана на фиксации регионального уровня интересов группы и заявленных групповых целей, данные по которым содержатся в регистре Transparency Register (параметр «level of interest» и параметр «goals/remit», соответственно). Хотя подобная методика идентификации лоббистских групп как регионалистских содержит ограничения формального характера, она является, на взгляд автора, наиболее конвенциональной в рамках текущего этапа исследований представленного предмета.

Регионалистские лоббистские организации в Европейском союзе: структурирование пространства

В качестве основного источника в настоящей статье используется база данных Transparency Register². Регистр был создан в 2011 г. в целях регулирования и контроля активности лоббистских групп и групп интересов в институтах ЕС и предполагает единую регистрацию (и Европейская комиссия, и Европейский парламент). Несмотря на некоторые содержательные ограничения, сегодня база данных Transparency Register предоставляет информацию по более чем двум десяткам параметров, включая важные содержательные характеристики (страна/регион, цели организации, интересы организации, административный уровень интереса, участие в инициативах ЕС и/или экспертных группах, финансовой отчетности и пр.).

² Transparency Register [Online]. Available at: <https://ec.europa.eu/transparencyregister/> (Accessed: March 20th, 2021).

Что более важно, Transparency Register в открытом доступе предоставляет информацию о наличии у организаций допуска к участию в переговорных процессах в комитетах и департаментах Европейского парламента и Европейской комиссии, что позволяет сформировать представление о их профессиональной вовлеченности (но не об активности). Схема получения подобного доступа предполагает годовую аккредитацию организации для получения по запросу допуска в структуры Европейского парламента или Европейской комиссии, которые подразумевает существенные возможности для формальной и неформальной коммуникации как с государственными служащими, так и с представителями других групп интересов.

Исследовательский интерес настоящей статьи сосредоточен на регионалистских лоббистских группах. По состоянию на март 2021 г. в Transparency Register официально зарегистрированы 567 организаций, репрезентирующие органы локальной и региональной власти (organisations representing local, regional and municipal authorities, other public or mixed entities), что составляет лишь 4.55% от общей доли лоббистских групп в институтах Европейского союза³. Помимо организаций, ассоциированных с властными институциями и их ассоциациями, в данную категорию также включают публичные организации, которые не могут быть отнесены к любой другой из категорий реестра в целом (280 организаций, подпадающих по категорию «Other public or mixed entities, created by law whose purpose is to act in the public interest»).

В «сухом остатке» представительство именно регионалистских акторов в лоббистском институциональном поле Европейского союза составляют 287 организаций: 112 лоббистских организаций, репрезентирующих региональные властные органы (regional structures); 95 – другие субнациональные (прежде всего, муниципальные) властные институции (other sub-national public authorities); 80 – межрегиональные сети и ассоциации регионов (transnational associations and networks of public regional or other sub-national authorities).

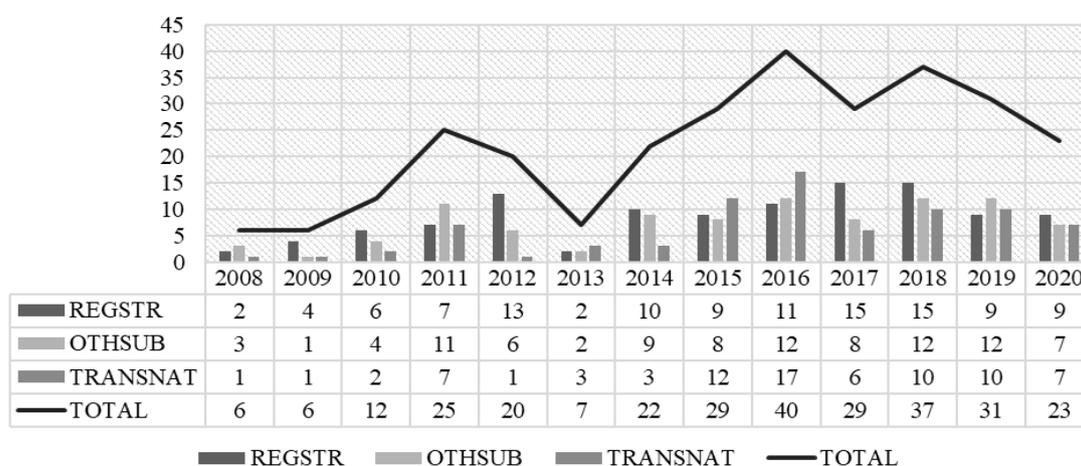

Рис. 1 Динамика институционализации регионалистских лоббистских групп в институтах Европейского союза

* Составлено автором по данным портала Transparency Register (<https://ec.europa.eu/transparencyregister/>)

** REGSTR (Regional Structures) - лоббистские организации, репрезентирующие региональные властные органы. OTHSUB (Other Sub-National Public Authorities) – лоббистские организации, репрезентирующие иные субнациональные властные институции. TRANSNAT (Transnational Associations and Networks of Public Regional or Other Sub-national Authorities) – лоббистские организации, репрезентирующие межрегиональные сети и ассоциации регионов.

Первичный анализ данных демонстрирует, что в динамике институционализации регионалистских лоббистских групп в институтах Европейского союза наблюдается определенные тренды: два периода роста представительства (2008–2012 и 2014–2018) и два следующих за ними периода количественного снижения представительства (2012–2013 и 2018–2020).

³ Transparency Register [Online]. Available at: <https://ec.europa.eu/transparencyregister/> (Accessed: August 20th, 2021).

Между тем, необходимо внести дополнительный критерий регионализма для обозначения выборочной совокупности регионалистских лоббистских групп, фиксируемый в соответствии с формальными целями лоббистских групп и их уровнем интереса (параметры «goals/remit» и «level of interest»). Данные, проиллюстрированные в диаграмме (рис.2), демонстрируют, что далеко не все из рассматриваемых лоббистских групп определяют в качестве уровня групповых интересов и целей региональный уровень. Что касается лоббистских организаций, репрезентирующих региональные властные органы (regional structures) и репрезентирующие иные субнациональные властные институты (other sub-national public authorities), то в их случае наблюдается уверенная ориентация на региональный уровень лоббистского интереса (89/112 и 70/95, соответственно). Напротив, что касается лоббистских организаций, репрезентирующих межрегиональные сети и ассоциации регионов (transnational associations and networks of public regional or other sub-national authorities), то их ориентация на региональный уровень определена не столь четко: 42/80 организации данной категории ориентированы, прежде всего, на иные административные уровни (национальный, европейский, глобальный).

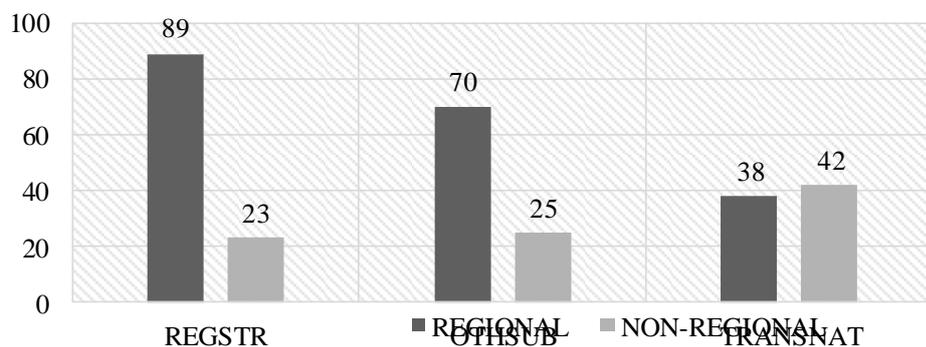

Рис. 2 Распределение региональных лоббистских групп по критерию наличия регионального уровня интереса

* Составлено автором по данным портала Transparency Register (<https://ec.europa.eu/transparencyregister/>)

** REGSTR (Regional Structures) – лоббистские организации, репрезентирующие региональные властные органы. OTHSUB (Other Sub-National Public Authorities) – лоббистские организации, репрезентирующие иные субнациональные властные институты. TRANSNAT (Transnational associations and networks of public regional or other sub-national authorities) – лоббистские организации, репрезентирующие межрегиональные сети и ассоциации регионов

При этом каждая лоббистская организация в праве ориентироваться в соответствии с собственными целями и интересами на несколько административных уровней, не ограничиваясь исключительно региональным уровнем (only regional level). Подобным образом среди регионалистских лоббистских групп наблюдается вариативность в выборе уровней лоббистских интересов, где региональный уровень может быть сопряжен с европейским и национальным уровнями. Регионалистские лоббистские группы, таким образом, склонны указывать уровень собственных интересов как исключительно региональный (only regional level): 46/89 среди организаций, представляющих интересы региональных властных органов; 35/70 среди организаций, представляющих интересы иных субнациональных властных институтов; 12/38 среди организаций, представляющих интересы межрегиональных сетей и ассоциаций регионов. Остальные регионалистские лоббистские группы, не идентифицирующие региональный уровень интересов как исключительный, склонны дополнительно указывать либо европейский уровень (European and regional levels), либо европейский и национальный уровни (European, national and regional levels). Иными словами, регионалистские лоббистские группы ориентированы, прежде всего, на региональный уровень, который может быть определен как исключительный, либо в совокупности с европейским (чаще) или европейским и национальным (реже) уровнями интересов (рис.3). Примечательно, что регионалистские лоббистские группы в данной контексте не склонны смешивать региональный уровень интересов отдельно с национальным уровнем. Подобная ситуация, вероятно, обусловлена тем, что национальный и региональный уровни интересов в рамках регионализма «соприкасаются» на традиционных аренах борьбы «центра-регионов» (региональные

ассамблеи и администрации, регионалистские партии, общенациональный политический процесс и пр.). Более того, комплексные конфигурации уровней интересов (европейский/ региональный или европейский/ национальный/ региональный) регионалистских лоббистских групп обусловлены принципами многоуровневого управления в пространстве Европейского союза.

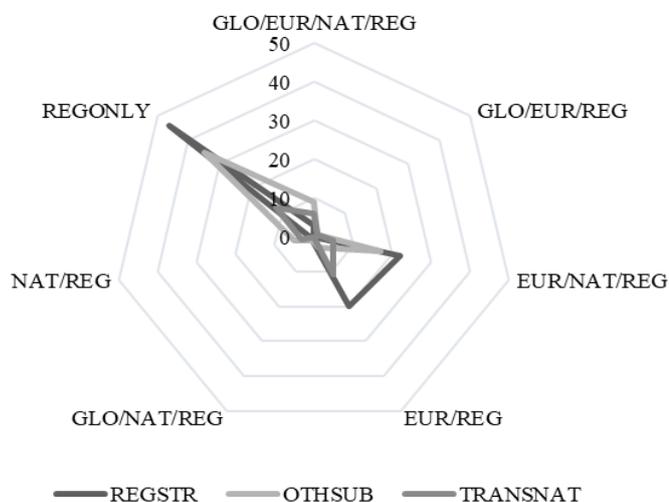

Рис. 3 Распределение региональных лоббистских групп: вариации регионального уровня интереса

* Составлено автором по данным портала Transparency Register (<https://ec.europa.eu/transparencyregister/>)

** REGSTR (Regional Structures) – лоббистские организации, репрезентирующие региональные властные органы. OTHSUB (Other Sub-National Public Authorities) – лоббистские организации, репрезентирующие иные субнациональные властные институты. TRANSNAT (Transnational associations and networks of public regional or other sub-national authorities) – лоббистские организации, репрезентирующие межрегиональные сети и ассоциации регионов

*** GLO/EUR/NAT/REG (Global/ European/ National/ Regional) – глобальный/ европейский/ национальный/ региональный уровни интересов лоббистских групп. GLO/EUR/REG (Global/ European/ Regional) – глобальный/ европейский / региональный уровни интересов лоббистских групп. EUR/NAT/REG (European/ National/ Regional) – европейский/ национальный/ региональный уровни интересов лоббистских групп. GLO/EUR/NAT/REG (European/Regional) – европейский / региональный уровни интересов лоббистских групп. GLO/NAT/REG (Global/ National/ Regional) – глобальный/ национальный/ региональный уровни интересов лоббистских групп. NAT/REG (National/ Regional) – национальный/ региональный уровни интересов лоббистских групп. REGONLY (Regional) – региональный уровень интересов лоббистских групп.

Такие параметры, как категория лоббистской группы (regional structures/ sub-national public authorities/ transnational associations and networks of regions) и уровень её интереса (level of interest) далеко не всегда соотносятся с фактической репрезентацией конкретного административного актора. Иными словами, если лоббистская организация ассоциирована с региональным властным институтом, это не означает абсолютной уверенности в том, что в рамках формальных правил Transparency Register такая лоббистская группа будет отнесена к категории Regional Structures (и наоборот). Таким образом, для того, чтобы понять какого конкретного институционального актора (а также какой административный уровень) репрезентируют лоббистские группы, необходимо обратиться к анализу их названий, целей и фактического местоположения такой группы. Подобный анализ был проведен на основании модифицированной базы данных Transparency Register и представлен в сводной таблице ниже.

**Регионалистские лоббистские группы:
национальные государства/ административные уровни**

	Country	Municipality	Region	Association	National	Total
	Austria	0	0	0	2	2
	Belgium	0	9	10	5	24
	Bulgaria	0	0	1	0	1
	Croatia	0	1	1	0	2
	Cyprus	0	2	0	0	2
	Denmark	0	4	4	0	8
	Finland	2	4	2	1	9
	France	7	2	14	1	24
	Germany	6	6	4	3	19
0	Hungary	1	0	0	1	2
1	Ireland	1	0	0	0	1
2	Italy	2	5	1	4	12
3	Luxembourg	0	0	1	0	1
4	Netherlands	5	6	1	2	14
5	Norway	0	1	1	0	2
6	Poland	4	0	3	0	7
7	Portugal	1	2	0	2	5
8	Romania	0	2	0	0	2
9	Slovakia	0	2	0	0	2
0	Slovenia	1	0	1	0	2
1	Spain	3	11	2	4	20
2	Sweden	6	7	4	3	20
3	Switzerland	0	0	0	1	1
4	United Kingdom	0	4	1	4	9
	Non-Euro Courtiers	0	0	6	0	6
	Total	39	68	57	33	197

* Составлено автором по данным портала Transparency Register (<https://ec.europa.eu/transparenceregister/>)

** Municipality – лоббистские организации, репрезентирующие органы муниципальной/локальной власти; Region – лоббистские организации, репрезентирующие органы региональной власти; Association – лоббистские организации, репрезентирующие ассоциации регионов; National – лоббистские организации, репрезентирующие национальный центр государства.

Анализ данных позволяет выявить несколько закономерностей. Регионалистские лоббистские группы чаще всего представляют либо регионы (34.51%), либо ассоциации таковых (28.93%). Остальная часть регионалистских лоббистских организаций репрезентирует органы муниципальной / локальной власти (19.79%). Важно также отметить, что нередко национальные центры европейских государств также включаются в лоббистское поле в пространстве Европейского союза. Среди регионалистских лоббистских организаций доля групп, репрезентирующих интересы национального центра, составляет 16.75%.

В разрезе национальных государств следует отметить ведущую роль в регионалистском лоббистском поле институций Бельгии (12.18%); Франции (12.18%); Испании (10.15%); Швеции (10.15%); Германии (9.64%); Нидерландов (7.10%) и Италии (6.09%), что соотносится с географией европейского регионализма. Вместе с тем, бельгийские и французские регионалистские лоббистские организации чаще всего представляют ассоциации регионов, тогда как Испания, Швеция, Германия и Нидерланды представлены, преимущественно, институциями от муниципалитетов и регионов.

«Локомотивами» регионализма в разрезе лоббистских групп в институтах Европейского союза можно назвать испанские, шведские, германские и нидерландские муниципалитеты и регионы. Наиболее ярким и разнообразным выглядит представительство среди регионалистского лоббистского поля испанских регионов (Андалусия, Балеарские острова, Валенсия, Кастилия-Ла-Манча, Каталония, Риоха) и муниципалитетов (Барселона, Бельмонте-де-Миранда Астурия, Уэльва). Стоит отметить широкую представленность шведских регионов (Верmland, Вестерботтен, Вестра-Гёталанд, Евлеборг, Сконе, Эстергётланд) и муниципалитетов (Гётеборг, Карлстад, Мальмё), а также германских регионов (Баден-Вюртемберг, Бавария, Гессен, Северный Рейн-Вестфалия) и муниципалитетов (Берзенбрюк, Дрезден, Регенсбург, Ульм, Франкфурт-на-Майне, Штутгарт). При этом, наиболее представленным регионом среди регионалистских лоббистских организаций стал бельгийский регион Фландрия (9 лоббистских групп).

Безусловно, само наличие регионалистской институции в институциональной системе европейского лоббизма не говорит об эффективности её деятельности и даже о каком-либо потенциале влияния на процесс принятия политических решений. Количество официально зарегистрированных в качестве лоббистов лиц среди регионалистских лоббистских групп (197) составляет 1 006 сотрудников (в среднем исчислении 5.10 сотрудника на 1 организацию). Между тем, лишь 3.47% (35/1006) из них аккредитованы как сотрудники, имеющие официальное право и допуск физически присутствовать в стенах Европейской комиссии и Европейском парламенте. Абсолютное большинство (85.71%) аккредитованных лоббистов представляют ассоциации регионов, тогда как лоббистские организации, репрезентирующие интересы конкретных регионов и муниципалитетов, фактически выключены из политического процесса и составляют лишь формальное представительство в институтах ЕС. Более того, подавляющую часть организаций, имеющих аккредитованных лоббистов, составляют ассоциации, расположенные в национальных центрах Бельгии и Франции (91.6%). Примерами подобных ассоциаций являются: Assembly of European Regions; European Network of Cities and Regions for the Social Economy; Conference of Peripheral Maritime Regions; Conseil des Communes et Régions d'Europe; Stockholm Region Association for European Affairs.

Тем не менее, в арсенале регионалистских лоббистских организаций, репрезентирующих конкретные регионы и муниципалитеты стран Европы, наличествуют дополнительные инструменты: экспертные группы при Европейской комиссии (European Commission Expert Groups) и неофициальные экспертные группы при Европейском парламенте (European Parliament Intergroups and Unofficial Groupings). Среди экспертных групп при Европейском парламенте регионалистские лоббистские группы, репрезентирующие интересы регионов/муниципалитетов и ассоциаций регионов, представлены практически паритетно (54.16% против 45.84% соответственно). Однако, в рамках экспертных групп при Европейской комиссии (более влиятельном институте), среди регионалистских лоббистских групп наблюдается дисбаланс в сторону большей представленности организаций, защищающих интересы региональных ассоциаций (72.22%). При этом регионалистские лоббистские организации чаще всего участвуют в экспертных группах, занимающихся проработкой вариантов решений в области социальной и экологической политики, здравоохранения и медицины, сельского хозяйства и промышленности, тогда как комитеты по региональной политике остаются вне зоны доступа для регионалистских лоббистов.

Несмотря на то, что доступ регионалистских лоббистских организаций к институтам Европейского союза не тождественен реальному влиянию на них, по мнению П.Боуэна, взаимное влияние закономерно прослеживается (Bouwep, 2004). Тем не менее, региональные и муниципальные властные органы европейских стран при формальном присутствии в качестве лоббистских групп в институтах Европейского союза, фактически остаются неспособными влиять на процесс принятия политических решений на супранациональном уровне. Доминирующую позицию среди регионалистских лоббистских групп занимают организации, представляющие интересы, прежде всего, ассоциаций регионов (а не отдельных регионов и муниципалитетов). Среди них ключевую роль продолжают играть Ассамблея Европейских Регионов (Assembly of European Regions) и Совет Европейских Муниципалитетов и Регионов (Council of European Municipalities and Regions). Более того, Комитет регионов ЕС как влиятельный консультативный орган Европейского союза, объединяющий представителей властных органов регионального и локального уровня, также укрепляет установившийся [дис]баланс в пространстве европейского лоббизма между муниципалитетами/регионами и ассоциациями в пользу последних.

Подобная пространственная структура регионалистского лоббизма (доминирование ассоциаций при формальном плюрализме регионов/муниципалитетов) в институтах Европейского союза скорее удовлетворяет принципам «традиционной» элитарно-плюралистической модели, нежели более «современным» моделям некорпоративистского лоббизма или конъюнктурного плюрализма. Доминирование ассоциаций как главных регионалистских акторов в европейском лоббизме обусловлено административными удобствами опосредованной коммуникации, в которой ассоциации выступают медиаторами между региональным и европейским элементами многоуровневого управления. При этом роль медиатора отнюдь не исключает политическую субъектность самих ассоциаций и укрепление их позиций в качестве ведущих консультативных и экспертных акторов регионализма в институтах Европейского союза. И поскольку Европейская комиссия ориентирована на то, чтобы избранная политическая альтернатива (supply) вызвала верный отклик на запрос (demand) максимально широкой аудитории (в том числе в региональном и локальном измерениях), она заинтересована в получении полной и достоверной и в то же время краткой и обобщенной информации от регионов, которую в силах обработать и предоставить именно ассоциации и сети (Bouwep, 2002). Таким образом, предоставляемая лоббистами экспертная информация и консультативная помощь укрепляют легитимность принимаемых решений, которая, в свою очередь, является стимулом к кооперации с регионалистскими лоббистскими организациями со стороны институтов Европейского союза (Руденкова, 2015а: 72).

Представленный в статье дескриптивный анализ структуры регионалистского лоббизма в институтах Европейского союза представляет собой очередной шаг на исследовательском пути в данном направлении. Операционализация и измерение влияния потенциального и актуального влияния регионалистских лоббистских групп на процесс принятия политических решений, а также определение факторов их «лоббистской силы», являются методологическими и практическими вызовами к дальнейшим исследованиям европейского лоббизма.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00053 «Субнациональный регионализм и динамика многоуровневой политики (российские и европейские практики)») в Пермском федеральном исследовательском центре Уральского отделения РАН.

Список литературы / References

- Моисеева (Руденкова), Д. (2017) *Лоббизм в Европейском союзе: кризис легитимности*. Москва: ИМЭМО РАН. 120 с. [Moiseeva (Rudenkova), D. (2017) *Lobbyism in European Union: crisis of legitimacy* [Lobbyism v Evropejskom soyuze: krizis legitimosti]. Moscow, ИМЭМО. 120 p. (In Russ.)].
- Панов, П. В. (2020) 'Многоликий регионализм', *Вестник Пермского университета. Политология*, 4, сс. 102–115. [Panov, P. (2020) 'Many Faces of Regionalism' [Mnogolikij regionalism], *Vestnik Permskogo Universiteta. Politologiya*, 4, pp. 102–115. (In Russ.)].
- Перегудов, С. (2009) 'Лоббизм российского крупного бизнеса в Европейском союзе (макроуровень)', *Мировая экономика и международные отношения*, сс. 49–63. [Peregudov, S. (2009) 'Lobbyism of Rus-

- sian large business in European Union (macrolevel)' [Lobbizm rossijskogo krupnogo biznesa v Evropejskom soyuze (makrourovven')], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 9, pp. 49–63. (In Russ.).
- Руденкова, Д. (2015a) 'Лоббизм в институтах Европейского союза', *Международные процессы*, 1 (40), сс. 68–80. [Rudenkova, D. (2015a) 'Lobbyism in European Union institutes' [Lobbizm v institutah Evropejskogo soyuza], *Mezhdunarodnye processy*, 1(40), pp. 68–80. (In Russ.).]
- Руденкова, Д. (2015b) 'Регулирование лоббизма в Европейском союзе: история и перспективы', *Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика*, 1, сс. 152–176. [Rudenkova, D. (2015b) 'Regulation of lobbyism in European Union: history and perspectives' [Regulirovanie lobbizma v Evropejskom soyuze: istoriya i perspektivy], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*, 1, pp. 152–176. (In Russ.).]
- Стрежнева, М. (2009) 'Структурирование политического пространства в Европейском Союзе', *Мировая экономика и международные отношения*, 12, сс. 38–49. [Strezhneva, M. (2009) 'Structuring of Political Space in European Union' [Strukturirovanie politicheskogo prostranstva v Evropejskom Soyuze], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 12, pp. 38–49. (In Russ.).]
- Шохин, А., Королев, Е. (2008) *Взаимодействие бизнеса и власти в Европейском союзе*. Москва: Издательский дом ГУ ВШЭ, 158 с. [Shohin, A. & Korolev, E. (2008) *Interaction of business and authority in European Union* [Vzaimodejstvie biznesa i vlasti v Evropejskom soyuze]. Moscow, Izdatel'skij dom HSE. 158 p. (In Russ.).]
- Bennett, R. (1999) 'Business Routes of Influence in Brussels: Exploring the Choice of Direct Representation', *Political Studies*, vol. 47(2), pp. 240–257.
- Bouwen, P. (2002) 'Corporate Lobbying in the European Union: The Logic of Access', *Journal of European Public Policy*, 9, pp. 365–390.
- Bouwen, P. (2004) 'Exchanging Access Goods for Access: A Comparative Study of Business Lobbying in the European Union Institutions', *European Journal of Political Research*, vol. 43 (3), pp. 337–369.
- Bouwen, P. & McCown, M. (2007) 'Lobbying versus litigation: Political and legal strategies of interest representation in the European Union', *Journal of European Public Policy*, vol. 14(3), pp. 422–443.
- Bouwen, P. (2004) 'The logic of access to the European Parliament: Business lobbying in the committee on economic and monetary affairs', *Journal of Common Market Studies*, vol. 42(3), pp. 473–495.
- Burson-Marsteller, (2013) A guide to effective lobbying in Europe. URL: http://www.oursocialmedia.com/wpcontent/uploads/effective-lobbying_light_07102009.pdf (accessed: 20.11.2020).
- Busby, A. (2013) 'Normal parliament: Exploring the organization of everyday political life in an MEPs office', *Journal of Contemporary European Research*, vol. 9(1), pp. 94–115.
- Chalmers, A. (2011) 'Interests, influence and information: comparing the influence of interest groups in the European Union', *Journal of European Integration*, vol. 33, 4, pp. 471–486.
- Clive, S. (1993) *First World Interest Groups. A Comparative Perspective*. Westport: Greenwood Press. 269 p.
- Coen, D. (2007) 'Empirical and Theoretical Studies in EU Lobbying', *Journal of European Public Policy*, vol. 14, 3, pp. 333–345.
- Coen, D. & Katsaitis, A. (2013) 'Chameleon Pluralism in the EU: An Empirical Study of the European Commission Interest Group Density and Diversity across Policy Domains', *Journal of European Public Policy*, vol. 20 (8), pp. 1104–1119.
- Coen, D. & Katsaitis, A. (2019) 'Legislative efficiency and political inclusiveness: The effect of procedures on interest group mobilization in the European Parliament', *Journal of Legislative Studies*, vol. 25(2), pp. 278–294.
- Coen, D. & Richardson, J. (2009) *Lobbying the European Union: Institutions, Issues and Actors*. Oxford: Oxford University Press. 373 p.
- Eising, R. (2007) 'The Access of Business Interests to EU Institutions: Towards élite Pluralism?', *Journal of European Public Policy*, 14, pp. 384–403.
- European Commission. *Green Paper. European Transparency Initiative*. 03.05.2006, COM (2006) 194 final, May 03, 2006. URL:

- https://europa.eu/documents/comm/green_papers/pdf/com2006_194_en.pdf (accessed: 20.11.2020).
- Hooghe, L. & Marks, G. (2001) *Multi-level governance and European Integration*. Lanham, Maryland. 251 p.
- Judge, D. & Earnshaw, D. (2011) 'Relais actors and co-decision first reading agreements in the European Parliament: The case of the advanced therapies regulation', *Journal of European Public Policy*, vol. 18(1), pp. 53–71.
- Katzenstein, P. (1987) *Corporatism and Change: Austria, Switzerland and Politics of Industry*. Ithaca: Cornell University Press. 334 p.
- Kluver, H. (2013) 'Lobbying as a collective enterprise: winners and losers of policy formulation in the European Union', *Journal of European Public Policy*, 20 (1), pp. 59–76.
- Marshall, D. (2010) 'Who to lobby and when: Institutional determinants of interest group strategies in European Parliament committees', *European Union Politics*, vol. 11(4), pp. 553–575.
- Marshall, D. (2012) 'Do rapporteurs receive independent expert policy advice? Indirect lobbying via the European Parliament's committee secretariat', *Journal of European Public Policy*, vol. 19(9), pp. 1377–1395.
- Marshall, D. (2015) 'Explaining interest group interactions with party group members in the European Parliament: Dominant party Groups and Coalition Formation', *Journal of Common Market Studies*, vol. 53, issue 2, pp. 311–329.
- Massetti, E. & Schakel, A. (2016) 'Between autonomy and secession: decentralization and regionalist party ideological radicalism', *Party Politics*, vol. 22, pp. 59–79.
- Rosema, M. (2006) 'Partisanship, Candidate Evaluations, and Prospective Voting', *Electoral Studies*, 25, pp. 467–488.
- Taagepera, R. (2007) *Predicting Party Sizes: The Logic of Simple Electoral Systems*. New York, Oxford University Press. 320 p.
- Weir, S. & Beetham, D. (1999) *Political power and democratic control in Britain: democratic audit of the United Kingdom*. London: Routledge. 560 p.
- Van Schendelen, R. (2002) *Machiavalli in Brussels. The Art of Lobbying the EU*. Amsterdam, 300 p.

Статья поступила в редакцию: 10.09.2021

Статья принята к печати: 15.10.2021

REGIONALIST LOBBYISM IN EUROPEAN UNION INSTITUTION

M. V. Grabevnik

M. V. Grabevnik, Junior Research Fellow,
Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: m.grabevnik@gmail.com (ORCID: 0000-0002-3321-7519. ResearcherID: G-5572-2018).

Abstract

The research subject is the representation of regionalist lobbying organizations in the European Union institutions. Based on the analysis of the Transparency Register Data author characterizes the structure of regionalist lobby in the institutions of the European Union. The analysis demonstrates that the regional and municipal authorities of European countries, with their formal status as lobbying groups in the institutions of the European Union, actually remain incapable of influencing the political decision-making process at the supranational level, while the dominant position among the regionalist lobbying groups is occupied by organizations representing of associations of regions. The dominance of associations as the main regionalist actors in European lobbying is due to the administrative conveniences of mediated communication, in which associations act as mediators between regional and European elements of multilevel governance.

Keywords: regionalism; European Union; lobbying; groups of interest; multilevel governance.

Acknowledgements: The reported study was supported by the Russian Science Foundation under Grant №19-18-00053 "Subnational Regionalism and Dynamics of Multi-Level Politics (Russian and European Practices)", Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

УДК-324:352(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2021-4-75-87

ДОРОГИЕ МОСКВИЧИ: КАЧЕСТВЕННЫЙ СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГОЛОСОВАНИЯ ЗА ОППОЗИЦИЮ НА МУНИЦИПАЛЬНЫХ ВЫБОРАХ В МОСКВЕ В 2017 ГОДУ

В. Д. Бедерсон

Бедерсон Всеволод Дмитриевич, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет, научный сотрудник,

Центр сравнительных исторических и политических исследований ПГНИУ.

E-mail: vsbederson@gmail.com (ORCID: 0000-0002-8532-0032. ResearcherID: P-6817-2017).

Аннотация

Исследуются особенности голосования за оппозицию на муниципальных выборах в Москве в 2017 г. через логику социально-психологической модели. Автор рассматривает социальные характеристики граждан и соседских/районных сообществ в качестве условий, связанных с большей поддержкой оппозиции на местных выборах в 30 московских районах / муниципальных округах. В качестве таких условий принимаются: плотность коммуникаций, уровень обобщенного доверия, организаторский опыт, а также средняя стоимость недвижимости в районе. Методом анализа в статье выступает множественный качественный сравнительный анализ (multi-values QCA), который позволяет установить необходимые условия, связанные с большей представленностью оппозиции в муниципальных советах. Результаты анализа частично подтверждают теоретические ожидания: плотность коммуникации внутри сообщества является необходимым условием для более высокой поддержки оппозиции на местных выборах. Однако уровень обобщенного доверия и организаторский опыт – не обладают достаточной необходимостью. Классовая характеристика в виде стоимости жилья также является необходимым условием для поддержки оппозиции на выборах.

Ключевые слова: выборы; голосование; Москва; оппозиция; качественный сравнительный анализ.

Введение и постановка проблемы

Муниципальные выборы в Москве в 2017 г. вызвали неожиданный для этого уровня выборов интерес (Бекбулатова, 2017). Это связано со сравнительно неожиданными результатами: сокращением представительства депутатов от “Единой России” и парламентских партий (КПРФ, ЛДПР, СР), а также значительным увеличением представительства депутатов от “Яблока”. Выборы прошли почти во всех районах Москвы и было разыграно 1 500 депутатских мандатов в муниципальных образованиях. По результатам этих выборов партия власти оставила за собой 1 153 депутата, большие потери понесли КПРФ (минус 159 мест), Справедливая Россия (минус 114 мест) и ЛДПР (минус 21 место). Большой прирост в депутатах по итогам московских выборов 2017 г. приобрела партия “Яблоко” (плюс 152 мандата), чьей избирательной кампанией занимались политики Дмитрий Гудков и Максим Кац.

Исследования, которые бы оценивали и изучали московские муниципальные выборы 2017 г., делали это преимущественно с политико-технологических позиций (Голубева, Рязяпов, 2017; Амиантов и др., 2017; Ежов, 2017), затрагивая институциональные аспекты муниципальных выборов внутри города-региона и отдельные причины провалов и успехов участников электорального процесса. Попытка объяснить особенности московских выборов 2017 г. в контексте координации оппозиции и политической мобилизации в авторитарном контексте предпринималась Я. Гороховской. Исследователь сравнила оппозиционные кампании в Москве в 2012 и в 2017 гг. и пришла к выводу о канализации участников протестной мобилизации 2011–2012 гг. в политические формы участия, а также о

профессионализации несистемной оппозиции в проведении избирательных кампаний (Gorokhovskaia, 2019).

Имеющиеся исследования совсем не затрагивают характеристик избирателей, которые голосовали за партию власти или оппозицию. При том, что Москва представляет собой отличный эмпирический случай: районные сообщества преимущественно устойчивы и поддерживаются на близости жителей с точки зрения их социально-экономического профиля, при этом районы между собой различны и дифференцированы (Ноздрина 2006; Махрова, Голубчиков 2012; Kashnitsky, Gunko 2016). Это может иметь смысл, потому что избираемые органы – муниципальные советы – могут стать индикатором, отражающим политические предпочтения различных социальных групп и районных/соседских сообществ Москвы. Сюда же стоит добавить, что Москва также представляет материал с выраженной районной вариацией в голосовании: известно, что центральные районы, районы Северо-Запада и Юго-Запада более протестные и оппозиционные, а южные и восточные районы, скорее, поддерживают “Единую Россию”. Все это в совокупности представляет интересный и доступный материал для исследования. В этой статье автор старается ответить на вопрос, как социальные характеристики жителей районов Москвы связаны с поддержкой оппозиции на муниципальных выборах 2017 г.

Исследования голосования в современной России выполняются преимущественно в рамках теории экономического голосования, где центральными объяснительными факторами электоральных предпочтений россиян являются социально-экономические характеристики (Zavadskaya, Shilov, 2021; Golosov, 2018; Щербак и др., 2017; Туровский, Гайворонский, 2017; Щербак и др., 2013; Tucker et al., 2006; Frye, 2006; Richter, 2006; Щербак, 2005; Treisman, Gimpelson, 2001). Обобщенно из этого массива исследований можно заключить, что современным российским избирателям свойственно экономическое голосование: наказание или поощрение политических сил за проводимые политические курсы в различных отраслях, хотя социально-экономическое положение не всегда линейно связано с голосованием за партию власти или оппозицию.

Реже электоральные предпочтения россиян оцениваются через логику социологической или социально-психологической теорий голосования. Это, очевидно, связано с отсутствием институционализированной партийной системы в постсоветской России и сложностью социальной стратификации по традиционным классовым характеристикам. На этом фоне особенно ценной кажется исследовательская программа Ю. Коргунюка, который в рамках теории социальных расколов анализирует российские выборы (Коргунюк, 2009; Коргунюк, 2014). Автор показывает, что несмотря на искусственность и управляемость партийной системы, электоральные предпочтения избирателей отражают социально-политические расколы внутри российского общества: от раскола по отношению к реформам в 1990-е и начале 2000-х гг. до отношения к политическому режиму в 2010-е гг. (Коргунюк, 2011; Коргунюк, 2016). Социально-психологические или ценностные факторы также обнаруживаются в электоральном поведении российских избирателей. С. Коулман установил устойчивые конформистские паттерны (Coleman, 2018) в голосовании на думских выборах. М. Алексеев показал, что мобильность населения и изменения в пропорциях расселения этнических групп могут отражаться в голосовании за партии с ксенофобной повесткой (Alexseev, 2006). Исследования указывают также на роль религиозности в электоральном поведении россиян (Ухватова, 2017; Щербак, Ухватова, 2018).

Все эти исследования касаются федеральных или региональных выборов и не касаются местного уровня, хотя вслед за логикой Коргунюка можно ожидать, что режимный раскол будет отражаться и на выборах местных органов власти. Но более важным является то, что на местном уровне мы можем эмпирически выхватить социальные характеристики граждан и сообществ в контексте их электорального поведения в ходе муниципальных выборов 2017 г.

Теоретические ожидания и постановка переменных

Общая идея заключается в том, чтобы установить социальные характеристики, которые связаны с большей или меньшей поддержкой оппозиции на местных выборах в Москве. Исследования уже показывали, что социальный капитал в России связан с поддержкой практик гражданского и политического участия, а также запросом на более респонсивное взаимодействие общества и власти (Shagalov, Rubin, 2019; Polishchuk, Menyashev, 2018; Borisova et al., 2014; Polishchuk et al., 2010; Marsh 2000; Marsh 2002). На этом основании я полагаю, что социальные характеристики, связанные с доверием и плотностью коммуникаций внутри соседского / районного сообщества, будут конвертироваться в большую поддержку оппозиции на местных выборах. В этом представлении голосование за

оппозицию – не идеологическое или программное, а, скорее, отражение раскола в отношении политического режима, но также и реализация социальных характеристик и практик граждан и сообщества в институциональной политической плоскости. Я ожидаю, что более высокая поддержка оппозиции на местных выборах будет связана с плотностью коммуникаций внутри соседского/районного сообщества, с уровнем обобщенного доверия и организаторским опытом граждан.

Полагаю, что плотность коммуникаций отражает состояние сообщества, в котором издержки на передачу информации низки, а циркулирование информации высокое и не сдерживается сильными (парохиальными) социальными связями. Плотность коммуникаций также может говорить о потенциале для более эффективной координации по поводу коллективных действий сообщества и/или решения собственных конфликтов и проблем. Я ожидаю, что более плотные коммуникации в сообществе должны быть связаны с более высоким голосованием за оппозицию.

Уровень доверия является фундаментальной характеристикой для выражения сообществом нелоялистского политического поведения. Исследователи выделяют межперсональное и обобщенное доверие, которые свидетельствуют о состоянии социальных контактов внутри сообщества, с одной стороны, и о базовой открытости сообщества и ориентированности его членов на ценности политического самовыражения – с другой. Я буду использовать доступные данные об обобщенном доверии и полагаю, что больший уровень доверия среди членов соседского/районного сообщества должен быть связан с более высокой поддержкой оппозиции.

Организаторский опыт, то есть активность гражданина по организации своих соседей для коллективных действий, я рассматриваю как индикатор гражданских навыков самоорганизации. Самоорганизация и включенность в гражданские ассоциации традиционно рассматриваются как факторы более развитой гражданской культуры и высокого социального капитала сообщества (Патнэм, 1996; Putnam 2000; Sampson et al., 2005). В таком ракурсе я полагаю, что организаторский опыт может свидетельствовать о более развитых практиках объединения горожан, привычности коллективных действий для них и, следовательно, потенциале для более высокой поддержки оппозиции на местных выборах.

В качестве дополнительного объяснения я использую переменную – стоимость жилой недвижимости в районе. Исследования неоднократно показывали уровня активизма и владением собственной недвижимостью в постсоветском контексте (Gerber, Zavisca, 2018), а также на наличие связи между политическим поведением москвичей и программой преобразования территорий и строительных фондов как, например, реновация (Smyth, 2018). В этой логике я ожидаю, что уровень стоимости жилья будет связан с более высокой поддержкой оппозиции. Стоимость жилья может считаться маркером социального-экономического (классового) статуса, нежели социально-психологические характеристики, и быть, таким образом, элементом объяснительной схемы социологической модели голосования. Но я добавляю эту переменную в качестве дополнительной проверки моей исследовательской логики, а также уточнения роли социально-экономического статуса в политическом поведении граждан Москвы.

Данные и метод

Мои наблюдения – это 30 районов Москвы, составленные по принципам репрезентативности для проведения социологического опроса в рамках моего проекта. В выборке находятся районы из всех административных округов Москвы, кроме Новой Москвы.

Для операционализации плотности коммуникаций, уровня доверия и организаторского опыта я использую данные проекта “Механика Москвы” (Механика, 2015). “Механика Москвы” – это масштабный опросный исследовательский проект, реализованный Московским институтом социально-культурных программ в 2013–2015 гг. Проект представлял собой несколько волн репрезентативных социологических опросов в 146 районах/муниципалитетах Москвы. Объем выборки каждого опросного этапа составлял более 12 тысяч респондентов. Размер выборки в каждом районе – “от 80 до 120 чел. в зависимости от численности населения и площади муниципального округа. Опрос проводился методом телефонных интервью” (Механика, 2015). Респонденты были квотированны по полу и возрасту.

Из открытых материалов “Механики Москвы” использую следующие данные:

- из блока “Безопасность” вопрос “Что из перечисленного лучше всего характеризует Ваши отношения с соседями по дому?” и ответ на него “Есть люди, с которыми могу остановиться и поговорить при встрече”. Долю ответивших так в разрезе по районам я использую как операционали-

зацию к плотности коммуникаций в соседском/районном сообществе: чем больше людей готовы остановиться и поговорить при встрече с соседями, тем выше уровень коммуникаций в сообществе и наоборот;

- из блока “Безопасность” вопрос “Насколько Вы опасаетесь столкнуться на территории Вашего района со следующими действиями?” и ответ на него “Агрессия со стороны мигрантов”. Долю ответивших таким образом в разрезе по районам использую как операционализацию к уровню обобщенного доверия: чем больше людей опасаются агрессии со стороны мигрантов, тем ниже уровень обобщенного доверия в соседском/районном сообществе и наоборот;

- из блока “Благоустройство” вопрос “Что из перечисленного Вы делали для своего дома, подъезда за последний год?” и ответ на него “Брали на себя вопросы организации соседей по вопросам благоустройства”. Долю ответивших таким образом в разрезе по районам использую как операционализацию к организаторскому опыту: чем больше людей брали на себя вопросы по организации соседей, тем больше в сообществе организаторского опыта среди его представителей и наоборот.

Стоимость жилья в районах операционализирую по данным официальной статистики Мосстата на 2020 г. Наконец, зависимая переменная – это голосования за оппозицию на муниципальных выборах в 2017 г. Использую данные результатов голосования и составов муниципальных советов. Сама переменная представляет собой долю депутатов в муниципальном совете от “Яблока” и КПРФ. Я отказался от учета здесь депутатов от ЛДПР, Справедливой России и ПАРНАС ввиду их незначительной численности в муниципальных советах выбранных районов (0 депутатов у ЛДПР и по 1 депутату у двух других), а также не брал в расчет депутатов-самовыдвиженцев, поскольку отнесение их к оппозиции требует детального персонального изучения: часть самовыдвиженцев в Москве – это административные кандидаты мэрии (Tkacheva, Turchenko, 2021), всего в моих данных самовыдвиженцев – 15 депутатов по всем выбранным 30 районам.

В качестве метода я использую качественный сравнительный анализ, или QCA, точнее, т.н. множественный QCA (multi-values QCA). Метод QCA применяется для анализа малых и средних выборок, основывается на принципах булевой алгебры (алгебры логики) и позволяет формализовать сравнительную модель даже в тех случаях, когда количество наблюдаемых единиц недостаточно для количественного дизайна (Rihoux, 2006; Rihoux, Ragin, 2008; Duşa, 2018). Множественный QCA предполагает, что переменная может принимать не только дихотомическое значение как в QCA с фиксированными множествами (crisp-set QCA), но категориальное значение. Для применения выбранного метода переменные (условия и исход) были калиброваны на основе кластерного анализа, и им были присвоены логические значения {0; 1; 2}. Анализ производился с помощью пакета QCA (Duşa, 2018) в программной среде R.

Таким образом, формальная логика данного исследования принимает следующий вид:

- условие “плотность коммуникаций”: для краткости – “комм”, условие приобретает одно из логических значений {0; 1; 2};
- условие “недоверие”. Здесь необходимо обратить внимание, что я использую переменную в такой форме по причине содержания данных, на которых она основывается. Вопрос “Механики Москвы” касается опасливого отношения к мигрантам, то есть фактически речь идет об уровне недоверия. Меня же интересует доверие и поэтому в отношении этой переменной логика в анализе будет «перевернутой»: чем ниже недоверие в пределах {0; 1; 2}, тем выше доверие, и наоборот. Для краткости – “недов”;
- условие “организаторский опыт”: для краткости – “оргопыт”, условие приобретает одно из логических значений {0; 1; 2};
- условие “стоимость недвижимости”: для краткости – “недвиж”, условие приобретает одно из логических значений {0; 1; 2};
- исход “доля оппозиции в муниципальном совете”: для краткости – “опп”, условие приобретает одно из логических значений {0; 1; 2};

Список выбранных районов и данные по переменным, а также параметры калибровки представлены в приложениях (см. Приложения).

Эмпирический анализ

Первоочередным образом моделируем таблицу истинности по условиям и исходам.

Таблица истинности

Условия				Исход	Кол-во случаев	Уровень инклюзивности	PRI	Случай (районы/ муниципальные округа)
комм	не-дов	орг-опыт	не-движ					
0	0	1	0	0	1	0.000	0.500	Митино
1	0	0	0	0	1	0.000	0.500	Северный
1	0	1	0	0	2	0.000	0.333	Бабушкинский, Косино-Ухтомский
1	1	0	1	1	1	1.000	1.000	Филевский парк
1	1	1	0	0	3	0.000	0.250	Выхино-Жулебино, Южное Бутово, Орехово-Борисово Южное
1	1	1	1	1	1	1.000	1.000	Марьино
1	1	1	2	0	2	0.500	0.667	Басманный, Таганский
1	1	2	0	0	2	0.000	0.333	Западное Дегунино, Соколиная гора
1	2	0	0	0	1	1.000	0.500	Гольяново
1	2	1	0	0	4	0.000	0.200	Люблино, Чертаново Центральное, Крюково, Бескудниково
1	2	1	1	1	1	1.000	1.000	Тимирязевский
1	2	2	0	0	1	0.000	0.500	Печатники
2	0	1	0	0	1	0.000	0.500	Перово
2	0	1	1	0	1	0.000	0.500	Нагатинский Затон
2	0	1	2	1	1	1.000	1.000	Раменки
2	0	2	1	2	1	1.000	1.000	Гагаринский
2	1	0	1	1	2	1.000	1.000	Щукино ¹ , Можайский
2	1	1	1	0	3	0.333	0.500	Строгино, Обручевский, Донской
2	2	1	0	0	1	0.000	0.500	Бирюлево Восточное

Примечание. Расчеты автора.

¹ В Щукино выборы в муниципальный совет традиционного проводятся раньше всех других районов на год. Соответственно в отношении Щукино приведены результаты выборов не 2017 г., а 2016 г.

Анализ таблицы истинности показывает, что случаев с хотя бы минимально положительным исходом ($опп \geq 1$) обнаружено 7 из 30 (это 23%). Среди случаев с положительным исходом – 6 комбинаций условий. Среди положительных случаев только один имеет наиболее положительный исход ($опп = 2$) – это Гагаринский район, его комбинацию условий обсудим отдельно далее.

Следует уточнить параметры необходимости включенных в модель условий. Для этого я использую анализ по функции *superSubset*, которая анализирует все возможные отношения необходимости для индивидуальных условий или комбинации условий, а также все возможные дизъюнкции условий, которые необходимы для исхода. В таблице 2 представлены результаты этого анализа.

Таблица 2

Анализ отношений необходимости условий или комбинации условий

Условия или комбинация условий	Порог ин- клюдии (inclN)	Релевантность необходимости (RoN)	Покрывтие (covN)
оргопыт[1] ИЛИ недвиж[1]	0.900	0.238	0.360
комм[2] ИЛИ недовер[1] ИЛИ оргопыт[1]	0.900	0.143	0.333
комм[1] ИЛИ недовер[0] ИЛИ недвиж[1]	0.900	0.048	0.310
комм[2] ИЛИ недовер[1] ИЛИ недвиж[1]	0.900	0.476	0.450
комм[1] ИЛИ недовер[1] ИЛИ оргопыт[2] ИЛИ недвиж[2]	0.900	0.190	0.346

Примечание. Расчеты автора.

Мы видим, что плотность коммуникаций и стоимость недвижимости можно считать необходимыми, но недостаточными условиями для минимально высокого голосования за оппозицию (доли КПРФ и “Яблока” в муниципальных советах) в Москве. Эти условия присутствуют почти во всех во всех высоко инклюзивных комбинациях. С доверием и недоверием получается менее однозначно: условие присутствует в большинстве высоко инклюзивных комбинаций, но включая и положительный, и негативный варианты. В самой релевантной комбинации (0.476) для положительного исхода (т.е. представленность оппозиции в муниципальных советах в пределах {1; 2}) присутствует значение недоверия [0], что в переложении на логику исследования указывает на высокий уровень доверия. Однако в других комбинациях уровень доверия вряд ли можно назвать высоким для положительного исхода – мы видимо значение недоверия [1].

Наконец, мы можем завершить анализ, проведя процедуру минимизации по таблице истинности, чтобы обнаружить наиболее релевантные комбинации условий, ведущие к положительному исходу. Результаты представлены в табл. 3.

Комбинация условий для исходов

Комбинация условий	Порог инклюзии (inclS)	PRI	Достаточность покрытия (covS)	Случай
комм[1] И недов[1] И оргопыт[0] И недвиж[1]	1.000	1.00 0	0.125	Филевский парк
комм[1] И недов[1] И оргопыт[1] И недвиж[1]	1.000	1.00 0	0.125	Марьино Роща
комм[2] И недов[1] И оргопыт[0] И недвиж[1]	1.000	1.00 0	0.250	Щукино, Можайский
комм[2] И недов[0] И оргопыт[1] И недвиж[2]	1.000	1.00 0	0.125	Раменки
комм[1] И недов[2] И оргопыт[1] И недвиж[1]	1.000	1.00 0	0.125	Тимирязевский
<i>Модель 1 (onp = 1)</i>	<i>1.000</i>	<i>1.00 0</i>	<i>0.750</i>	
комм[2] И недов[0] И оргопыт[2] И недвиж[1]	1.000	1.00 0	1.000	Гагаринский
<i>Модель 2 (onp = 2)</i>	<i>1.000</i>	<i>1.00 0</i>	<i>1.000</i>	

Примечание. Расчеты автора.

Результаты анализа комбинации условий подтверждают, что плотность коммуникаций является необходимым условием для более высокой поддержки оппозиции в муниципалитетах Москвы. Это условие стабильно присутствует в положительном варианте во всех комбинациях. То же самое можно сказать и про стоимость недвижимости – условие стабильно присутствует в положительном варианте во всех комбинациях. При этом между этими двумя условиями конъюнктивная связь, что, однако, по отдельности или вместе не делает их достаточными условиями. С уровнем доверия и организаторским опытом складывается более неоднозначная ситуация: условия присутствуют во всех комбинациях, но как в положительном, так и негативном вариантах.

Интересно, что высокий уровень доверия (недов = 0) присутствует только в одной комбинации из Модели 1, сочетаясь при этом с высокой плотностью коммуникаций, высокой стоимостью недвижимости и положительным, но невысоким уровнем организаторского опыта у жителей района. Во всех других комбинациях Модели 1 с положительным уровнем поддержки оппозиции в районе связан положительный вариант недоверия (или негативный вариант доверия). Здесь выделяется Тимирязевский муниципальный округ, где поддержка оппозиции его жителями связана с высоким уровнем недоверия, т.е. значительная доля респондентов опроса “Механики Москвы” выразили здесь свое недоверие к мигрантам.

Организаторский опыт также нельзя назвать необходимым условием. По распределению этого условия в комбинациях больше таких, где положительный вариант (оргопыт = 1) связан с голосованием за оппозицию, но по распределению по количеству случаев – поровну с положительным и негативным вариантом.

Следует отдельно выделить Гагаринский район и Модель 2 и подчеркнуть, что Гагаринский муниципальный совет депутатов – единственный пример в Москве, где партия власти полностью

проиграла в 2017 г. и подавляющее большинство имеет “Яблоко”. Поэтому в соответствии с выбранной калибровкой исход здесь принимает значение = 2. С самой высокой поддержкой оппозиции на выборах в 2017 г. в Гагаринском районе связана высокая плотность коммуникаций, высокий уровень доверия (недов = 0), высокий уровень организаторского опыта и средняя стоимость недвижимости (недвиж = 1). Гагаринский район, таким образом, выделяется еще по организаторскому опыту его жителей, который выше всех районов с положительным исходом. Такая уникальность Гагаринского округа, очевидно, требует более детального и качественного изучения.

Заключение

Результаты анализа частично подтверждают теоретические ожидания: плотность коммуникации внутри сообщества является необходимым условием для более высокой поддержки оппозиции на местных выборах. Однако уровень обобщенного доверия и организаторский опыт – не обладают достаточной необходимостью, даже наоборот: в отдельных районах жители обладают низким доверием и организаторским опытом, но на муниципальных выборах поддерживают оппозицию. Классовая характеристика в виде стоимости жилья также является необходимым условием для поддержки оппозиции на выборах, что соотносится с предшествующими исследованиями политического поведения москвичей.

Полагаю, что проведенное исследование может встраиваться в научную литературу по электоральному поведению в современной России. Сам по себе политический расклад в составах муниципальных советов в Москве по результатам выборов 2017 г. соотносится с идеей о расколе российского общества по линии отношения к политическому режиму и запросом на представительство и политическое разнообразие. Результаты настоящего исследования добавляют к этой дискуссии дополнительные аргументы по поводу того, что этот раскол и запрос могут основываться на более фундаментальных социальных характеристиках российских граждан и сообществ: их коммуникационных компетенций и практик, уровня доверия и распространенности постматериалистических ценностей, опыта гражданского или общественного участия, связности внутри территориальных сообществ и др.

В конце необходимо отметить, что, очевидно, для более комплексного и детального понимания роли социальных характеристик в голосовании на муниципальном уровне в Москве требуется более широкое и количественное исследование, которое оценило бы эту роль по всем муниципальным округам столицы. А также в отдельных случаях, как, например, с Гагаринским и Тимирязевским районами, требуется глубокое качественное исследование для понимания отличности этих случаев от общей логики.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых - кандидатов наук (грант МК-328.2020.6). Автор выражает благодарность Вячеславу Логинову за помощь со сбором данных.

Список литературы / References

- Амиантов, А. А., Кисляков, Е. А., Соболев, А. В. (2017) `Муниципальный электоральный цикл в Москве 2017: новые вызовы`, *Вопросы политологии*, 2, сс. 14–21. [Amiantov, A. A., Kisljakov, E. A., Sobolev, A. V. (2017) `Municipal electoral cycle in Moscow 2017: new challenges` [Municipal'nyj jelektoral'nyj cikl v Moskve 2017: novye vyzovy], *Voprosy politologii*, 2, pp. 14–21. (In Russ.)].
- Бекбулатова, Т. (2017) `Успех «Объединенных демократов» и «Яблока» в Москве. Как им это удалось?`, *Meduza*. [электронное издание]. URL: <https://meduza.io/feature/2017/09/11/uspeh-ob-edinennyh-demokratov-i-yabloka-v-moskve-kak-im-eto-udalos> (Дата обращения: 12.09.2021). [Bebulatova, T. (2017) `Success of United Democrats and Yabloko in Moscow. How did they do it?` [Uspeh «Ob`edinennyh demokratov» i «Jabloka» v Moskve. Kak im jeto udalos?], *Meduza* [online]. Available at: URL: <https://meduza.io/feature/2017/09/11/uspeh-ob-edinennyh-demokratov-i-yabloka-v-moskve-kak-im-eto-udalos> (Accessed: 12th September 2017)].
- Голубева, М. С., Ряжапов, Н. Х. (2017) `Государство и гражданское общество:

- взгляд через призму муниципальных выборов в городе Москве», *Государственное регулирование общественных отношений*, 4, сс. 92–101. [Golubeva, M. S., Rjazhapov, N. H. (2017) `State and civil society: a view through the prism of municipal elections in the city of Moscow` [Gosudarstvo i grazhdanskoe obshhestvo: vzgljad cherez prizmu municipal'nyh vyborov v gorode Moskve], *GosReg: gosudarstvennoe regulirovanie obshhestvennyh otноshenij*, 4, pp. 92–101. (In Russ.)].
- Ежов, Д. А. (2017) `Стратегия молчания: подведение итогов (к анализу результатов муниципальных выборов в Москве)`, *Власть*, 10, сс. 167–169. [Ezhov, D. A. (2017) `The strategy of silence: summing up the results (to the analysis of the results of the municipal elections in Moscow)` [Strategija molchanija: podvedenie itogov (k analizu rezul'tatov municipal'nyh vyborov v Moskve)], *Vlast'*, 10, pp. 167–169. (In Russ.)].
- Коргунюк, Ю. Г. (2009) `Псевдодоминантная партийная система и предпочтения российских избирателей`, *Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз»*, 4, сс. 103–142. [Korgunjuk, Ju. G. (2009) `Pseudo-dominant party system and preferences of Russian voters` [Psevdodominantnaja partijnaja sistema i predpochtenija rossijskih izbiratelej], *Zhurnal politicheskoy filosofii i sociologii politiki «Politija. Analiz. Hronika. Prognoz»*, 4, pp. 103–142. (In Russ.)].
- Коргунюк, Ю. Г. (2011) `Электоральные размежевания и мотивы голосования`, *Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз»*, 2 (61), сс. 85–117. [Korgunjuk, Ju. G. (2011) `Electoral demarcations and vote motives` [Jelektoral'nye razmezhevanija i motivy golosovanija], *Zhurnal politicheskoy filosofii i sociologii politiki «Politija. Analiz. Hronika. Prognoz»*, 2 (61), pp. 85–117. (In Russ.)].
- Коргунюк, Ю. Г. (2014) `Региональная карта электоральных размежеваний по итогам выборов 2011 года`, *Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз»*, 3 (74), сс. 75–91. [Korgunjuk, Ju. G. (2014) `Regional map of electoral divisions following the 2011 elections` [Regional'naja karta jelektoral'nyh razmezhevanij po itogam vyborov 2011 goda], *Zhurnal politicheskoy filosofii i sociologii politiki «Politija. Analiz. Hronika. Prognoz»*, 3 (74), pp. 75–91. (In Russ.)].
- Коргунюк, Ю. Г. (2016) `Пространство политических размежеваний России накануне думских выборов 2016 г.`, *Коммуникология*, 4(4), сс. 137–147. [Korgunjuk, Ju. G. (2016) `The space of Russia's political demarcation on the eve of the 2016 Duma elections` [Prostranstvo politicheskikh razmezhevanij Rossii nakanune dumskih vyborov 2016 g.], *Kommunikologija*, 4(4), pp. 137–147. (In Russ.)].
- Махрова, А. Г., Голубчиков, О. Ю. (2012) `Российский город в условиях капитализма: социальная трансформация внутригородского пространства`, *Вестник Московского университета. Серия 5. География*, 2, сс. 26–31. [Mahrova, A. G., Golubchikov, O. Ju. (2012) `Russian city under capitalism: social transformation of intracity space` [Rossijskij gorod v uslovijah kapitalizma: social'naja transformacija vnutriгородского prostranstva], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 5. Geografija*, 2, pp. 26–31. (In Russ.)].
- Механика Москвы. Исследование городской среды. [Электронное издание]. URL: <http://data.miscp.ru/> (дата обращения: 14.09.2021). [Mechanics of Moscow. Urban environment research [Mehanika Moskvy. Issledovanie gorodskoj sredy] [online] Available at: <http://data.miscp.ru/> (Accessed: 10 September 2016)].
- Ноздрина, Н. Н. (2006) `Развитие и территориальная дифференциация рынка жилья в Москве`, *Проблемы прогнозирования*, 6, сс. 30–42. [Nozdrina, N. N. (2006) `Development and territorial differentiation of the housing market in Moscow` [Razvitie i territorial'naja differenciacija rynka zhil'ja v Moskve], *Problemy prognozirovanija*, 6, pp. 30–42. (In Russ.)].
- Патнэм, Р. (1996) *Чтобы демократия работала: Гражданские традиции в современной Италии*. Москва: Издательская фирма Ad Marginem. [Putnam, P. (1996) *Making Democracy Work: Civil Traditions in Modern Italy* [Chtoby demokratiya srabotala: Grazhdanskiye traditsii v

- sovre-mennoy Italii]. Moscow: Publishing company Ad Marginem (In Russ.).
- Туровский, Р. Ф., Гайворонский, Ю. О. (2017) 'Влияние экономики на электоральное поведение в России: работает ли «контракт» власти и общества?', *Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз»*, 3(86), сс. 42–61. [Turovskij, R. F., Gajvoronskij, Ju. O. (2017) 'The influence of the economy on electoral behavior in Russia: is the "contract" between the authorities and society working?' [Vlijanie jekonomiki na jelektoral'noe povedenie v Rossii: rabotaet li «kontrakt» vlasti i obshhestva?], *Zhurnal politicheskoy filosofii i sociologii politiki «Politija. Analiz. Hronika. Prognoz»*, 3(86), pp. 2–61. (In Russ.)].
- Ухватова, М. В. (2017) 'Религия и электоральное поведение в России: региональный аспект', *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, 4, сс. 26–48. [Uhvatoва, M. V. (2017) 'Religion and Electoral Behavior in Russia: Regional Aspect' [Religija i jelektoral'noe povedenie v Rossii: regional'nyj aspekt], *Vestnik Permskogo universiteta. Serija: Politologija*, 4, pp. 26–48 (In Russ.)].
- Щербак, А. Н. (2005) 'Экономический рост и итоги думских выборов 2003 г.', *Политическая наука*, 2, сс. 105–123. [Shherbak, A. N. (2005) 'Economic growth and results of the 2003 Duma elections' [Jekonomicheskij rost i itogi dumskih vyborov 2003 g.], *Politicheskaja nauka*, 2, pp. 105–123. (In Russ.)].
- Щербак, А. Н., Сенников, Е. В., Лисовский, Т. А. (2013) 'Экономическое голосование на выборах 2011-2012 годов', *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, 4, сс. 168–183. [Shherbak, A. N., Sennikov, E. V., Lisovskij, T. A. (2013) 'Economic voting in the 2011-2012 elections' [Jekonomicheskoe golosovanie na vyborah 2011-2012 godov], *Vestnik Permskogo universiteta. Serija: Politologija*, 4, pp. 168–183. (In Russ.)].
- Щербак, А. Н., Смирнова, Д. О., Озернова, Е. П., Лепешко и др. (2017) 'Холодильник vs. телевизор? Экономическое голосование на выборах в Государственную думу РФ 2016 г.', *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, 3, сс. 137–155. [Shherbak, A. N., Smirnova, D. O., Ozernova, E. P., Lepeshko, E. V., Kupka, A. P., Kalinin, A. N. (2017) 'Refrigerator vs. television? Economic voting in the elections to the State Duma of the Russian Federation in 2016' [Holodil'nik vs. televizor? Jekonomicheskoe golosovanie na vyborah v Gosudarstvennuju dumu RF 2016 g.], *Vestnik Permskogo universiteta. Serija: Politologija*, 3, pp. 137–155. (In Russ.)].
- Щербак, А. Н., Ухватова, М. В. (2018) 'От "красного пояса" – к "библейскому": исторические предпосылки сдвигов в политической географии России', *Общественные науки и современность*, 6, сс. 98–113. [Shherbak, A. N., Uhvatoва, M. V. (2018) 'From the "red belt" to the "biblical" one: the historical background of shifts in the political geography of Russia' [Ot "krasnogo pojasa" – k "biblejskomu": istoricheskie predposylki sdvigov v politicheskoy geografii Rossii], *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, 6, pp. 98–113. (In Russ.)].
- Alexseev, M. A. (2006) 'Ballot-box vigilantism? Ethnic population shifts and xenophobic voting in post-Soviet Russia', *Political Behavior*, 28(3), pp. 211–240.
- Borisova, E. I., Polishchuk, L., Peresetsky, A. (2014) 'Collective management of residential housing in Russia: The importance of being social', *Journal of Comparative Economics*, 42(3), pp. 609–629.
- Coleman, S. (2018) 'Voting and conformity: Russia, 1993–2016', *Mathematical Social Sciences*, 94, pp. 87–95.
- Duşa, A. (2018) *QCA with R: A comprehensive resource*. Springer.
- Gerber T., Zavisca J. (2018) *Civic Activism, Political Participation, and Homeownership in Four Post-Soviet Countries*. [online]. URL: <https://www.ponarseurasia.org/memo/civic-activism-political-participation-and-homeownership-four-post-soviet-countries> (Accessed: 10 December 2020).
- Golosov, G. V. (2018) 'Russia's centralized authoritarianism in the disguise of democratic federalism: Evidence from the September 2017 sub-national elections', *International Area Studies Review*, 21(3), pp. 231–248.
- Gorokhovskaia, Y. (2019) 'What it takes to win when the game is rigged: the evolution of opposition electoral strategies in Moscow, 2012–2017', *Democratization*, 26(6), pp. 975–992.

- Frye, T. (2006) `Ownership, voting, and job creation in Russia`, *European Journal of Political Economy*, 22(2), pp. 452–471.
- Kashnitsky, I., Gunko, M. (2016) `Spatial variation of in-migration to Moscow: testing the effect of the housing market`, *Cities*, 59, pp. 30–39.
- Marsh, C. (2000) `Social capital and democracy in Russia`, *Communist and post-communist studies*, 33(2), pp. 183–199.
- Marsh, C. (2002) `Social capital and grassroots democracy in Russia's regions: evidence from the 1999-2001 gubernatorial elections`, *Demokratizatsiya*, 10(1), pp. 19–36.
- Polishchuk, L., Borisova, E., Peresetsky, A. (2010) `Managing Common Property in Russian Cities: An Economic Analysis of Homeowners Associations`, *Voprosy ekonomiki*, 11.
- Polishchuk, L., Menyashv, R. (2018) Co-production, Civic Culture and Quality of Governance: Theory and Evidence from Russia. [online]. Available at: URL: <https://ostromworkshop.indiana.edu/pdf/seriespapers/2018fall-res/polishchuk-paper.pdf> (Accessed: 15 August 2021).
- Putnam, R. D. (2000) *Bowling alone: America's declining social capital*. In *Culture and politics*. Palgrave Macmillan, New York.
- Richter, K. (2006) `Wage arrears and economic voting in Russia`, *American Political Science Review*, 100(1), pp. 133–145.
- Rihoux, B. (2006) `Qualitative comparative analysis (QCA) and related systematic comparative methods: Recent advances and remaining challenges for social science research`, *International Sociology*, 21(5), pp. 679–706.
- Rihoux, B., Ragin, C. C. (2008) *Configurational comparative methods: Qualitative comparative analysis (QCA) and related techniques*. Sage Publications.
- Sampson, R. J., McAdam, D., MacIndoe, H., Weffer-Elizondo, S. (2005) `Civil society reconsidered: The durable nature and community structure of collective civic action`, *American journal of sociology*, 111(3), pp. 673–714.
- Shagalov, I. L., Rubin, A. Y. (2019) `Community self-governance: Prerequisites, functions, evaluation`, *Voprosy Ekonomiki*, 5, pp. 103–121.
- Smyth, R. (2018) How the Kremlin Is Using the Moscow Renovation Project to Reward and Punish Voters. PONARS Policy Memo. [online]. Available at: URL: <https://www.ponarseurasia.org/memo/kremlin-using-moscow-renovation-project-reward-punish-voters> (Accessed: 10 December 2020).
- Tkacheva, T., Turchenko, M. (2021) `Electoral Success of Independents under Authoritarianism: Evidence from Russia's Local Elections, 2014–2018`, *Problems of Post-Communism*, 1, pp. 1–12.
- Treisman, D., Gimpelson, V. (2001) `Political business cycles and Russian elections, or the manipulations of 'Chudar'`, *British journal of political science*, 31(2), pp. 225–246.
- Tucker, J. A., Tucker, J. L., Martin, R. A. (2006) *Regional Economic Voting: Russia, Poland, Hungary, Slovakia, and the Czech Republic, 1990–1999*. Cambridge University Press.
- Zavadskaya, M., Shilov, L. (2021) `Providing goods and/or votes? Quality of Local Governance in Russia in the Times of Federal Elections`, *Europe-Asia Studies*, 73, pp. 1037–1059.

Статья поступила в редакцию: 29.09.2021

Статья принята к печати: 18.10.2021

Первичные данные по муниципальным округам / районам и переменным

Муниципальный округ / район	Плотность коммуникации (есть люди, с которыми могу остановиться и поговорить при встрече)	Недоверие (агрессия со стороны мигрантов)	Организаторский опыт (брали на себя вопросы организации соседей по вопросам благоустройства)	Стоимость недвижимости	Доля оппозиции в составе муниципального совета (КПРФ + “Яблоко” / общее количество депутатов)
Гольяново	0,46	3,3	0,06	175479	0
Западное Дегунино	0,4	2,88	0,19	173316	0
Тимирязевский	0,4	3,25	0,1	221382	33
Бабушкинский	0,46	2,77	0,11	192036	0
Марьино	0,46	2,92	0,1	249774	50
Северный	0,46	2,58	0,04	167831	0
Митино	0,32	2,81	0,13	174221	8
Строгино	0,56	2,97	0,1	226123	7
Щукино	0,54	2,98	0,06	292773	50
Басманный	0,45	3	0,13	429737	33
Таганский	0,42	2,9	0,09	445415	13
Косино-Ухтомское	0,44	2,74	0,1	160997	0
Выхино-Жулебино	0,44	3,12	0,08	168633	0
Люблино	0,43	3,31	0,1	168706	0
Печатники	0,47	3,43	0,17	174181	7
Гагаринский	0,51	2,78	0,17	352288	100
Обручевский	0,48	2,92	0,11	277646	0
Южное Бутово	0,43	3,06	0,1	153153	0
Бирюлево Восточное	0,53	3,29	0,08	157401	0
Донской	0,49	2,95	0,12	307228	20
Нагатинский Затон	0,5	2,71	0,11	224828	0
Орехово-Борисово Южное	0,46	2,92	0,1	177618	0
Перово	0,5	2,66	0,09	180656	7
Чертаново Центральное	0,45	3,21	0,08	187698	0
Соколиная Гора	0,47	2,86	0,18	203153	0
Можайский	0,54	2,95	0,04	231606	20
Раменки	0,49	2,74	0,11	434873	50
Филевский парк	0,4	3	0,03	273560	30
Крюково	0,44	3,28	0,08	140135	0
Бескудниковский	0,43	3,22	0,09	195333	0

Источники: “Механика Москвы”, Мосстат, сайты муниципальных советов округов.

Пороговые значения для калибровки переменных под значения multi-values QCA

Переменные	Пороговые значения и логические значения
Плотность коммуникации	< 0.360 - {0} 0.360-0.475 - {1} > 0.475 - {2}
Недоверие	< 2.835- {0} 2.835-3.165 - {1} > 3.165 - {2}
Организаторский опыт	< 0.07- {0} 0.07-0.15 - {1} > 0.15 - {2}
Стоимость недвижимости	< 212267.5 - {0} 212267.5-391012.5 - {1} 391012.5 - {2}
Доля оппозиции	< 16.5 - {0} 16.5-75.0 - {1} 75.0 - {2}

Примечание. Расчеты автора.

DEAR MUSCOVITES: A QUALITATIVE COMPARATIVE ANALYSIS OF VOTING FOR THE OPPOSITION IN THE MUNICIPAL ELECTIONS IN MOSCOW IN 2017

V. D. Bederson

V. D. Bederson, Candidate of Political Science, Researcher,
The Center for Comparative History and Politics,
Associate Professor,
Department of Political Science, Perm State University.
E-mail: vsbederson@gmail.com (ORCID 0000-0002-8532-0032. ResearcherID: P-6817-2017).

Abstract

The article is a study of the peculiarities of voting for the opposition in the municipal elections in Moscow in 2017 through the logic of the socio-psychological voting model. The author considers the social characteristics of citizens and neighboring / district communities as conditions associated with greater support for the opposition in local elections in 30 Moscow districts. The density of communications, the level of generalized trust, organizational experience, as well as the average cost of real estate in the area are taken as such conditions. The method of analysis in the article is the multi-values qualitative comparative analysis (mvQCA), which makes it possible to consider the necessary conditions associated with a greater representation of the opposition in municipal councils. The results of the analysis partially confirm the theoretical expectations: the density of communication within the community is a prerequisite for higher support for the opposition in local elections. However, the level of generalized trust and organizational experience are not necessarily enough. The class characteristic in the form of the cost of housing is also a prerequisite for supporting the opposition in the elections.

Keywords: elections; voting; Moscow; opposition; qualitative comparative analysis.

Acknowledgements: The study was supported by a grant from the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists - candidates of science (grant MK-328.2020.6). The author would like to thank V. Loginov for his help with data collection.

УДК-322:323.1(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2021-4-88-96

ЭТНИЧЕСКИЕ И КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ФАКТОР ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В КРЫМУ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОПРОСОВ)

А. В. Баранов, С. В. Васюк

Баранов Андрей Владимирович, заведующий кафедрой политологии и политического управления, Кубанский государственный университет.

E-mail: baranovandrew@mail.ru (ORCID: 0000-0001-7109-3062).

Васюк Сергей Владимирович, индивидуальный предприниматель.

E-mail: nju-vasjuki@mail.ru (ORCID: 0000-0002-8482-7341. ResearcherID: 952307).

Аннотация

Анализ этнических и конфессиональных отношений в крымском сообществе актуален для осмысления тенденций воссоединения региона с Россией, совершенствования методов управления этнополитическими процессами. В статье выявлены факторы этнических и конфессиональных отношений, проведён сравнительный анализ общественного мнения по данной тематике жителей Республики Крым и г. Севастополь. Работа проведена в рамках конструктивистского подхода. Статья выполнена на основе анкетных опросов, организованных политологами Кубанского государственного университета. В результате анализа развития этнополитических отношений авторы аргументируют снижение уровня конфликтности общеполитического, этнического и конфессионального факторов. Экономический и социально-демографический факторы этнополитических отношений остаются по-прежнему значимыми. Сохраняется территориальная контрастность этнополитических и конфессиональных отношений в Крыму, конфликтность которых повышена в степных и предгорных сельских районах, малых городах, где полиэтничность сочетается с низким уровнем социально-экономического развития, проблемами бедности и безработицы. Межэтнические и межконфессиональные отношения оцениваются опрошенными как лично значимые и влияющие на политические процессы, в большей мере – в Республике Крым, чем в Севастополе. Межэтнические и конфессиональные отношения воспринимаются в качестве весомого, но зависимого от социально-экономических и политических обстоятельств, фактора развития. Межгрупповые дистанции снижены в отношении русских и православных, повышены в отношении крымских татар и мусульман. Установлена асимметричность восприятия конфликтности этнических и конфессиональных групп. Гражданская идентичность наиболее распространена среди русской молодёжи, наименее – среди крымскотатарской.

Ключевые слова: этнополитические и конфессиональные отношения; политический процесс; Крым; анкетные опросы.

Введение

Тема статьи актуальна. В современных условиях необходим профессиональный мониторинг динамики этнополитических процессов, как и совершенствование методов управления ими. Крымский полуостров стратегически важен для обеспечения национальной безопасности России. Республика Крым и г. Севастополь переживают сложные, ещё не завершившиеся, процессы реинтеграции в российское общество и государство. Регион относится к приграничным, имеет полиэтничный и поликонфессиональный состав населения. Задачи мониторинга этнополитических процессов в крымском региональном сообществе решаются в недостаточной степени, научные исследования проводятся по обособленным программам.

Среди важных исследований проблемы упомянем монографию психолога К.В. Коростелиной, обосновавшей методику сравнения этнических идентичностей крымчан (Коростелина, 2003), монографию социологов и историков Н.В. Киселёвой, А.В. Мальгина, В.П. Петрова и др., отразившую со-

стояние этнополитических процессов в Крыму на 2015 г. (Киселёва и др., 2015), брошюру по итогам исследования межэтнических отношений в г. Симферополе и его пригородах (Зорин и др., 2016), экспертный доклад Института этнологии и антропологии РАН (Межэтнические отношения..., 2019). Среди прикладных исследований последних лет можно назвать работы Л.П. Нелиной, Е.В. Ярмак и О.В. Ярмак (Нелина и др., 2019), И.В. Юрченко, А.В. Баранова, М.В. Донцовой и др. (Юрченко и др., 2019). В Крыму сложилась школа политико-географических исследований, сейчас готовящая к изданию «Атлас социокультурных процессов» по авторской методике (работы А.Б. Швеца (Швец, 2019), Н.В. Киселёвой и др. (Киселёва и др., 2015)). Среди специализированных исследований крымскотатарского сообщества важна монография Э.С. Муратовой, Л.Я. Дюльберовой и А.И. Апселямовой (Муратова и др., 2020), статья В.И. Мукомеля и С.Р. Хайкина (Мукомель и Хайкин, 2016). Но работы выполняются чаще всего в дискурсе этносоциологии и политической географии, а не региональных политических исследований.

Цель, методология и эмпирическая база исследования

Цель статьи – выявить состояние и значение этнических и конфессиональных отношений в качестве фактора политического процесса в Республике Крым и г. Севастополь (март 2014 – лето 2021 гг.). Выбор хронологических рамок работы связан с качественным изменением параметров политического процесса в период воссоединения с Россией в сравнении с предыдущим.

Методология исследования включает в себя конструктивистскую парадигму этничности, а также бинарный сравнительный анализ. Их применение обосновано тем, что конструктивизм даёт возможность интерпретировать этнические группы в качестве выбираемых индивидами в ходе социализации, а не предписанных; такие группы имеют изменчивые границы и маркеры самоидентификации (Barth, 1969: 9–38). Компаративный анализ применяется как в кросс-территориальном аспекте сравнения Республики Крым и г. Севастополя, отчётливо различающихся по этническому и конфессиональному составу населения, уровню урбанизации, политическим ориентациям, степени однородности, так и в кросс-темпоральном аспекте. Региональный политический процесс расценивается как взаимодействие акторов политики, вызванное их интересами и стратегиями, когнитивными схемами и дискурсом, конструируемыми идентичностями.

Эмпирическими методами исследования выбраны анкетный опрос (проведён сначала пилотажно в 2017 г. (выборка 80 чел.), затем – двумя волнами в 2018 и 2019 гг., выборка 630 чел., респонденты от 16 до 35 лет, выборка сбалансирована по гендеру и возрасту, этнической самоидентификации; опрос шел при непосредственном общении), а также – экспертный опрос (выборка 30 чел.: государственные и муниципальные служащие, активисты общественных организаций, преподаватели учреждений среднего и высшего образования). Проанализированы итоги анкетных опросов и интервью, проведённых предшественниками.

Эмпирической основой статьи являются результаты анкетных и экспертных опросов, интервью, переписей населения 2001 и 2014 гг., выборов и референдумов в Крыму, а также социально-экономическая статистика.

Проблема исследования (исследовательский вопрос). Вследствие долгосрочных институциональных и социокультурных причин этнополитический процесс в Крыму имеет латентный конфликтный потенциал. Сохраняется сложносоставной, блоковый конфликт (термины обосновала Л. И. Никовская (Никовская, 2009: 83–84)). В данном конфликте взаимное влияние оказывают разнородные факторы, которые нельзя оценивать изолированно: экономический, социально-стратификационный, этнический, конфессиональный, общеполитический и др. Соотношение факторов, которые агрегируются в рамках политического процесса, подвижно. Преобладающий на той или иной стадии развития фактор детерминирован типом политических отношений в региональном сообществе. В Крыму на первый план выходят этнический и конфессиональный факторы, состоящие как в статусных ожиданиях групп населения, так и в запросе на доступ к ресурсам власти и влияния.

Результаты исследования

Объекты сравнения – Республика Крым (далее — РК) и г. Севастополь обладают численностью населения суммарно 2,3 млн чел. Следует учесть разнообразие этнической, конфессиональной и экономической ситуаций в локальных сообществах, среди которых можно выделить промышленные с доминированием русского населения (г. Севастополь, Керчь, Феодосия), аграрные полиэтничные с

повышенным удельным весом крымских татар (степные и предгорные сельские районы), а также курортные полиэтничные местности. По многообразию линий этнических и конфессиональных взаимодействий РК и г. Севастополь представляют редкий случай, что обуславливает повышенный научный интерес.

Перейдём к характеристике факторов этнополитического процесса. Что касается экономического фактора, Крым относится по российским меркам к экономически депрессивным регионам: по уровню ВРП на душу населения в 2018 г. Республика Крым занимает 77-е место, а г. Севастополь – 81-е из 85 субъектов Российской Федерации (Регионы России, 2020: 493). За 2014–2021 гг. уровень жизни вырос, реализованы масштабные инвестиционные и транспортные проекты (Крымский мост, трасса «Таврида», энергоснабжение полуострова), которые интегрируют региональную экономику в российскую систему. Но, судя по нашему массовому и экспертному опросам 2019 г., налицо некоторое недовольство крымчан тем, что на полуостров так и не пришли многие российские корпорации, опасющиеся международных санкций; «континентальный» бизнес и менеджмент подчас воспринимаются как агрессивные; ухудшается восприятие межрегиональной миграции (Текущий архив, 2019). В.И. Мукомель отмечает, что более надёжная транспортная связь между Крымом и «материковой» Россией поощрит маятниковую миграцию и отток наиболее энергичных слоёв населения с полуострова (Мукомель, 2019: 155–156).

Социальный фактор этнополитического процесса таков. Коэффициент Джини, характеризующий степень неравенства доходов, в 2019 г. в г. Севастополе составлял 0,360, а в РК – 0,335. Уровень неравенства по официальным данным ниже, чем в среднем по России (0,411) и в соседнем с полуостровом Краснодарском крае (0,400). Коэффициент фондов, соответственно, составлял 9,0 в РК и 10,7 в Севастополе в сравнении с 15,4 по стране (Регионы России, 2020: 270). Сравнимые регионы сходны в концентрации высоких доходов в административных центрах и приморских местностях, в выраженном неравенстве доходов по оси «город – село». Уровень безработицы согласно выборочным обследованиям на февраль 2021 г. (по критериям Международной организации труда) соответствует среднероссийскому уровню – 6,2% лиц старше 15 лет в РК, ниже среднероссийского уровня – в г. Севастополе (4,7%) (Занятость и безработица, 2021). И. Б. Сидорчук и Г. В. Сазонова установили, что наивысший уровень бедности проявляется в Джанкойском, Раздольненском, Краснопереконском и Советском районах РК, г. Феодосии и Судаче. Наименьший уровень бедности был отмечен в г. Севастополе и Симферополе (данные 2015 г.) (Сидорчук и Сазонова, 2017: 166–169). Республика Крым и г. Севастополь сходны по пониженному уровню экономического развития и неравенства доходов. Наибольший уровень безработицы отмечен в северных и восточных местностях РК, сельское хозяйство которых сильно пострадало от прекращения поставок воды по Северо-Крымскому каналу. Именно в этих местностях повышен удельный вес крымскотатарского населения. Проявляется социальное размежевание «город – село», осложнённое размежеванием «приморские – глубинные местности».

Этнический фактор политического процесса проявляется следующим образом. Сравнимые сообщества полиэтничны при абсолютном преобладании русских по самооценке: 81,1% в г. Севастополе, 65,2% – в Республике Крым (региональная перепись в октябре 2014 г.). Украинцы насчитывали в этих регионах 14,2 и 16,0%; крымские татары – 0,8 и 12,6%. Русский язык оценивается как родной 84% участников переписи 2014 г., причём так считают 79,7% украинцев в Крыму; широко распространено многоязычие (Итоги переписи..., 2015: 121–134).

Для крымского регионального сообщества характерно подвижное соотношение национально-государственной, этнических, конфессиональных, территориальных идентичностей. До февраля 2014 г. считали себя в первую очередь гражданами Украины 26% русских жителей РК и 62% этнических украинцев в РК. Региональная идентичность («крымчане») противопоставлялась национальной, судя по опросу, организованному Центром региональных исследований и стратегий в 2011 г. (выборка 836 чел.) (Князева, 2013: 267–284). Опрос, проведенный Институтом этнологии и антропологии РАН в 2016 г. (г. Симферополь и пригороды, выборка 600 чел. всех возрастов) дал иной итог: российская идентичность приоритетна для 47%, региональная – для 39%, этническая – для 20%. В наибольшей мере гражданская идентичность характерна для русских (54%) и украинцев (44%), в наименьшей – для крымских татар (10%) (Зорин и др., 2016: 7). Эти соотношения подтвердились при нашем опросе молодёжи в 2019 г., но признание российской идентичности крымскими татарами повысилось.

Полиэтничность в повышенной степени проявляется в Республике Крым (индекс этнической мозаичности Б.М. Эккеля по переписи 2014 г. составил 0,508) и в Севастополе (0,388), по расчётам А.Б. Швеца (Швец, 2019: 34). Новейшие данные на сей счёт даст Всероссийская перепись населения,

запланированная на октябрь 2021 г. В Крыму индекс за 2001–2014 гг. снизился (за счёт смены идентичности многих украинцев, назвавших себя при переписи 2014 г. русскими).

Частота и плотность межэтнического общения возрастает в приморских местностях и крупных городах. В Крыму наибольший индекс этнической мозаичности имеют Джанкойский, Первомайский, Красноперекоский сельские районы (от 0,670 до 0,687). Среди городов Крыма наиболее полиэтничны Судак (индекс 0,582), Красноперекоск (0,539) и Армянск (0,534), а наиболее однородны по этническому составу Керчь (0,230), Феодосия (0,348) и Севастополь (0,388) (Швец, 2019: 34). Поэтому межэтнические отношения следует анализировать «с фокусировкой» на уровне местных сообществ.

Конфессиональная структура регионального сообщества в значительной мере совпадает с этнической. На Крымском полуострове в 2016 г. до 84% опрошенных русских и украинцев (проект «Открытое мнение–Крым–2016» назвали себя православными, а 90% крымских татар считали себя мусульманами (Проект «Открытое мнение–Крым–2016», 2016: 33). Конфессиональные границы между христианами и мусульманами выражены отчётливо, тогда как внутри христианской подвыборки респондентов границы размыты. Наш анкетный опрос 2019 г. показал в сравнении с синхронным исследованием молодёжи Краснодарского края повышенный удельный вес в Крыму «просто христиан» и лиц, не уточняющих конфессиональную самооценку (Текущий архив, 2019).

Состояние межэтнических и межконфессиональных отношений оценивается позитивно. Опрос, организованный ВЦИОМ в РК (март 2019 г., 1 600 чел. старше 18 лет, погрешность не выше 2,5%) дал 92% ответов о «скорее, доброжелательных» межэтнических отношениях. Полагают, что в течение последнего года в их местности не было ссор и конфликтов между представителями разных народов, 89% крымчан. В русской, украинской и крымскотатарской выборках это мнение почти одинаково (Крым: 5 лет..., 2019). Опрос в г. Севастополе (сентябрь – октябрь 2019 г.) доказал, что положительно оценивают состояние межэтнических отношений 80,8%, а терпимо относятся к представителям других народов 85,4% (Социологические исследования..., 2019: 7).

На основе массовых опросов молодёжи 2018 и 2019 гг. в РК и Севастополе коллектив исследователей (И.В. Юрченко, А.В. Баранов, М.В. Донцова и Н.Н. Юрченко) выявили оценку межэтнических контактов респондентами в возрасте от 16 до 35 лет. Данные контакты признаются весьма активными и регулярными. Межэтнические отношения считались «постоянными» относительным большинством опрошенных: 38,7 в РК и 19,2% в Севастополе; «регулярными и частыми» – соответственно, 25,1 и 17,6%. Полагали, что они почти не общаются с представителями других народов, 5,9 респондентов в РК и 9,6% в Севастополе; «старались избегать контактов» – соответственно, 2,4 и 4,8% (Текущий архив, 2019). При этом примерно равные доли опрошенной молодёжи были ориентированы на сохранение самобытности и обособленности своей этнической культуры либо на активное взаимодействие этнических культур. Частота и значимость межэтнического общения повышаются в крупных городах (за исключением более моноэтничного Севастополя) и на Черноморском побережье (Баранов, 2019: 68–69).

Молодёжь признаёт несколько меньшей интенсивность межконфессионального общения. Сочли свои межконфессиональные контакты постоянными 33,7 респондентов в РК и 16,5% в Севастополе; регулярными и частыми – 25,3 в РК и 17,3% в Севастополе; нерегулярными, но частыми – 21,6 в РК и 20,1% в Севастополе; нерегулярными и редкими – 11,1 в РК и 23,7% в Севастополе; почти отсутствующими – 6,2 в республике и 15,7% в городе. Старались избегать контактов с людьми иной веры 2,2 в РК и 6,8% в Севастополе (Крым: 5 лет..., 2019). Оценка степени общения между конфессиями, по мнению опрошенных молодых крымчан, слабо отличается от таковой между народами.

Важна асимметрия межэтнических дистанций. Опрос по шкале Э. Богардуса в РК показал этническую дистанцию в отношении русских в 2,17 балла; украинцев – 2,61; крымских татар – 3,38; армян – 3,78. Дистанция возрастает в г. Севастополе: в отношении русских – 2,43, украинцев – 2,91, армян – 4,19, крымских татар – 4,26. Религиозные дистанции в отношении христиан были выше: 2,92 балла в РК и 3,38 - в Севастополе, в отношении мусульман – 3,54 в РК и 4,16 - в Севастополе (Баранов, 2019: 69–70). Отметим, что близкие оценки межэтнических и межконфессиональных дистанций фиксировали ещё массовые опросы, проведённые Институтом политических и этнонациональных исследований НАН Украины в 2009 и 2011 гг. (Ставлення жителів Криму..., 2011: 27–39).

Важный аспект межэтнических и межконфессиональных отношений – это формирование положительного образа «других» во взаимодействиях различных групп населения, осознание интегрированности поликультурного сообщества. Данный параметр можно оценить по тому, насколько близки уровни положительных оценок друг друга представителями народов и конфессий. При опросе

крымской молодёжи, проведённом политологами Кубанского государственного университета в 2019 г., указали, что русские «не конфликтуют с другими национальными и религиозными группами» 80,0% русских, 72,9% украинцев и 60,5% крымских татар. Такое же мнение о крымских татарах высказали 48,3% русских, 44,4% украинцев и 76,9% крымских татар; аналогичное мнение об украинцах – 57,5% русских, 72,7% крымских татар и 73,7% украинцев. Налицо контрастность взаимных оценок трёх многочисленных этнических групп. Такая же тенденция проявилась в конфессиональном измерении. Ответили, что христиане не конфликтуют с другими группами 85,6% христиан, 78,4% мусульман и 64,2% атеистов. Полагали, что мусульмане не конфликтуют 50,3% христиан, 80,5% мусульман и 46,7% атеистов (Баранов, 2019: 68–69). Можно предположить, что сохраняется некоторая латентная отчуждённость между опрошенными русскими и крымскими татарами, между христианами и мусульманами. Она не перерастает в конфликт, но нуждается в мерах формирования этнического и конфессионального согласия. Обнадёживает, что, по данным крымских политологов, только для 9% студентов значима общность религиозных взглядов, а для 6% – этническое происхождение (Нелина и др., 2019: 104).

Крымское региональное сообщество проявляет консенсус в отношении воссоединения с Россией. Так, при опросе ВЦИОМ (март 2020 г., выборка 1 200 чел. старше 18 лет в РК и 800 чел. в г. Севастополе) поддержали воссоединение с Россией 93% респондентов в РК и 90% в Севастополе (Воссоединение Крыма и Севастополя..., 2020). Экспертный опрос, проведённый Медиацентром им. Исмала Гаспринского в марте 2020 г., показал, что 85% респондентов считают межэтнические и межконфессиональные отношения в РК положительными, а конфликты — невозможными. Подтверждается неуклонная положительная динамика оценок темы (85% крымчан..., 2020).

Общеполитический фактор конфликтности состоит в гетерогенности элит Крымского региона, сложившихся ещё до воссоединения с Россией. Их пророссийские ориентации не исключают разногласий по вопросам распределения ресурсов власти и статусных позиций, приоритетов экономического и социального развития. В большей степени этот аспект проявляется в г. Севастополе, где высока нестабильность состава элит и проявляется соперничество между «местными» и «присланными» сегментами управленцев. Так, с осени 2014 по 2016 гг. продолжался конфликт между тогдашним губернатором г. Севастополя С.И. Меняйло и Законодательным собранием города, ориентированным на бывшего губернатора А.М. Чалого. Конфликт продолжался и при следующем губернаторе Д.И. Овсянникове (2017–2019 гг.). Обе стороны поддерживали правящую партию «Единая Россия». В сравнении выборов депутатов Государственной думы в 2016 г. на полуострове и депутатов Государственного совета Республики Крым в 2019 г. проявился спад влияния политической партии «Единая Россия» (с 72,8% до 54,7%), хотя данная тенденция и не сопровождалась ростом популярности системных оппозиционных партий. Явка на выборы, за исключением президентских выборов 2018 г., остаётся пониженной (49,2% на думских выборах 2016 г. и 49,0% на выборах депутатов Государственного совета РК в сентябре 2019 г.) (Резникова, 2016; Выборы депутатов..., 2019). Следовательно, достаточно важна задача повышения легитимности правящих региональных элит.

Политико-территориальный анализ подтверждает, что голосование на референдуме 2014 г. и президентских выборах 2018 г. в РК имеет устойчивую положительную корреляцию с этническим составом электората в избирательных округах. Анклавы повышенной поддержки проукраинского голосования в 2014 г. (по крымским меркам – 5% от числа явившихся) и поддержки либеральных кандидатов и партий совпадают с местностями компактного проживания крымских татар и украинцев (Белогорский, Бахчисарайский и Джанкойский районы, г. Красноперекоск и др.) (Исаев и Коротаяев, 2015). Вместе с тем по мнению руководителя ФАДН И. Баринова, явка крымских татар на выборы депутатов Государственной Думы РФ в 2016 г. составила 42% в сравнении с 17–24% на референдуме 2014 г. (Ладилова, 2017). Различия в уровне явки этнических групп на выборы значительно сократились.

Заключение

Подведём итоги. Подтвердилась гипотеза о сложносоставном, блоковом типе регионального конфликта в Крыму. Отмечается деэскалация общеполитического, этнического и конфессионального факторов конфликтности политического процесса. В то же время, экономический и социальный факторы сохраняются на прежнем уровне. Постоянным параметром остаётся территориальность конфликта в Крыму, имеющего локализацию в степных и предгорных районах, а также в малых городах, где полиэтничность сочетается с ухудшенным социально-экономическим состоянием. Межэтниче-

ские и межконфессиональные отношения воспринимаются в обоих субъектах федерации как значимый фактор политического процесса, зависимый от общих социально-экономических и политических обстоятельств. Межэтнические и межконфессиональные взаимоотношения воспринимаются как весьма значимые и регулярные; в большей степени это характерно для жителей Республики Крым, чем для севастопольцев.

Установлена асимметричность взаимных восприятий уровня конфликтности и законопослушности основных этнических и конфессиональных групп Крыма. Межгрупповые дистанции более снижены в отношении русских и православных, наиболее высоки – в отношении крымских татар, мусульман.

Необходимы меры интеграции отраслевых и территориальных элит на основе конкурентного отбора и антрепренерской модели рекрутации. Целесообразна адресная политика укрепления российской идентичности, воспитания ориентаций и установок межэтнического мира и взаимной терпимости. Ведущим направлением этнополитики в Крыму можно признать укрепление единства российской нации. Это требует реализовать единую стратегию этнополитики в сферах образовательной, информационной, культурной, музейной, символической политики, активизировать взаимодействие власти с этническими и религиозными организациями, с научным сообществом.

Список литературы / References

- Баранов, А. В. (2019) 'Межэтнические и конфессиональные отношения молодёжи в Крыму и Севастополе (на материалах массовых опросов)', *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 4 (61), сс. 66–73. [Baranov, A. V. (2019) 'Interethnic and confessional relations of youth in the Crimea and Sevastopol (based on the materials of mass surveys)' [Mezhjetnicheskie i konfessional'nye otnosheniya molodjzhi v Krymu i Sevastopole (na materialah massovykh oprosov)], *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura*, 4 (61), pp. 66–73. (In Russ.)].
- 85% крымчан считают невозможными межнациональные конфликты на полуострове (2019) [85% of Crimeans consider interethnic conflicts on the Peninsula impossible [85% krymchan schitajut nevozmozhnymi mezhnacional'nye konflikty na poluostrove] [Online]. Available at: URL: <https://kianews24.ru/news/85-krimchan-schitayut-nevozmozhnimi-mezhnac/> (Accessed: 27 May 2021). (In Russ.)].
- Воссоединение Крыма и Севастополя с Россией: итоги первых шести лет (2020) [The reunion of Crimea and Sevastopol with Russia: the results of the first six years [Vossoedinenie Kryma i Sevastopolja s Rossiej: itogi pervyh shesti let] [Online]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vossoedinenie-kryma-i-sevastopolya-s-rossiej-itogi-pervykh-shesti-let> (Accessed: 27 May 2021). (In Russ.)].
- Выборы депутатов Государственного совета Республики Крым второго созыва (2019) [Elections of deputies of the State Council of the Republic of Crimea of the second convocation [Vybory deputatov Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Krym vtorogo sozyva] [Online]. URL: http://www.crimea.vybory.izbirkom.ru/region/region/crimea?action=show&root=1&tvd=2932000424784&vrn=2932000424779®ion=93&global=&sub_region=93&prver=0&pronetvd=0&vibid=2932000424784&type=228 (Accessed: 27 May 2021). (In Russ.)].
- Занятость и безработица в Российской Федерации в феврале 2021 г. (2021). [Employment and unemployment in the Russian Federation in February 2021 (based on the results of the labor force survey) [Zanjatost' i bezrabotica v Rossijskoj Federacii v fevrale 2021 goda] [Online]. URL: https://gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/57.htm (Accessed: 27 May 2021). (In Russ.)].
- Зорин, В. Ю., Старченко, Р. А., Степанов, В. В. (2016) *Гражданская идентичность и межэтнические отношения в Крыму*. Москва: Летний сад. [Zorin, V. Yu., Starchenko, R. A., Stepanov, V. V. (2016) *Civil identity and interethnic relations in the Crimea. Field ethnostatistics* [Grazhdanskaja identichnost' i mezhjetnicheskie otnosheniya v Krymu]. Moscow: Summer Garden. (In Russ.)].

- Исаев, Л. М., Коротаяев, А. В. (2015) *Политическая география Крыма: опыт количественного анализа*. [Isaev, L. M., Korotayev, A. V. (2015) *The political geography of the Crimea: the experience of quantitative analysis* [Politicheskaja geografija Kryma: opyt kolichestvennogo analiza]. URL: <https://www.hse.ru/news/126775527.html> (Accessed: 27 May 2021) (In Russ.)].
- Киселёва, Н. В., Мальгин, А. В., Петров, В. П., Форманчук, А. А. (2015) *Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения*. Симферополь: Салта. [Kiselyova, N. V., Malgin, A. V., Petrov, V. P., Formanchuk, A. A. (2015) *Ethnopolitical processes in the Crimea: historical experience, modern problems and prospects for their solution* [Jenopoliticheskie processy v Krymu: istoricheskij opyt, sovremennye problemy i perspektivy ih reshenija]. Simferopol: Salta. (In Russ.)].
- Князева, Е. В. (2013) 'Самоидентификация населения Южноукраинского региона: «неукротимость примордиального»' в: Победа, Н. А. (ред.) *Социальные идентичности в динамике институционального и самоорганизационного*. Одесса: ВМВ, сс. 267–284. [Knyazeva, E. V. (2013) 'Self-identification of the population of the South Ukrainian region: "the indomitability of the primordial"' in: Pobeda, N. A. (eds.) *Social identities in the dynamics of institutional and self-organizational* [Social'nye identichnosti v dinamike institucional'nogo i samoorganizacionnogo]. Odessa: VMV, pp. 267–284. (In Russ.)].
- Коростелина, К. В. (2003) *Исследование социальной идентичности на пути к примирению в Крыму*. Симферополь: ДОЛЯ. [Korostelina, K. V. (2003) *Scientific and theoretical problems of studying social identity. The study of social identity on the way to reconciliation in the Crimea* [Issledovanie social'noj identichnosti na puti k primireniju v Krymu]. Simferopol: DOLYA. (In Russ.)].
- Крым: 5 лет в России. Март 2019* (2019) [*Crimea: 5 years in Russia. March 2019* [Krym: 5 let v Rossii. Mart 2019] [Online]. Available at: URL: http://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2019/2019-03-14_WCIOM_CRIMEA.pdf (Accessed: 27 May 2021). (In Russ.)].
- Ладилова, Е. (2017) *61% крымских татар поддерживают Владимира Путина* [Ladilova, E. (2017) *61% of Crimean Tatars support Vladimir Putin* [61% krymskih tatar podderzhivajut Vladimira Putina] [Online]. Available at: <https://iz.ru/news/669021> (Accessed: 27 May 2021).
- Мукомель, В. И. (2019) 'Крым в ожидании перемен: социально-экономический контекст', *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 2, сс. 141–156. [Mukomel, V. I. (2019) 'Crimea waiting for changes: socio-economic context' [Krym v ozhidanii peremen: social'no-jekonomicheskij kontekst], *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekono-micheskie i social'nye peremenu*, 2, pp. 141–156. (In Russ.)].
- Мукомель, В. И., Хайкин, С. Р. (2016) 'Крымские татары после «крымской весны»: трансформация идентичностей', *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 3, сс. 51–68. [Mukomel, V. I., Khaykin, S. R. (2016) 'Crimean Tatars after the "Crimean Spring": transformation of identities' [Krymskie tatory после "krymskoj vesny": transformacija identichnostej], *Monitoring obshhestvennogo mnenija: Jekonomicheskie i social'nye peremenu*, 3, pp. 51–68. (In Russ.)].
- Муратова, Э. С., Дюльберова, Л. Я., Апселямова, А. И. (2020) *Крымские татары в условиях трансформации политического пространства*. Симферополь: Ариал. [Muratova, E. S., Dyulberova, L. Ya., Apselyamova, A. I. (2020) *Crimean Tatars in the conditions of transformation of the political space* [Krymskie tata-ry v uslovijah transformacii politicheskogo prostranstva] (In Russ.)].
- Нелина, Л. П., Ярмач, В. Е., Ярмач, О. В. (2019) 'Межнациональное и межрелигиозное согласие в среде крымского студенчества', *Вестник Института социологии*, 10, 3, сс. 96–112. [Nelina, L. P., Yarmak, V. E., Yarmak, O. V. (2019) 'Interethnic and inter-religious harmony among the Crimean students' [Mezh-

- nacional'noe i mezhrefigioznoe soglasie v srede krymskogo studenchestva], *Vestnik Instituta sociologii*, 10, 3, pp. 96–112. (In Russ.).
- Никовская, Л. И. (2009) 'Сложносоставной конфликт как инструмент анализа трансформации и кризиса', *Политические исследования*, 6, сс. 83–94. [Nikovskaya, L. I. (2009) 'Compound conflict as a tool for analyzing transformation and crisis' [Slozhnosostavnoj konflikt kak instrument analiza transformacii i krizisa], *Politicheskie issledovanija*, 6, pp. 83–94. (In Russ.).]
- Окладников, С. М. (ред.) *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020* (2020). Москва: Росстат. [Okladnikov, S. M. (ed.) *Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2020* [Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli. 2020] (In Russ.).]
- Проект «Открытое мнение–Крым–2016». Краткий аналитический отчет по итогам исследования (2016). Москва. [*The project "Open Opinion-Crimea-2016"*]. A brief analytical report on the results of the study [Proekt «Otkrytoe mnenie–Krym–2016». Kratkij analiticheskij otchet po itogam issledovanija]. Moscow (In Russ.).]
- Резникова, М. (2016) «Единая Россия» собрала в Крыму более половины голосов. [Reznikova, M. (2016) "United Russia" gathered more than half of the cities in the Crimea ["Edinaja Rossija" sobrala v Krymu bolee poloviny golosov]. [Online]. Available at: URL: <https://rg.ru/2016/09/19/reg-ufo/edinaia-rossiia-sobrala-v-krymu-polovinu-golosov.html> (Accessed: 27 May 2021). (In Russ.).]
- Сенюшкина, Т. А., Степанов, В. В., Старченко Р. А. (ред.) (2019) *Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Крыму*. Экспертный доклад за 2018 год. Москва; Симферополь: ИТ «АРИАЛ». [Senyushkina, T. A., Stepanov, V. V., Starchenko, R. A. (eds.) (2019) *Inter-ethnic relations and the religious situation in the Crimea*. Expert report for 2018 [Mezhjetnicheskie odnoshenija i religioznaja situacija v Krymu. Jekspertnyj doklad za 2018 god]. Moscow; Simferopol: ИТ "ARIAL". (In Russ.).]
- Сидорчук, И. Б., Сазонова, Г. В. (2017) 'Степень проявления факторов бедности в Крыму и Российской Федерации', *Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. География. Геология*, 3(69), 3, part 2, сс. 163–173. [Sidorchuk, I. B., Sazonova, G. V. (2017) 'The degree of manifestation of poverty factors in the Crimea and the Russian Federation' [Stepen' projavlenija faktorov bednosti v Krymu i Rossijskoj Federacii], *Uchjonye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Geografija. Geologija*, 3 (69), 3, part 2, pp. 163–173 (In Russ.).]
- 'Социологические исследования в Севастополе' (2019), *Севастополь многонациональный*, 4, с. 7. [Sociological research in Sevastopol' [Sociologicheskie issledovanija v Sevastopole], *Sevastopol' mnogonacional'nyj*, 4, p. 7. (In Russ.).]
- 'Ставлення жителів Криму до імовірних загроз та до питань, які мають значний конфліктний потенціал' (2011), *Національна безпека і оборона*, 4–5 (122–123), сс. 27–39. ['Attitude of Crimean residents to possible threats and issues with significant conflict potential' (2011) [Stavlennja zhiteliv Krimu do imovirnih zagroz ta do pitan', jaki majut' znachnij konfliktnij potencial], *Nacional'na bezpeka i oborona*, 4–5 (122–123), pp. 27–39. (In Russ.).]
- Суринов, А. Е. (ред.) *Итоги переписи населения в Республике Крым* (2015). Москва: Статистика России. [Surinov, A. E. (ed.) *Results of the population census in the Republic of Crimea* [Itogi perepisi nasele-nija v Respublike Krym]. Moscow: Statistika Rossii. (In Russ.).]
- Текущий архив кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета (2021). [The current archive of the Department of Political Science and Political Management of the Kuban State University [Tekuschij arhiv kafedry politologii i politicheskogo upravlenija Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta] (In Russ.).]
- Швец, А. Б. (2019) 'Полиэтничность Крыма как фактор выстраивания регионом баланса «внутристрановых» и трансграничных связей в системе «Большой Евразии»', *Геополитика и экогеодинамика регионов*, 5(15), 4, сс. 29–46. [Shvets, A. B. (2019) 'The polyethnicity of the Crimea as a factor in building a re-

gional balance of “intra-country” and cross-border relations in the system of “Greater Eurasia” [Polijetnichnost’ Kryma kak faktor vystraivaniya regionom balansa “vnutristranovyh” i transgranichnyh svyazey v sisteme “Bol’shoj Evrazii”], *Geopolitika i ekogeodinamika regionov*, 5(15), 4, pp. 29–46. (In Russ.)].

Юрченко, И. В., Баранов, А. В., Юрченко, Н. Н., Донцова, М. В. (2019) *Конфликтогенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов*. Краснодар: Кубанский государственный университет.

[Yurchenko, I. V., Baranov, A. V., Yurchenko, N. N., Dontsova, M. V. (2019) *Conflict-related and integration factors of human potential development in the South of Russia in the context of new geopolitical challenges* [Konfliktogennye i integracionnye faktory razvitija chelovecheskogo potentsiala Juga Rossii v uslovijah novyh geopoliticheskikh vyzovov]. Krasnodar: Kubanskij gosudarstvennyj universitet. (In Russ.)].

Barth, F. (1969) ‘Introduction’, in: Barth, F. (ed.). *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference*. Oslo: Universitetsforlaget, pp. 9–38.

Статья поступила в редакцию: 22.09.2021

Статья принята к печати: 01.11.2021

ETHNIC AND RELIGIOUS RELATIONS AS A FACTOR OF THE ETHNOPOLITICAL PROCESS IN CRIMEA (BASED ON SURVEY MATERIALS)

A. V. Baranov, S. V. Vasyuk

A. V. Baranov, Head of the Department of Political Science and Political Management, Kuban State University.

E-mail: baranovandrew@mail.ru (ORCID: 0000-0001-7109-3062).

S. V. Vasyuk, individual entrepreneur.

E-mail: nju-vasjuki@mail.ru (ORCID: 0000-0002-8482-7341. ResearcherID: 952307).

Annotation

The article identifies the factors of ethnic and interconfessional relations, conducts a comparative analysis of public opinion of the residents of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol on this topic. The article is carried out within the framework of the constructivist approach and is based on questionnaire surveys organized by political scientists of Kuban State University. As a result of the analysis of the development of ethno-political relations, the authors explain a decrease in the level of conflict between general political, ethnic and confessional factors. The economic and socio-demographic factors of ethno-political relations are still significant. The territorial contrast of ethno-political and confessional relations in the Crimea remains. Inter-ethnic and inter-confessional relations are assessed by the respondents as personally significant and influencing political processes, to a greater extent in the Republic of Crimea. Interethnic and interconfessional relations are perceived as a significant factor of development dependent on socio-economic and political circumstances. The inter-group distances are reduced in relation to Russians and Orthodox Christians and increased in relation to Crimean Tatars and Muslims. The asymmetry of perceptions of conflict between ethnic and confessional groups is established. Civil identity is most common among Russian youth, the least common among Crimean Tatar.

Keywords: ethno-political and confessional relations; ethno-political process; Crimea; questionnaire surveys.

УДК-323:324

DOI: 10.17072/2218-1067-2021-4-97-110

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА ИЗБИРАЕМЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ НА НЕИЗБИРАЕМЫЕ В ОПЕКУНСКИХ РЕЖИМАХ: КЕЙС РЕКРУТИРОВАНИЯ В АССАМБЛЕЮ ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ИРАНА

И. А. Васькин

Васькин Илья Андреевич, стажёр-исследователь,

Институт Классического Востока и Античности, Центр изучения Ближнего Востока, Кавказа и Центральной Азии,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, Москва.

E-mail: ilya.a.vaskin@gmail.com (ORCID: 0000-0001-9019-6251. ResearcherID: Q-9000-2016).

Аннотация

Данное исследование посвящено анализу влияния избираемых органов на неизбираемые в опекунских режимах. Оно основано на гипотезе о том, что политический курс президента может влиять на рекрутирование одного из ключевых органов власти в Иране: Ассамблею по определению целесообразности, который де-факто является третьей палатой Парламента. Методом исследования является биографический анализ. Данная работа основана на 157 назначениях в 7 составах Ассамблеи по определению целесообразности в 1988–2017 гг. Показано, что политический курс президента влияет на рекрутирование за счёт политических реформ и расширение политического представительства разных элитных групп с дифференцированным социальным капиталом. Это влияние отражается как на общей структуре рекрутирования, так и в случаях представленности элитных групп (силовиков и духовенства), политических фракций, научных специализаций, профессий, провинциального происхождения. Изменения в социальном составе Ассамблеи связаны с политическим курсом президентов, расширением или ограничением политического участия разных групп в стране в целом. На уровне образования политический курс не отражается. Это исследование показывает, что в опекунских режимах избираемые институты более значимы, чем представлялось до этого.

Ключевые слова: опекунский режим; Ассамблея по определению целесообразности; рекрутирование элит; Иран.

Введение

Как в опекунских режимах избираемые органы власти могут оказывать влияние на неизбираемые? Опекунские режимы встречаются довольно редко, и этот тип определяется как "режимы, в которых выборы конкурентны, но власть избираемых правительств ограничена не избираемой религиозной, монархической или военной властью" (Levitsky Way, 2010: 6). Существующая литература, посвящённая опекунским режимам, касается общих принципов их функционирования (Wigell, 2008; Gilbert, Mohseni, 2011), но не затрагивает механизмов взаимодействия органов власти в политических режимах такого рода. Данное исследование ставит своей целью частично раскрыть эту тему.

В опекунских режимах существуют два уровня власти. Во-первых, верхний, контролирующий выборы и назначения и определяющий стратегическое развитие страны. Во-вторых, нижний, где существуют конкурентные выборы с непредсказуемыми результатами. Важно отметить, что институты верхнего уровня определяют, кто может участвовать в выборах, но не указывают возможного победителя.

Кейс Ирана является подходящим примером для проведения исследования. Во-первых, в Иране есть явный вето-игрок: Верховный руководитель, который определяет стратегические направления развития Исламской Республики и обладает большим количеством полномочий. В частности, он является Верховным главнокомандующим, назначает Главу судебной власти и т.д. Во-вторых, в Иране опекунский режим существует с конца 1980-х гг., когда была распущена доминирующая Ис-

ламская Республиканская Партия (1980–1987). На её место пришли большие коалиции (фракции) партий, кокусов, которые выдвигали от себя как от коалиций кандидатов в президенты, в Маджлис (Парламент), Совет экспертов (орган из 87 членов, отвечающий за избрание Верховного руководителя и контроль за его деятельностью) и в городские советы. Фракции не являются постоянными. Организации, которые входят в них, могут переходить из одной коалиции в другую, от двух коалиций могут выдвигаться одни и те же кандидаты.

Кроме того, само количество этих фракций тоже меняется. В 1979–1989 гг. их было 2: консерваторы (сторонники веляят-э факих, сильного ограничения индивидуальных свобод и гибрида традиционной и рыночной экономики) и радикальные левые (отличаются от консерваторов поддержкой госконтроля экономики и уменьшенного ограничения индивидуальных свобод). В 1989–1997 гг. их количество увеличилось до 3, добавились выделившиеся из консерваторов прагматики: сторонники рыночной экономики и уменьшенного ограничения индивидуальных свобод. В 1997 г. из радикальных левых, которые почти перестали существовать к тому моменту, выделилась реформистская фракция: она поддерживает ограничение веляят-э факих, рыночную экономику, индивидуальные свободы без ограничений. В 2005 г. от консерваторов отделилась фракция неоконсерваторов, сторонники которой поддерживают традиционную экономику и сильные ограничения индивидуальных свобод (Rakel, 2008).

Важно также отметить, что одной из особенностей Ирана является совмещение светской бюрократии и духовного управления. К ним относится, например, Администрация Верховного руководителя, в которой светские должности и духовные регулируются через общие правила самой Администрации (Boroujerdi, Rahimkhani, 2016).

В Иране также есть Наблюдательный совет, который прямо (6 исламских юристов) или косвенно (6 светских юристов, которые назначаются Главой судебной власти) назначается Верховным руководителем и является аналогом Центральной избирательной комиссии (определяет, кто из кандидатов может участвовать в выборах), а также де-факто является верхней палатой Парламента (контролирует на соответствие Конституции и нормам ислама законопроекты, предложенных Маджлисом). Одним из ключевых институтов власти является Ассамблея по определению целесообразности (далее Ассамблея). Основными функциями является консультирование Верховного руководителя Ирана, а также разрешение противоречий между Исламским консультативным советом и Наблюдательным советом в рамках веляят-э факих¹ (Sahktare Majme, 2019).

Данное исследование покажет, как политический курс, проводимый президентами, оказывал влияние на рекрутирование элит в Ассамблею. Вклад данной работы состоит в том, что она дополнит существующие представления об опекунских режимах. На данный момент считается, что в такого рода режимах основную роль играют неизбираемые органы власти, а избираемые почти не оказывают влияния (Wigell, 2008; Gilbert, Mohseni, 2011). Данное исследование уточнит картину, показав, что избираемые органы власти, в частности, президент и парламент, могут влиять на рекрутирование неизбираемых органов власти (Ассамблеи), используя даже те очень ограниченные полномочия, которые у них есть.

Для анализа составов Ассамблеи по определению целесообразности в качестве основного источника данных была использована работа "Postrevolutionary Iran: A Political Handbook" (Boroujerdi, Rahimkhani, 2018), где в том числе даны краткие биографии около 1000 представителей элит Ирана после Исламской революции, собираемые авторами около 14 лет. На основе вторичных данных из этого издания автор выбрал всех членов Ассамблеи по определению целесообразности в течение 7 составов с 1988 по 2017 гг., всего было учтено 157 назначений. В качестве основных факторов рекрутирования использовались возраст, принадлежность к духовенству, служба в Корпусе стражей Исламской революции, провинциальное происхождение, образование, профессия до вхождения в состав

¹ Веляят-э факих является официальной идеологией Исламской республики Иран. Согласно ей, в эпоху Большого сокрытия двенадцатого имама Мухаммада аль-Махди шиитов должен возглавлять компетентный шиитский юрист (факих). Согласно официальной идеологии, это естественное продолжение традиционной шиитской юриспруденции. В свою очередь, исследователи отмечают в этой доктрине разрыв с традиционным шиизмом (напр. Mavani, 2001). Вместе с тем существуют разные интерпретации этой доктрины: Верховный руководитель может интерпретироваться как царь-философ-мистик из неоплатонической традиции (Martin, 2000; Dabashi, 1993) или как суверен в гоббсианском понимании этого термина (Namazi, 2019). Кроме того, с точки зрения, реформаторски настроенной части иранского духовенства веляят-э факих является не абсолютным, а ограниченным демократическими практиками (Hossainzadeh, 2014). С основными аргументами дискуссии можно ознакомиться в соответствующей статье Расула Намази (Namazi, 2019).

элиты, политическая принадлежность. Все доли были округлены до целых процентов, т.к. доли процентов для данного исследования не играют значимой роли.

Данное исследование основано на структурно-биографическом методе. Все биографии были стандартизованы по критериям принадлежности к духовенству, службе в Корпусе стражей Исламской Революции, политической принадлежности, образованию, профессии до входа в элиту, провинциальному происхождению. Далее они были сопоставлены по всем составам Ассамблеи. Эти критерии позволяют уловить влияние политического курса президентов на рекрутирование в Ассамблею.

Политические институты Ирана

Президент

Президент в Иране является главой исполнительной власти. С точки зрения распределения полномочий историю этого института можно разделить на две части: 1980–1989 гг. и с 1989 г. Во время первого периода сосуществовало два высших органа исполнительной власти: президент и премьер. Президент скорее был номинальной фигурой, а премьер был главой правительства. Однако в связи с внутриэлитным конфликтом и блокированием деятельности основных институтов власти в конце 1980-х (Ghiabi, 2019), во время конституционной реформы 1989 г. должность премьера была упразднена, а президент стал и главой правительства, и главой исполнительной власти одновременно.

Президент отвечает в первую очередь за операционную и административную деятельность, а также представляет Иран в международных отношениях. Кроме того, каждый президент создаёт своё правительство, которое достаточно сильно отличается от предыдущих.

С 1980 г. в Иране сменилось 7 президентов. Абольхасан Банисадр был первым президентом, избранным в 1980 г. Однако он ушёл в 1981 г. в изгнание из-за конфликта с Рухолой Хомейни, бывшим тогда Верховным руководителем Ирана (1979–1989). На его место пришёл Али Раджаи, который был убит в течение месяца после своего избрания в августе 1981 г. Все последующие президенты избирались ровно на 2 срока по 4 года. Али Хаменеи был президентом в 1981–1989 гг., а после смерти Аятоллы Хомейни сам стал Верховным руководителем Ирана. Президентство Акбара Хашеми-Рафсанджани пришлось на 1989–1997 г., он представлял прагматическую фракцию духовенства, при нём произошло частичное разгосударствление экономики, либерализация торговли и т.д. Его продолжателем стал реформатор Мохаммад Хатами (1997–2005), при котором продолжилось развитие внутреннего рынка, либерализация СМИ, расширилось общение с США и Европой, частично были сняты санкции, было создано большое количество новых партий, впервые стали проводиться выборы в городские советы, была инициирована дискуссия о верховенстве права в Иране. При неоконсервативном Махмуде Ахмадинежаде (2005–2013) усилились конфронтация с США, репрессии, было закрыто большое количество СМИ, открытых при Хатами. При прагматике Хассане Роухани (с 2013 г.) произошла частичная нормализация отношений с США, жёсткость политической борьбы была смягчена.

Ассамблея по определению целесообразности

На данный момент есть две точки зрения как можно анализировать Ассамблею. Во-первых, она может рассматриваться узко как третья палата иранского Парламента, которая отвечает за разрешение конфликтов между первой и второй палатами (Naini, 2006). Во-вторых, она также может описываться как один из ключевых правящих институтов, который имеет абсолютную после Верховного руководителя власть в ситуации кризиса (Ghiabi, 2019). Оба этих подхода дополняют друг друга, т.к. первый позволяет увидеть юридический аспект этого института, а второй – анализирует его с фукистской точки зрения на безопасность.

Вопрос о причинах возникновения Ассамблеи является дискуссионным. Согласно Асгару Ширази, неформально она существовала с 1981 г. для решения самых важных политических вопросов (Schirazi, 1997). Гияби объясняет её возникновение через концепт "кризиса", в котором Иран находится постоянно с 1979 г., также связывая с формированием нового государства в условиях Ирано-Иракской войны 1980–1988 гг. (Ghiabi, 2019). Кроме того, как он отмечает, в 1980-е гг. законопроекты реформаторского по своей деятельности Парламента часто ветировались консервативным Наблюдательным Советом¹, в результате чего к 1986 г. законодательный процесс замер. Ассамблея

¹ Наблюдательный Совет представляет собой избираемый орган власти, состоящий из 6 факихов и 6 светских юристов. Факихи назначаются напрямую Верховным руководителем Ирана, светские юристы – Главой судебной власти Ирана,

была создана как временный орган в 1986 г (Ghiabi, 2019). В 1987 г. Судебная власть, Парламент и Совет стражей Конституции вместе обратились к Верховному руководителю, чтобы разрешить кризис законотворчества. В итоге для решения этой коллизии аятолла Рухолла Хомейни предписал создать Ассамблею как постоянный орган власти и увязал эту реформу с конституционной, которая должна была произойти в 1989 г. Следует отметить, что в 1989 г. Рухолла Хомейни умер, а его место занял Али Хаменеи, являющийся Верховным руководителем Ирана до сих пор. Также есть точка зрения, что это связано с ростом влияния бюрократов и технократов в госаппарате, увеличением роли умеренных и ослаблением консерваторов (Valibegi, 1993).

Согласно новой версии Конституции, в структуре органов власти создавалась Ассамблея. Кроме того, усиливалась власть президента за счёт демонтажа должности премьер-министра, а Верховный руководитель должен был быть в первую очередь политиком, а не религиозным деятелем (Paran-Martin, 2014; Ghiabi, 2019). Следует также отметить что конституционная реформа означала секуляризацию политической жизни Ирана в ряде аспектов: члены Ассамблеи не обязательно должны быть духовными лицами, Верховный руководитель сам решает, какие законы соответствуют шариату, а какие нет; в целом она ставила национальные интересы выше религиозных (Namazi, 2019). Таким образом, можно говорить о самосекуляризации исламского государства, возглавляемого фактиком (Matsunaga, 2009, Ghamari-Tabrizi, 2013).

Ассамблея состоит из президиума, секретариата, шести постоянных комиссий, а также Центра стратегических исследований, который до 2017 г. действовал как исследовательский центр при ней. У каждой комиссии есть постоянный председатель, заместитель и секретарь. Также есть четыре специализированных комитета, функционирующих под контролем Секретариата Ассамблеи (Sakhtare Majme, 2019). Мазьяр Гияби также считает Ассамблею "ареной конфронтации ядра исламской республики" (Ghiabi, 2019: 10), т.к. при обсуждении каждой проблемы присутствуют представители всех стейкхолдеров, а сама дискуссия часто превращается в ожесточённые дебаты. Сами по себе дискуссии способствуют проведению реформ, несмотря на то, что Ассамблея изначально является консервативным по своему составу институтом, о чём будет сказано далее.

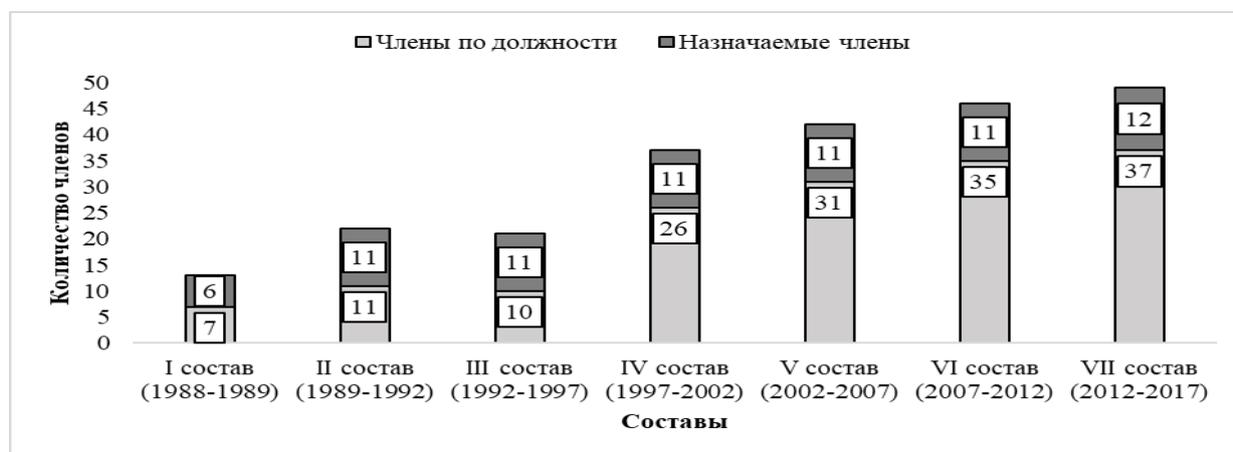

Рис. 1. Структура составов Ассамблеи по определению целесообразности, 1988–2017 гг.

С 1989 г. она также была несколько раз реструктурирована. Состав Ассамблеи определяется Верховным руководителем Ирана. Она состоит из двух групп: членов по должности и естественных членов. Членами по должности являются 6 духовных членов Совета стражей Конституции (с I состава), главы трёх ветвей власти и представитель соответствующей комиссии Парламента (со II состава), соответствующий министр (с VI состава), секретарь Совета безопасности (с VII состава). Членов назначает напрямую Верховный руководитель. Динамика численности составов и соотношения этих двух групп (см. Рис. 1) отражают структурные изменения в этом институте, а также силу других властных институтов. Так, изначально большую роль в нём играл Наблюдательный совет, что отражается в постоянном присутствии 6 его членов в составе Ассамблеи. При этом, несмотря на изначально направленность Ассамблея на разрешение противоречий между этим институтом и Парла-

который также назначается напрямую Верховным руководителем. Его основной функцией является проверка на соответствие нормам ислама и конституции всех законопроектов, предлагаемых парламентом (Naini, 2006).

ментом, своего представителя в ней Парламент получил во II составе. Это может быть связано с тем, что оба Верховных руководителя являются консерваторами, а Парламент чаще выступает с реформаторских позиций (Akhavi-Poor, Azodanloo, 1998).

Важно также отметить рост количества естественных членов. Если в I составе их было 7, во II и III – 11 и 10, то далее происходит значительное увеличение их количества до 26 в IV, и далее в каждом составе появлялось 5 ± 1 дополнительных естественных членов, достигнув 37 в VII. Этот тренд может отражать увеличение представительства разных групп интересов в составе Ассамблеи. Следует также сказать, что рост количества членов приходится на период институционализации и появления новой политической фракции (отделение реформаторов от прагматиков) и либерализацию режима при президенте Мохаммаде Хатами и в целом на повышение конкуренции внутри иранской политической системы (Arjomand, 2000; Rakel, 2008; Razavi, 2010). Сохранение этого тренда при президенте Махмуде Ахмадинежаде может быть также объяснено появлением отделившейся от консерваторов фракции неконсерваторов (Rakel, 2008).

В целом Ассамблея является одним из ключевых институтов власти в Иране, отвечающим за принятие важнейших решений в случае кризисов, а также обеспечивающим взаимодействие разных фракций внутри себя.

Исследования рекрутирования элит

Исследования рекрутирования элит в схожие институты в других странах пока не проводились. Тем не менее, следует отметить, что для стран Европы и Америки характерно привлечение выходцев из институтов гражданского общества и партий (Blondel, Thiebault, 1991; Page, Wright, 1999; Dowding, Dumon, 2014). В Восточной Азии (Rothacher, 1993; Zang, 2003; Barr, 2014) большую роль играют клановые структуры, однако для «азиатских тигров» значимо также образование. Для стран Ближнего и Среднего Востока в целом на уровне правительств значимыми факторами являются патримониализм, образование и принадлежность к среднему классу, армия, происхождение (Szyliowicz, 1971; Faksh, 1976; Assiri, Al-Monoufi, 1988; Sayari, Bilgin, 2011)

Исследования иранских элит, в свою очередь, довольно разнообразны. Одни освещают структуры власти (Buchta, 2000), указывая на разделение формального и неформального управления. При этом неформально наиболее влиятельными людьми является ближний круг Верховного руководителя.

Другая большая группа фиксирует внутриэлитные размежевания в Иране: идеологические (Akhavi, 1987; Malek, 1989; Behrooz, 1991; Rakel, 2008), структурные (Golkar, 2016), клановые (Мамедова, 2016), показывая разнообразие и эволюцию фракций и групп интересов в Иране. С одной стороны, они фиксируют отношения между самими фракциями, с другой – обращают внимание на более широкие элитные группы: духовенство, технократов и военных. К ним примыкают исследования интеллектуальных групп внутри иранской элиты (Khosrokhavar, 2001, Kamrava, 2008), освещающие эволюцию и появление новых взглядов у иранской элиты.

Кроме того, ряд исследований также частично охватывает депутатский корпус (Vakili-Zad, 1994; Vaktiari, 1996; Alem, 2011), отмечая рост доли депутатов с учёными степенями и уменьшение доли духовенства в созывах парламентов.

В целом эти работы проливают свет на иранские элиты с точки зрения её структуры, но довольно слабо анализируют её состав.

Исходя из всего вышесказанного, гипотеза исследования следующая:

H1: разнообразие составов Ассамблеи коррелирует с политическим курсом, проводимым президентом Ирана в соответствующий период.

В данном исследовании будет использован период 1989–2017, т.к. в 1989 г. умер Верховный руководитель Хомейни (1979–1989), и на его место пришёл Верховный руководитель Хаменеи (1989–...), а также был проведён Конституционный референдум, значение которого описано выше. Дополнительным фактором легитимации данного периода является сохранение в должности аятоллы Хаменеи как Верховного руководителя и вето-игрока в политической системе Исламской республики. Он, с одной стороны, так или иначе контролировал отбор кандидатов в кандидаты в президенты, а с другой – напрямую назначал членов Ассамблеи. Соответственно, объяснить изменения составов Ассамблеи через смену личности, определявшую их, становится невозможно.

Важно также уточнить, как эту гипотезу следует понимать. Под "разнообразием" подразумевается вариация социального капитала в составах Ассамблеи: образование, профессиональный опыт

и т.д. На практике это должно выглядеть следующим образом. В период президентства Хашеми-Рафсанджани (1989–1997) произошло частичное "раскрытие" политической системы страны, расширилось политическое представительство элитных групп. Соответственно, составы Ассамблеи должны, согласно ожиданиям, быть более разнообразными, чем во время I состава (1988–1989). При Мохаммаде Хатами (1997–2005), который провёл ещё более значимые либеральные реформы, представительство разных элитных групп должно расшириться ещё больше. В период Махмуда Ахмадинежада (2005–2013) произошло ограниченное "закрывание" политической системы Ирана. Однако он не мог отменить большую часть реформ Хатами, потому при нём лишь усилились консерваторы, от которых отделилась фракция неоконсерваторов, потому уместно ожидать увеличения доли представителей этой фракции в Ассамблее при сохранении остальных характеристик близких к Хатами. Политика Хасана Роухани (2013–...) отличается умеренностью, и потому по структуре состав Ассамблеи, частично совпадающий с его периодом, должен быть похож на составы при Хашеми-Рафсанджани.

Духовенство и ветераны КСИР

В послереволюционном Иране основную роль играют две ключевые политические корпорации: духовенство и Корпус стражей Исламской революции. Они отражают две основные, помимо технократов, элитные группы Ирана: собственно духовенство и силовиков. Соответственно, доля членов Ассамблеи, принадлежащих к одной из этих корпораций, показывает их влияние на саму Ассамблею. Кроме того, они формируют специфические габитусы, о чём будет сказано ниже.

Шиитское духовенство, несмотря на идеологические разногласия (Rakel, 2008), является относительно единой корпорацией (Schahgaldian, 1989). Оно объединено единой системой обучения в семинариях, общими практиками. Такими практиками являются *раздари* (секретность), *такия* (благоразумное скрывание своей веры), *танфия* (рассудительное бездействие), *челе* (сорокодневный цикл, в течение которого духовное лицо исключает себя из повседневных дел) (Schahgaldian, 1989). Эти практики сплачивают шиитское духовенство и отделяют его от остальных социальных структур.

Степень его присутствия может отражать роль этой корпорации в принятии решений, оно отвечает за стратегическое управление в Исламской республике (Tamadonfar, 2001). Ряд должностей по закону могут занимать только клирики: Верховный руководитель, часть его администрации (Vogoujerdi, Rahimkahni, 2016), 6 из 12 юристов Совета стражей Конституции. В целом оно является крайне влиятельной корпорацией этой страны.

Корпус стражей Исламской революции является институтом, созданным уже после Исламской революции. КСИР является военной организацией, непосредственно подчиняется Верховному руководителю Ирана. Его официальной целью является защита Исламской революции в Иране и её завоеваний. Он имеет очень большое влияние на принятие политических решений в Иране (Najdi, Karim, 2012). Под влиянием КСИР находится большое количество компаний, по факту в стране построена параллельная экономика, основанная на организациях, подконтрольных этой корпорации (Forozan, Shahi, 2017). Её объединяют Ирано-Иракская война и общие традиции, свойственные тотальным институтам подобного рода (Ostovar, 2016).

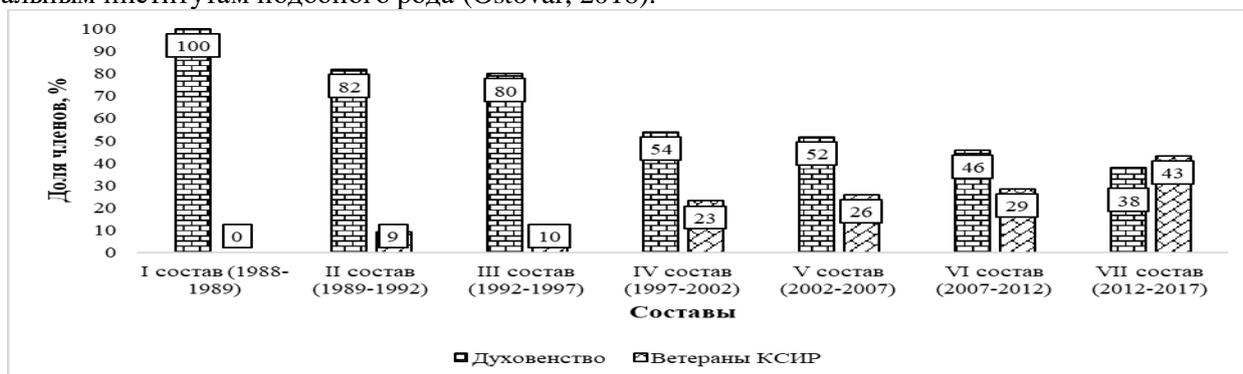

Рис. 2. Духовенство и ветераны КСИР в составе Ассамблеи по определению целесообразности, 1988–2017 гг.

Примечание: столбцы в сумме могут быть более 100%, т.к. часть членов Ассамблеи могут быть одновременно духовенством и ветеранами КСИР.

Исходя из анализа составов Ассамблеи, можно сделать вывод о постепенном замещении духовенства силовиками (

Рис. 2). Вместе с тем при Хашеми-Рафсанджани усиление КСИР было медленным, при этом начиная с первого срока Хатами иранские силовики начали замещать духовенство куда более активно, что связано с недовольством консервативной части иранской элиты после победы Хатами на президентских выборах (Lob, 2020). Таким образом, в случае этого критерия можно говорить о том, что президентский политический курс повлиял на рекрутирование духовенства и ветеранов КСИР в Ассамблею.

Политические фракции

Представленность политических фракций в составе Ассамблеи может отражать их роль в принятии политических решений в стране в целом. Фракции сами по себе очень сильно различаются во взглядах: если консерваторы и неоконсерваторы выступают за поддержку традиционной экономики, отказ от реформ режима веляят-э факих, автаркию, то умеренные и реформаторы больше ориентированы на интеграцию в глобальный мир, проведение либеральных по своей сути реформ, внедрение верховенства права в стране. Отдельно следует отметить фракцию радикальных левых, существовавшую в 1979–1989 гг.: она в целом была близка к рыночникам-консерваторам, однако в отличие от них поддерживала госконтроль над экономикой (Rakel, 2008: 70). Также необходимо добавить, что фракции в Иране достаточно условны, один и тот же человек может быть близок по взглядам к разным, из-за чего реальное соотношение может отличаться от представленного далее.

Рис. 3. Представленность политических фракций Ассамблеи по определению целесообразности, 1988–2017 гг.

Динамика состава Ассамблеи (см. Рис. 3) в целом отражает усиление консерваторов и неоконсерваторов и ослабление остальных фракций. При Хашеми-Рафсанджани составы были относительно стабильными, с преобладанием консерваторов (60–64%), а при Хатами и далее доля консерваторов значительно выросла, колеблясь до 80%, что также поддерживает аргумент о недовольстве консерваторов политикой Хатами.

Образование

Ещё одним важным фактором рекрутирования является образование. В данной статье оно будет освещено с трёх сторон: степень, научная специализация, наличие западного образования, семинария (для духовенства).

Наличие степеней показывает общий уровень образования элиты, а также косвенно отражает уровень образования конститuentов политических институтов (Wakeling, Savage, 2015; Harris, 2017). Кроме того, оно влияет на поведение элит в процессе принятия решений, участия в публичной политике и т.д. (Searing, 1969).

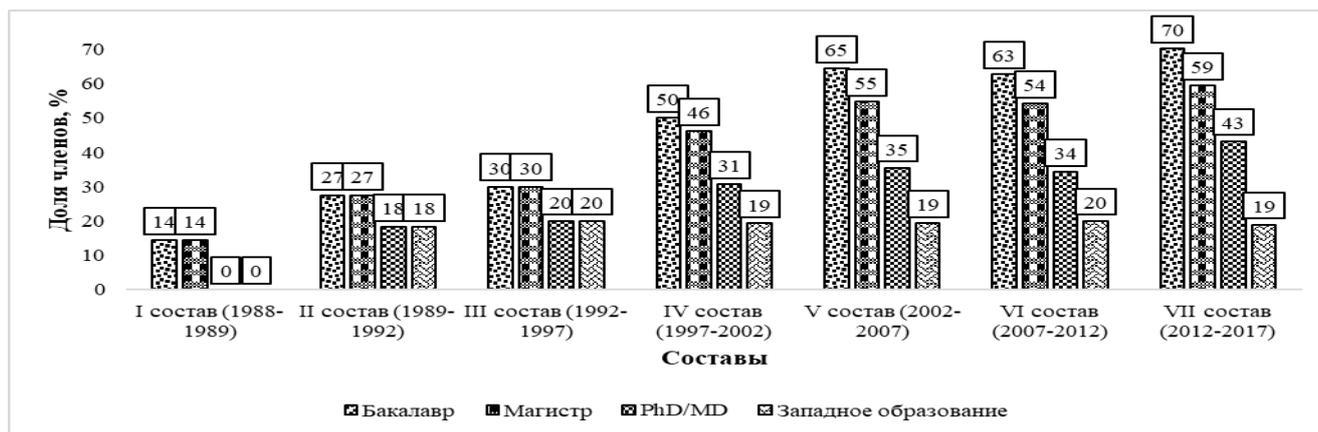

Рис. 4. Распределение членов Ассамблеи по определению целесообразности по академическим степеням и местам получения образования, 1988–2017 гг.

Примечание: под западным образованием подразумевается получение как минимум 1 степени в странах Западной Европы, Северной Америки, а также Австралии, Новой Зеландии.

Как показывают результаты (см. рис. 4), с каждым составом росла представленность людей с высшим образованием, при этом также увеличивалось количество членов с более высокими степенями. Если в первом составе было всего 14% бакалавров-магистров, то в седьмом их количество сильно выросло: на весь состав – 70% бакалавров, 59% магистров и 43% PhD. Этот тренд также совпадает с изменением созывов парламентов Ирана, где наблюдается схожая динамика (Harris, 2017).

Тут важно отметить, что на уровне образования политический курс не влияет, эта динамика отражает лишь общие изменения в стране, связанные с повышением уровня образованности граждан.

Также важным фактором, с точки зрения рекрутирования элит, является научная специализация. Материалы США и Европы показывают наличие вариации в поведении элит с разным образованием: техническое и экономическое образование способствуют более консервативному поведению, в противовес праву, гуманитарным и социальным наукам (Ladd, Lipset, 1972; Putnam, 1977).

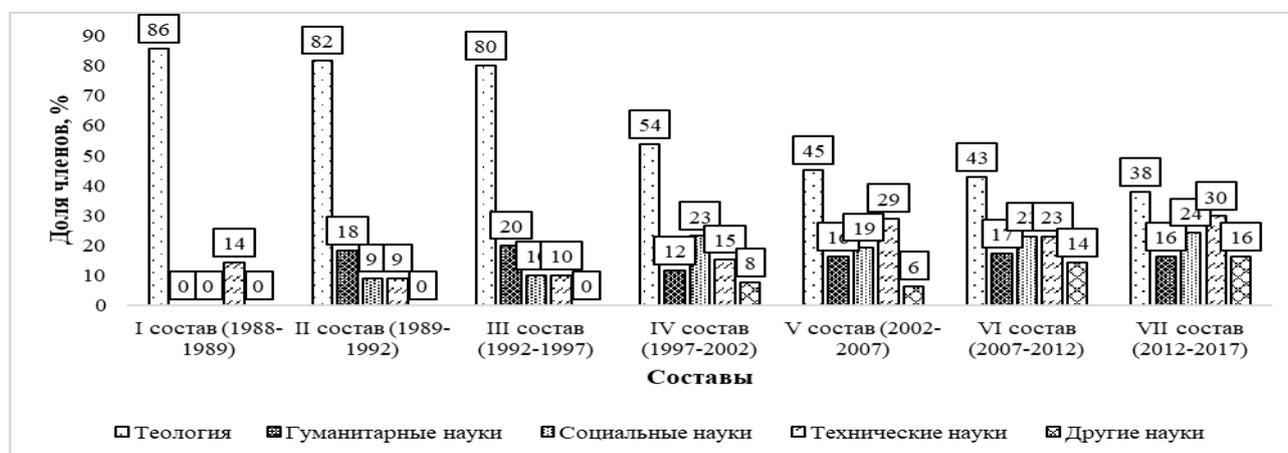

Рис. 5. Распределение членов Ассамблеи по определению целесообразности по научным специализациям, 1988–2017 гг.

Примечание: сумма столбцов в каждом составе может быть больше 100, т.к. учитывалось наличие соответствующих специализаций у каждого члена Ассамблеи по отдельности.

Анализ составов Ассамблеи (рис. 5) показывает, что доля членов Ассамблеи с теологическим образованием была относительно стабильной в период Хашеми-Рафсанджани, а при Хатами и далее она стабильно уменьшалась. Эта динамика отражает изменения, связанные с политическими курсами иранских президентов.

Отдельно следует также выделить места получения образования духовенством. В данном исследовании выделены две ключевые семинарии: в Куме, и в Наджафе, Ирак, т.к. остальные почти не

представлены. Для духовенства семинарии могут играть большую роль, т.к. в зависимости от статуса специфические школы могут быть более или менее влиятельны. Кроме того, в семинариях до Исламской Революции концентрировалось оппозиционное духовенство, позже принявшее в ней участие.

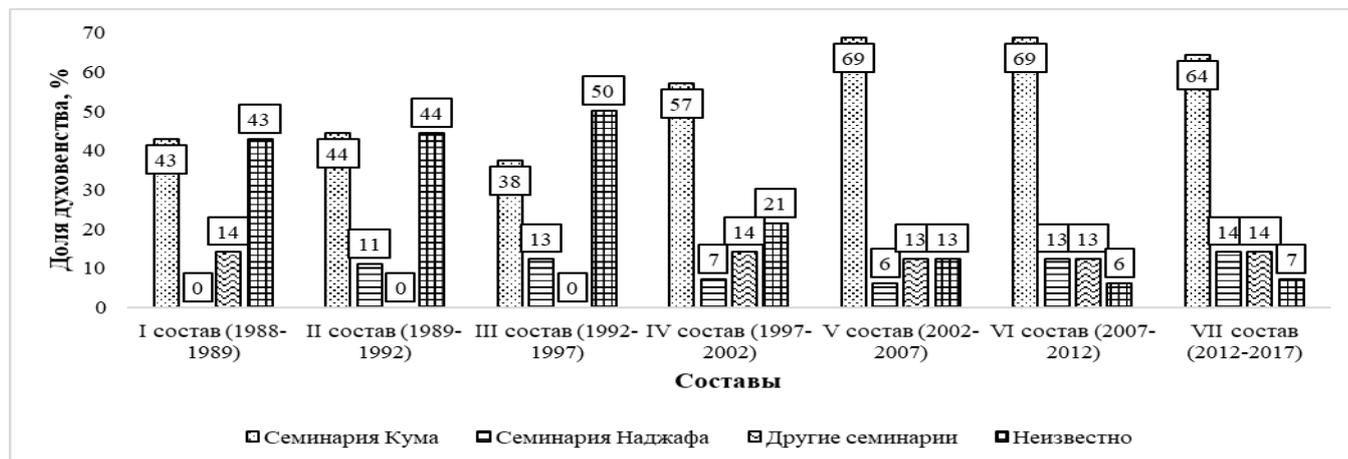

Рис. 6. Места получения образования духовенством в составе Ассамблеи по определению целесообразности, 1988–2017 гг.

Примечание: N = 84; сумма столбцов в каждом составе может быть больше 100, т.к. страна получения образования учитывалась у каждого члена Ассамблеи по отдельности.

Результаты анализа показывают, что всего две семинарии были основными источниками рекрутирования в состав Ассамблеи: семинария Кума и семинария Наджафа в Ираке. Первая является самой авторитетной семинарией в Иране, она также служила местом координации сторонников Исламской Республики в период Исламской Революции (Abrahamian, 1979). Что касается Наджафа, то в этом городе аятолла Хомейни жил в изгнании с 1964 по 1978 гг., где находился в вынужденной эмиграции и параллельно искал себе сторонников (Corboz, 2015). Семинария Наджафа также считается самой сильной за пределами Ирана. С учётом этих двух факторов почти постоянное присутствие в составе Ассамблеи выпускников семинарии Наджафа отражает роль эмиграции аятоллы Хомейни в рекрутировании элит в этот институт. Данная динамика показывает, что увеличение количества выпускников разных семинарий также приходится на период Хатами, что подтверждает Н1.

Профессия

Профессиональное происхождение также может быть значимым фактором рекрутирования элит в политические институты. Во-первых, она непосредственно влияет на политическое поведение элиты. Во-вторых, разные профессии показывают разный уровень сплоченности, легитимность и представительность (Matthews, 1984; Putnam, 1976).

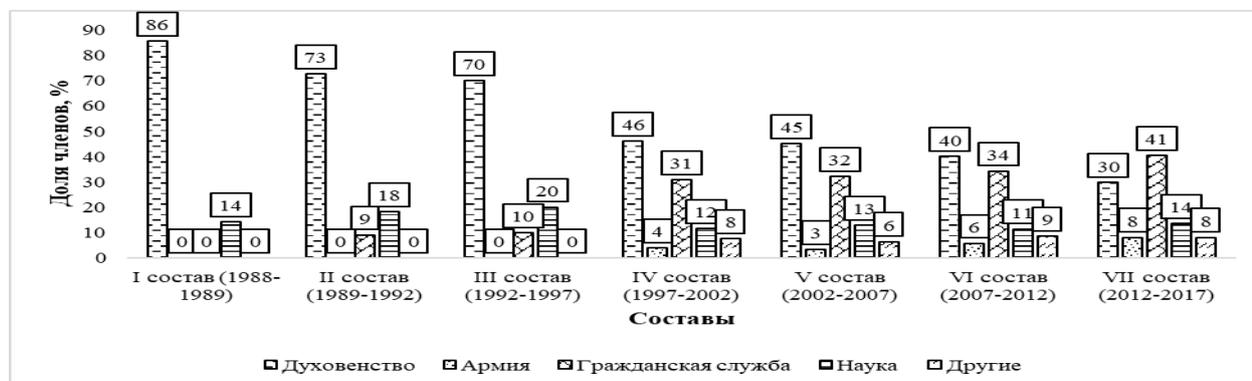

Рис. 7. Профессиональное происхождение членов Ассамблеи по определению целесообразности до входа в состав элиты, 1988–2017 гг.

Динамика профессионального происхождения членов Ассамблеи отражает несколько трендов (рис. 7). Во-первых, произошло уменьшение доли духовенства в составе Ассамблеи, что было описано выше. Во-вторых, прослеживается увеличение количества выходцев из гражданской службы. Эти изменения могут отражать контрреволюционные процессы и возрождение технократов, которые начались после 1989 г. (Harris, 2017: 220). В-третьих, заметна роль выходцев из науки, которые составляли в течение почти всех сроков вторую или третью группу по представленности. Объяснить эту динамику можно, как минимум, двумя причинами: желанием руководства страны дополнительно легитимизировать принятие решений в Ассамблее, а также усилением учёных как корпорации в связи с увеличением доли высокообразованных людей в Иране и т.н. кризиса избытка образования (*overeducation*) (Habibi, 2015). В-четвёртых, явно видна постепенно увеличивающаяся роль армии как одного из каналов рекрутирования начиная с четвёртого состава. Эта динамика может быть объяснена через реванш силовиков, которые воспротивились либеральным реформам президента Мохаммада Хатами, начатым с 1997 г. (Golkar, 2016), что подтверждает гипотезу исследования.

Провинция

Провинциальная представленность может отражать несколько явлений. Она может сигнализировать о парохизме и патримониальном рекрутировании в политические институты (Li, Washman, 1989). Также она может быть связана с качеством социальных лифтов: широкая представленность провинций в таком случае является сигналом об их относительной эффективности (Gaxie, 2017).

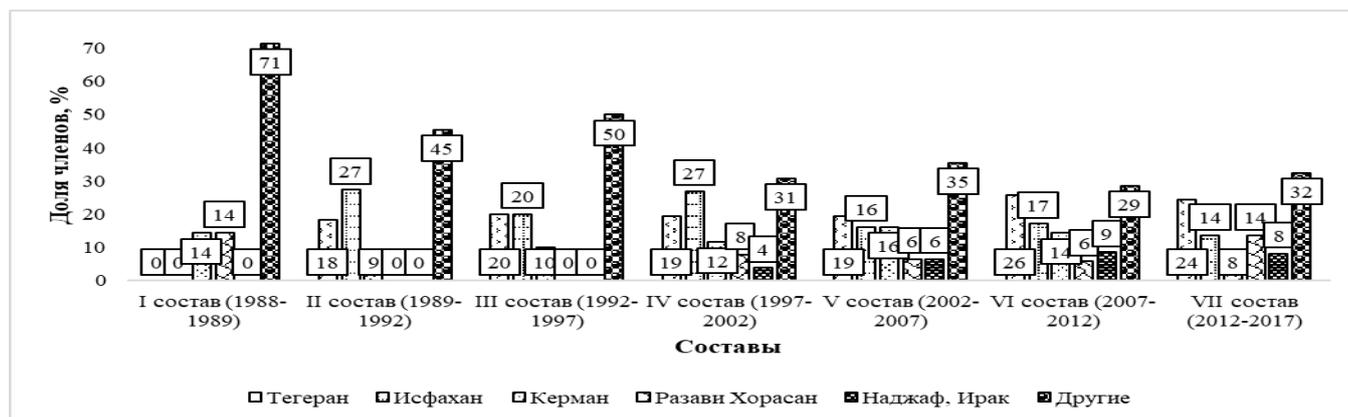

Рис. 8. Провинциальное происхождение членов Совета по определению целесообразности, 1988–2017 гг.

Динамика рекрутирования элиты с точки зрения провинциальной принадлежности (рис. 8) свидетельствует о повышении роли конкретных регионов. Основными являются Тегеран, Исфахан, Керман, Разави Хорасан и Наджаф, Ирак. Тегеран и Исфахан представляют из себя столичные регионы¹. Наличие Разави Хорасана в списке основных провинций, откуда происходило рекрутирование в Ассамблею, может отражать роль первого председателя Ассамблеи аятоллы Хаменеи, который сам также родом из этой провинции. Значимая роль Наджафа может быть объяснена эмиграцией аятоллы Хомейни, который, находясь там, искал себе сторонников (Corboz, 2015). Из Кермана, в свою очередь, происходит Акбар Хашеми-Рафсанджани, бывший президентом Ирана в 1989–1997 гг. и председателем Ассамблеи в 1989–2017 гг.

Преобладание в первом составе выходцев из Кермана и Хорасана может интерпретироваться как патримониальное рекрутирование, связанное с тем, что люди, помогавшие принимать ключевые решения по рекрутированию, сами происходили из соответствующих провинций. Во второй и третий состав включались в основном представители столиц, что может быть связано с общей технократизацией государства, начиная с 1989 г. С 1997 г. происходит расширение состава Ассамблеи и либерализация, что позволяет включать в её состав большее количество представителей разных групп, благодаря чему в ней сохраняется группа выходцев из столиц, снова появляются патримониально рекрутированные члены, а также увеличивается роль сторонников Хомейни, которых он привёз с собой из

¹ Исфахан был столицей Персии с 1598 по 1722 гг.

Ирака после Исламской Революции. Эта динамика также подтверждает гипотезу об увеличении разнообразия в период Хатами.

Заключение

Данное исследование анализирует механизмы возможного влияния избираемых органов власти на неизбираемые в опекунских режимах на примере Ассамблеи по определению Ирана. Оно показывает, что избираемые органы власти (в данном случае президент) могут ограниченно влиять на рекрутирование в неизбираемые органы, используя свой политический курс. Это влияние отражается как на общей структуре рекрутирования, так и в случаях представленности элитных групп (силовиков и духовенства), политических фракций, научных специализаций, профессий, провинциального происхождения. На уровне образования политический курс не отражается.

Что важно, ключевые изменения в рекрутировании элит в Ассамблею происходили в периоды либерализации, проводником которой выступали президенты. В период "консервации" при Ахмадинежаде тренды рекрутирования оставались теми же самыми, что были заложены при Хатами. Однако с точки зрения рекрутирования силовиков, духовенства и политических фракций эти тренды были скорее оппозиционны политике либерализации. Вместе с тем с точки зрения социального капитала самих членов Ассамблеи они скорее отражали успехи этой политики: увеличилось разнообразие членов по образованию, профессии, провинциальному происхождению.

Это исследование вносит вклад в теорию политических режимов, т.к. показывает, что опекунские режимы являются более сложными, чем это может показаться. Оно дополняет существующую литературу, показывая, что избираемые органы власти, несмотря на все ограничения опекунских режимов, являются значимыми институтами, и они сами могут влиять на неизбираемые органы власти.

Финансовая поддержка

Статья подготовлена по результатам исследования в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

Список литературы / References

- Мамедова, Н. М. (2016) 'Иран: особенности формирования политической элиты', *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*, 1, сс. 121–127. [Mamedova, N. M. (2016) 'Iran: Features of the Political Elite Formation' [Iran: osobennosti formirovaniya politicheskoy elity], *Vostok/Oriens*, 1, pp. 121–127 (In Russ.)].
- Abdolmohammadi, P., Cama, G. (2015) 'Iran as a Peculiar Hybrid Regime: Structure and Dynamics of the Islamic Republic', *British Journal of Middle Eastern Studies*, Vol. 42, 4, pp. 558–578.
- Abrahamian, E. (1979) 'Iran in the Revolution: The Opposition Forces', *Middle East and Research Information Project*, 75/76, pp. 3–8.
- Akhavi, S. (1981) 'Elite Factionalism in the Islamic Republic of Iran', *Middle East Journal*, Vol. 41, 2, pp. 181–201.
- Akhavi-Poor, H., Azodanloo, H. (1998) 'Economic bases of political factions in Iran', *Critique: Journal for Critical Studies of the Middle East*, Vol. 7, 13, pp. 69–82.
- Alem, Y. (2011) *Duality by Design: The Iranian Electoral System*. Washington, D.C.: International Foundation for Electoral Systems.
- Arjomand, S. A. (2000) 'Civil Society and the Rule of Law in the Constitutional Politics in Iran under Khatami', *Social Research*, Vol. 67, 2, pp. 283–301.
- Assiri, A.-R., Al-Monoufi, K. (1988) 'Kuwait's Political Elite: The Cabinet', *Middle East Journal*, Vol. 42, 1, pp. 48–58.
- Baktiari, B. (1996) *Parliamentary Politics in Revolutionary Iran: The Institutionalization of Factional Politics*. University Press of Florida.
- Barr, M. (2014) *The ruling elite of Singapore: Networks of power and influence*. IB Tauris.
- Beeman, W. O. (2013) 'Iran's Islamic Republic' in: Esposito, J. L., Shahin, E.E. (eds.) *The Oxford Handbook of Islam and Politics*. Oxford: Oxford University Press, pp. 399–410.

- Behrooz, M. (1991) 'Factionalism in Iran under Khomeini', *Middle Eastern Studies*, Vol. 27, 4, pp. 597–614.
- Blondel, J., Thiébaud, J.-L. (eds.) (1991) *The Profession of Government Minister in Western Europe*. London: Macmillan.
- Boroujerdi, M., Rahimkhani, K. (2016) 'The Office of the Supreme Leader: Epicenter of a Theocracy' in: Brumberg, D., Farhi, F. (eds.) *Power and Change in Iran: Politics of Contention and Conciliation*. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, pp. 135–165.
- Boroujerdi, M., Rahimkhani, K. (2018) *Postrevolutionary Iran. A Political Handbook*. Syracuse, New York: Syracuse University Press.
- Buchta, W. (2000) *Who Rules Iran? The structure of Power in the Islamic Republic*. Washington: The Washington Institute for Near East Policy, Konrad Adenauer Stiftung.
- Corboz, E. (2015) 'Khomeini in Najaf: The Religious and Political Leadership of an Exiled Ayatollah', *Die Welt des Islams*, Vol. 55, 2, pp. 221–248.
- Dabashi, H. (1993) *Theology of Discontent: The Ideological Foundation of the Islamic Revolution in Iran*. New York: New York University Press.
- Dowding, K., Dumont, P. (eds.) (2014) *The Selection of Ministers around the World*. New York: Routledge.
- Faksh, M. A. (1976) 'Education and Elite Recruitment: An Analysis of Egypt's Post-1952 Political Elite', *Comparative Education Review*, Vol. 20, 2, pp. 140–150.
- Forozan, H., Shahi, A. (2017) 'The Military and the State in Iran: The Economic Rise of the Revolutionary Guards', *The Middle East Journal*, Vol. 71, 1, pp. 67–86.
- Gaxie, D. (2017) *Political and Social Backgrounds of Political Elites*. The Palgrave Handbook of Political Elites. Palgrave, pp. 489–506.
- Ghamari-Tabrizi, B. (2013) 'Women's Rights, Sharia Law, and the Secularization of Islam in Iran', *International Journal of Politics, Culture, and Society*, Vol. 26, 3, pp. 237–253.
- Ghiabi, M. (2019) 'The council of expediency: crisis and statecraft in Iran and beyond', *Middle Eastern Studies*, Vol. 55, 5, pp. 837–853.
- Gilbert, L., Mohseni, P. (2011) 'Beyond authoritarianism: The conceptualization of hybrid regimes', *Studies in Comparative International Development*, 46(3), p. 270.
- Golkar, S. (2016) 'Configuration of Political Elites in Post-revolutionary Iran', *Brown Journal of World Affairs*, Vol. 23, 1, pp. 281–292.
- Habibi, N. (2015) *Iran's Overeducation Crisis: Causes and Ramifications. Middle East Brief*. No. 89. URL: <https://www.brandeis.edu/crown/publications/meb/MEB89.pdf>.
- Hossainzadeh, N. (2014) 'Ruholla Khomeini's Political Thought: Elements of Guardianship, Consent, and Representative Government', *Journal of Shi'a Islamic Studies*, Vol. 7, 2, pp. 129–150.
- Kamrava, M. (2008) *Iran's Intellectual Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Khosrokhavar, F. (2001) 'Neo-conservative intellectuals in Iran', *Critique: Journal for Critical Studies of the Middle East*, Vol. 10, 19, pp. 5–30.
- Ladd, E. C. Jr., Lipset, S. M. (1972) 'Politics of Academic Natural Scientists and Engineers', *Science*, Vol. 176, 4039, pp. 1091–1100.
- Le Vine, V. T. (1968) 'Political Elite Recruitment and Political Structure in French-Speaking Africa', *Cahiers d'Études Africaines*, Vol. 8, 31, pp. 369–389.
- Li, Ch., Bachman, D. (1989) 'Localism, Elitism, and Immobilism: Elite Formation and Social Change in Post-Mao China', *World Politics*, Vol. 42, 1, pp. 64–94.
- Levitsky, S., Way, L. (2010) *Competitive Authoritarianism. Hybrid Regimes After the Cold War*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lob, E. (2020) *Iran's Reconstruction Jihad: Rural Development and Regime Consolidation after 1979*. Cambridge University Press.
- Malek, M. H. (1989) 'Elite factionalism in the post-revolutionary Iran', *Journal of Contemporary Asia*, Vol. 19, 4, pp. 435–460.
- Martin, V. (2000) *Creating an Islamic State: Khomeini and the Making of a New Iran*. London: Tauris.
- Matsunaga, Y. (2009) 'The Secularization of a Faqih-Headed Revolutionary Islamic State of Iran: Its Mechanisms, Processes, and Prospects', *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East*, Vol. 29, 3, pp. 468–482.
- Matthews, D. R. (1984) 'Legislative Recruitment and Legislative Careers', *Legislative Studies Quarterly*, Vol. 9, 4, pp. 547–585.

- Mavani, H. (2001) 'Analysis of Khomeini's Proofs for al-Wilaya al-Mutlaqa (Comprehensive Authority) of the Jurist' in: Walbridge, L. S. (ed.) *The Most Learned of the Shi'a: The Institution of the Marja' al-Taqlid*, pp. 183–210. New York: Oxford University Press.
- Mozaffari, M. (1993) 'Changes in the Iranian Political System after Khomeini's Death', *Political Studies*, Vol. 41, 4, pp. 611–617.
- Najdi, Y., Karim, M. A. B. A. (2012) 'The Role of the Islamic Revolutionary Guards Corps (IRGC) and the Future of Democracy in Iran: Will Oil Income Influence the Process?', *Democracy and Security*, Vol. 8, 1, pp. 72–89.
- Naini, M. (2006) 'Iran's second chamber? The guardian council', *The Journal of Legislative Studies*, Vol. 12, 2, pp. 198–222.
- Namazi, R. (2019) 'Ayatollah Khomeini: From Islamic Government to Sovereign State', *Iranian Studies*, Vol. 52, 1–2, pp. 111–131.
- Ostovar, A. (2016) *Vanguard of the Imam: Religion, Politics, and Iran's Revolutionary Guards*. Oxford: Oxford University Press.
- Putnam, R. D. (1976) *The Comparative Study of Political Elites*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Randjbar-Daemi, S. (2013) 'Building the Islamic State: The Draft Constitution of 1979 Reconsidered', *Iranian Studies*, Vol. 46, 4, pp. 641–663.
- Page, E. C., Wright, V. (1999) *Bureaucratic Elites in Western European States: A Comparative Analysis of Top Officials*. Oxford: Oxford University Press.
- Papan-Martin, F. (translator) (2014) 'The Constitution of the Islamic Republic of Iran (1989 Edition)', *Iranian Studies*, Vol. 47, 1, pp. 159–200.
- Putnam, R. D. (1977) 'Elite Transformation in Advance Industrial Societies: An Empirical Assessment of the Theory of Technocracy', *Comparative Political Studies*, Vol. 10, 3, pp. 383–411.
- Rakel, E. P. (2008) *The Iranian Political Elite, State and Society Relations, and Foreign Relations since the Islamic Revolution*. Amsterdam: Universiteit van Amsterdam.
- Razavi, R. (2010) 'The Road to Party Politics in Iran', *Middle Eastern Studies*, Vol. 46, 1, pp. 79–96.
- Rothacher, A. (1993) *The Japanese power elite*. Springer.
- Sakhtare Majme (2019) *Council Structure*. URL: <http://www.maslahat.ir/index.jsp?fkeyid=&siteid=3&pageid=409> (дата обращения: 20.07.2019).
- Sayari, S., Bilgin, H. D. (2011) 'Paths to Power: The Making of Cabinet Ministers in Turkey', *Parliamentary Affairs*, Vol. 64, 4, pp. 737–762.
- Searing, D. (1969) 'The Comparative Study of Elite Socialization', *Comparative Political Studies*, Vol. 1, 4, pp. 471–500.
- Schahgaldian, N. B. (1989) *The Clerical Establishment in Iran*. RAND Corporation
- Schirazi, A. (1997) *The Constitution of Iran: Politics and the State in the Islamic Republic*. London: I. B. Tauris.
- Shannon, M. (2015) 'American-Iranian Alliances: International Education, Modernization, and Human Rights during the Pahlavi Era', *Diplomatic History*, Vol. 39, 4, pp. 661–688
- Tamadonfar, M. (2001) 'Islam, Law, and Political Control in Contemporary Iran', *Journal for the Scientific Study of Religion*, Vol. 40, 2, pp. 205–219.
- Tarikhe Majme. (2019) *History of the Council*. URL: <http://www.maslahat.ir/index.jsp?fkeyid=&siteid=3&pageid=421> (дата обращения: 20.07.2019).
- Vakili-Zad, C. (1994) 'Conflict among the ruling revolutionary elite in Iran', *Middle Eastern Studies*, Vol. 30, 3, pp. 618–631.
- Valibeigi, M. (1993) 'Islamic Economics and Economic Policy Formation in Post-Revolutionary Iran: A Critique', *Journal of Economic Issues*, Vol. 27, 3, pp. 793–812.
- Wakeling, P., Savage, M. (2015) 'Entry to Elite Positions and the Stratification of Higher Education in Britain', *The Sociological Review*, Vol. 63, pp. 290–320.
- Wigell, M. (2008) 'Mapping 'hybrid regimes': Regime types and concepts in comparative politics', *Democratisation*, 15(2), pp. 230–250.
- Zang, X. (2004) *Elite dualism and leadership selection in China*. Routledge.

Статья поступила в редакцию: 22.09.2021

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 20.10.2021

Статья принята к печати: 10.11.2021

THE INFLUENCE OF THE POLITICAL COURSE OF THE ELECTED AUTHORITIES ON THE UNELECTED ONES IN TUTELARY REGIMES: THE CASE OF THE RECRUITMENT TO THE EXPEDIENCY DISCERNMENT COUNCIL OF IRAN

I. A. Vaskin

I. A. Vaskin, research trainee,

Institute of Classical Orient and Antiquity, Center for the Study of the Middle East, Caucasus and Central Asia,

National Research University Higher School of Economics, Russia, Moscow.

E-mail: ilya.a.vaskin@gmail.com (ORCID: 0000-0001-9019-6251. ResearcherID: Q-9000-2016).

Abstract

The study identifies the effect of the elected bodies' policies on non-elected ones in tutelary regimes. The hypothesis is that the president's policies may influence recruitment to one of the key government bodies in Iran – the Expediency Discernment Council – which is the de facto third chamber of Parliament. The study shows that the policies of the president influence recruitment through political reforms and the expansion of political representation of various elite groups with differentiated social capital. This influence is reflected both in the general structure of recruiting and by the representation of elite groups (such as security, defense and law enforcement agencies and clergy), political parties, scientific specializations, and professions of provincial origin. Changes in the social composition of the Assembly are associated with the policies of the presidents, the expansion or limitation of the political participation of different groups in the country as a whole. No policies have a significant impact on education. This study shows that elected institutions are more important in tutelary regimes than it is generally presumed.

Keywords: tutelary regime; Expediency Discernment Council; elite recruitment; Iran.

Acknowledgements: The article was prepared based on the results of research within the framework of the HSE Program of Fundamental Research and with the use of subsidies within the framework of state support of the leading universities of the Russian Federation "5-100".

Обзоры, рецензии, аналитика

УДК-32

DOI: 10.17072/2218-1067-2021-4-111-120

БАЗА ДАННЫХ «СУБНАЦИОНАЛЬНЫЙ РЕГИОНАЛИЗМ
И МНОГОУРОВНЕВАЯ ПОЛИТИКА (REG-MLG)»

П. В. Панов

Панов Петр Вячеславович, доктор политических наук, главный научный сотрудник, Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН.
E-mail: panov.petr@gmail.com (ORCID: 0000-0002-0759-7618. ResearcherID: O-2160-2016).

Аннотация

Система национальных государств как территориально организованных политий остается стержнем политического порядка, однако их конфигурация становится более комплексной, меняются формы и механизмы, принципы и результаты взаимодействия территориальных политических единиц разного уровня. Осмысливая эти перемены, исследователи уделяют особое внимание таким явлениям, как многоуровневая политика и регионализм, который является одним из значимых факторов, влияющих на глубину политических трансформаций и степень развития многоуровневой политики. Несмотря на большое количество исследований по отдельным сюжетам, взаимосвязь регионализма и многоуровневой политики нуждается в более систематическом изучении, особенно в широкой сравнительной перспективе с использованием large-N studies. Для такого рода эмпирических исследований создана база данных «Субнациональный регионализм и многоуровневая политика (REG-MLG)». В данной работе представлена общая характеристика и структура этой базы данных, показаны ее отличия от других баз и наборов данных, а также возможности, которые дает REG-MLG для сравнительных политических исследований.

Ключевые слова: регионализм; многоуровневая политика; база данных; сравнительный анализ.

Политический порядок современных обществ непосредственно связан с особой формой организации политических сообществ (политий) – суверенным государством (nation-state) как универсалистской формы политики, характерной для эпохи современности. Но в конце XX в. эта связь была поставлена под вопрос и в сфере практической политики, и как парадигма научного осмысления реальности. Широкое распространение получила концепция multi-level governance (MLG) (Hooghe & Marks, 2003), которая делает акцент на то, что многоуровневость управления, прежде имевшая преимущественно иерархическую административную логику, приобретает политическое измерение и трансформируется в многоуровневую политику. В рамках MLG процесс формулирования и реализации политических курсов описывается и анализируется под углом зрения включенности в него акторов разного уровня (национальных, региональных, локальных) и разного типа (государственных и негосударственных), взаимодействующих и взаимосвязанных на разных уровнях власти (Stephenson, 2013).

Первоначально MLG имела целью осмыслить трансформацию политических процессов в европейском пространстве после подписания Маастрихтского договора и создания Европейского союза (Hooghe & Marks, 2001), однако очень скоро она стала активно использоваться и в политических исследованиях за рамками ЕС (Enderlein et al, 2010). Это неудивительно, так как MLG представляет собой теоретическую концепцию, а не некую «объективную реальность». Однако в условиях, когда происходят изменения в политической реальности, она позволяет лучше ухватить и понять эти перемены, чем, например, традиционная концепция «inter-governmental relations (IGR)», рассматривающая политические процессы в более привычной логике иерархических взаимодействий разных уровней власти (Alcantara et al, 2016).

Вместе с тем глубина политических трансформаций, степень развития многоуровневых

взаимодействий весьма существенно различается даже в странах Европы. В частности, если взять кросс-территориальное измерение, регионы стран Европы по-разному и в разной мере вовлекаются в многоуровневую политику. Одним из факторов, влияющих на это, является регионализм. По определению М. Китинга, «регионализм включает в себя три элемента: а) движение, требующее территориальной автономии в рамках унитарного государства; б) организация государства таким образом, что общественные блага предоставляются на основе того, что регионы реализуют свои собственные политические курсы; в) политическая децентрализация и региональная автономия» (Keating, 1998).

Отталкиваясь от этого подхода, можно выделить три основных коннотации регионализма: регионализм как интенсивная региональная идентичность, как общественно-политическое движение, которое стремится к обретению регионом политической субъектности, включению его в политический процесс и регионализм как такая модель взаимоотношений центра и региона, когда последний уже обладает политической субъектностью (Панов, 2020: 106). Нетрудно заметить, что последняя коннотация оказывается своего рода «результатом» второй, то есть именно в случае успеха регионализма как движения достигается регионализм как субъектная активность региона во взаимодействиях с иными уровнями власти. В то же время такая активность, то есть третья коннотация регионализма – ничто иное, как одно из проявлений многоуровневой политики. Поэтому не случайно регионализм рассматривается исследователями в качестве одного из ключевых трендов, меняющих политический порядок в современных государствах. Так, большое внимание уделяется изучению регионалистских политических партий. Если еще лет тридцать назад они воспринимались как «осколки прошлого», то теперь эти партии «превратились в авторитетных и влиятельных политических игроков в большинстве западноевропейских демократий» (Herburn, 2009: 477). Продвигая свои требования, регионалистские партии стимулируют вовлечение регионов в политические взаимодействия с национальными и европейскими институтами власти. Это позволяет говорить о взаимосвязи регионализма и многоуровневой политики. В ряде европейских исследований MLG напрямую увязывается с регионалистской идеей «Европы регионов» («Europe of the regions») или, в более умеренном варианте, «Европы с регионами» (Europe with the regions) (Loughlin, 2021; Schakel, 2020).

Несмотря на большое количество исследований по отдельным сюжетам, взаимосвязь регионализма и многоуровневой политики нуждается в более систематическом изучении, особенно в широкой сравнительной перспективе с использованием large-N studies. Для такого рода эмпирических исследований была создана База данных «Субнациональный регионализм и многоуровневая политика» (REG-MLG).

Базы данных по регионам европейских стран. К настоящему времени в распоряжении исследователей имеется немало баз и наборов данных, которые содержат систематизированную информацию по административно-территориальным единицам (АТЕ) субнационального уровня, в том числе регионам¹. Такие данные собираются, систематизируются и публикуются официальными статистическими службами. Правда, практика их работы и формат представления информации существенно различаются в разных странах, но для стран-членов Евросоюза разнообразная информация по социально-экономическим характеристикам регионов унифицирована в базе данных Евростата, статистического офиса ЕС². Для регионов европейских стран, не входящих в ЕС, подобную информацию можно найти в базе данных Организации экономического сотрудничества и развития³.

Кроме того, различные наборы данных созданы в результате реализации исследовательских проектов. Среди наиболее масштабных выделяется проект «Regional Authority Index (RAI)» (руководители Г. Маркс и Л. Хуг), в результате реализации которого собраны и закодированы информация по широкому кругу вопросов, касающихся полномочий административно-территориальных единиц субнациональных уровней, а также их взаимоотношений с органами центральной власти (Hooghe et al, 2016). В 2021 г. была опубликована новая, третья по счету версия RAI, где количество стран, охваченных кодировкой, достигло 96. Кроме того, в этой версии появился дополнительный сегмент RAI-Rokkan, где закодирована этническая, географическая и историческая

¹ В рамках сложившегося словоупотребления «регионы» выделяются на разном уровне: наднациональном (регион как группа стран), субнациональном (регион как часть территории страны) и транснациональном (регион охватывает части территории нескольких стран) (Яровой, 2007: 33). REG-MLG фокусируется на регионах субнационального уровня.

² Eurostat. [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (Access: 26.08.2021).

³ ОЭСР. [Электронный ресурс]. URL: <https://stats.oecd.org/> (Access: 26.08.2021).

специфика регионов. В целом, RAI содержит достаточно полную информацию как об институциональной автономии регионов стран Европы (self-rule), так и об институциональных возможностях включения регионов в политические процессы на национальном уровне (shared-rule), что имеет прямое отношение к многоуровневой политике. М. Татем, опираясь на методологию RAI, разработал индекс для измерения институциональных возможностей вовлечения регионов в принятие решений на уровне ЕС (Institutionalized regional involvement in the domestic EU policy-shaping process) (Tatham, 2011).

Несколько важных баз данных содержат обширную информацию о партийно-электоральных процессах в регионах стран Европы. Ряд проектов реализованы под руководством А. Шекеля. «Regionalist Parties» включает информацию о 227 регионалистских партиях в 329 регионах 18 европейских стран (Masseti & Schakel, 2016). «Regional Election Data» – электоральную статистику в региональном измерении по 30 странам за период с 1945 по 2015 г. (Schakel, 2013)¹. Заслуженное признание исследователей получил «Manifesto Project», в котором на основе контент-анализа предвыборных манифестов закодирована информация о позициях более 1000 политических партий 50 стран по наиболее актуальным проблемам (Volkens et al, 2018). «Chapel Hill expert surveys» ставит примерно ту же задачу – оценить позиции партий в европейских странах по ключевым вопросам повестки, но, в отличие от «Manifesto Project», этот проект и созданный набор данных основаны на экспертных опросах (Bakker et al, 2015). Эту же методологию используют авторы проекта «Ethnonationalism in Party Competition (EPAC)», результатом которого стала база данных об этнических, регионалистских и этнорегионалистских партиях в 22 странах Европы (Zuber & Szöcsik, 2019).

Одним из самых масштабных и амбициозных по своим целям является проект «European Quality of Government (EQI)». Применительно к отдельным странам тема качества управления давно разрабатывается Всемирным банком, но в рамках EQI впервые решена задача оценки качества управления на региональном уровне (для стран ЕС). В результате был создан, индекс, основанный на экспертных оценках (Charon et al, 2019). Кроме того, в процессе реализации этого проекта авторы систематизировали разнообразную информацию о социально-экономических параметрах регионов и представили ее в формате time-series data за 1990–2015 гг. в «QoG EU Regional dataset», который включает примерно 450 переменных. Другой амбициозный проект, «Regional Competitiveness Index (RCI)»², который реализуется при поддержке Европейской комиссии, нацелен на оценку конкурентоспособности регионов стран ЕС в сравнительной перспективе. Созданная база данных включает 70 индикаторов, которые в совокупности позволяют измерить способность региона создавать привлекательные и устойчивые условия для жизни и работы фирм и жителей.

Наконец, нельзя не назвать базы данных опросов общественного мнения, которые выполняются в европейских масштабах. С 1973 г. под эгидой Европейской комиссии в рамках программы «Eurobarometer» регулярно проводятся как стандартные (по широкой тематике), так и специальные опросы по отдельным наиболее актуальным вопросам. Накопленные почти за полвека результаты выложены в открытый доступ на специальном портале³. Другой масштабный проект – «European Social Survey (ESS)» – реализуется при поддержке European Science Foundation⁴. С 2002 г. опросы проводятся каждые два года. В отличие от Евробарометра, ESS реализуется и в некоторых европейских странах, которые не являются членами Евросоюза.

Таким образом, одна из задач REG-MLG заключалась в том, чтобы отобрать и извлечь из этих и других значимых баз и наборов данных показатели, которые позволяют проводить широкомасштабные large-N сравнительные исследования взаимосвязи регионализма и многоуровневой политики. Вместе с тем в REG-MLG эти данные не просто компилировались, а адаптировались применительно к спецификации региона как единице наблюдения.

Понятие региона в REG-MLG. Большинство баз и наборов данных, где регион выступает в качестве единицы наблюдения, опираются на NUTS (Nomenclature of territorial units for statistics) – европейскую классификацию АТЕ, созданную с целью систематизации статистики, анализа данных и

¹ В настоящее время эти базы данных обновляются в рамках проекта: «Observatory on Regional Democracy». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.arjanschakel.nl/index.php/ord> (Access: 26.08.2021).

² European Regional Competitiveness Index. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/en/information/maps/regional_competitiveness/ (Access: 26.08.2021).

³ Eurobarometer Data Service. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gesis.org/en/eurobarometer-data-service/home> (Access: 26.08.2021).

⁴ European Social Survey. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.europeansocialsurvey.org/> (Access: 26.08.2021).

реализации региональной политики ЕС¹. В этой классификации территориальные единицы европейских стран разделены на 3 уровня: NUTS 1 (основные социально-экономические регионы), NUTS 2 (базовые регионы для реализации региональной политики ЕС и NUTS 3 (небольшие регионы для специфических целей).

Такой подход, удобный для представления статистических данных, оказывается не вполне адекватным для исследования регионализма и многоуровневой политики. Регионализм и многоуровневая политика получают развитие в контексте *политико-административных регионов* – таких административно-территориальных единиц (АТЕ), которые имеют «свои центры власти» – властные институты, обладающие собственными полномочиями. Благодаря этому регион (как минимум, потенциально) обладает политической субъектностью в многоуровневых взаимодействиях, а борьба за контроль над «центрами власти» является одной из целей регионалистских движений, тогда как при отсутствии таких центров регионализм в значительной мере теряет смысл². Кроме того, региональным принято обозначать «мезо-уровень» публичной власти, который располагается между национальным уровнем и местным самоуправлением (Abels & Battke, 2019: 6), то есть муниципалитеты в таком понимании не относятся к регионам.

Таким образом, в рамках данного проекта операциональный критерий «региона» – наличие в АТЕ субнационального (но не муниципального) уровня³ представительного органа власти, обладающего собственными полномочиями⁴. Под этот критерий не подходят ни так называемые «административные регионы», в которых органы власти являются подразделениями центрального правительства, ни тем более «статистические регионы», которые вообще не являются АТЕ. Соответственно, в таком понимании во многих государствах Европы (Кипр, Словения, Северная Македония и т.д.) регионы отсутствуют, а в некоторых обнаруживаются только на части территории страны (Шотландия, Уэльс и Северная Ирландия в Великобритании, Азоры и Мадейра в Португалии, Воеводина в Сербии и Гагаузия в Молдове).

В результате общее количество наблюдений в REG-MLG составляет 418 единиц (все АТЕ, которые соответствуют понятию региона в 28 странах Европы⁵). Так как регионы определялись по политико-административным критериям, в разных странах они соответствуют NUTS разного уровня. К примеру, в Германии регионы – это земли, они относятся к категории NUTS 1, в Италии – области, которые являются NUTS 2, а почти в половине стран регионы обнаруживаются только на уровне NUTS 3. Поскольку вся информация в REG-MLG «привязана» к регионам как единицам наблюдения, это требовало существенно трансформировать данные, извлеченные из других баз, если они систематизированы по классификации NUTS.

Кроме того, некоторые важные для исследования регионализма и многоуровневой политики параметры регионов в имеющихся базах и наборах данных отсутствуют в готовом виде, и их кодировка производилась на основе поиска релевантной информации в первичных источниках. Характеристики институциональной структуры органов власти в регионах, например, кодировались на основании разнообразных справочных материалов, а также официальных сайтов органов власти. В других случаях параметры регионов кодировались самостоятельно, поскольку их кодировки в имеющихся базах недостаточно корректны. Кодировка исторической и социокультурной специфики регионов, сделанная в рамках RAI-Rokkan, к примеру, оказалась слишком упрощенной. Поэтому в первом случае за основу (в несколько скорректированном виде) был взят индекс исторической специфики, разработанный Р. Фитъяром (Fitjar, 2010). Опираясь на его методологию, историческая специфика регионов была закодирована на основе различных справочников по истории стран и регионов Европы, а также исторических карт Европы за отдельные временные отрезки (проект «World Historical GIS Data»), представленных в формате shapefile⁶. В программе Arc-GIS они были

¹ NUTS. [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/nuts/background> (Access: 26.08.2021).

² Есть особые случаи, когда регионалистское движение выступает с требованием создания нового политико-административного региона, но и они так или иначе «привязаны» к одному или нескольким существующим политико-административным регионам.

³ Если в стране более одного «мезоуровня» публичной власти (например, Франция – регионы и департаменты), в качестве «региона» в REG-MLG рассматривается «верхний» из них, то есть первый субнациональный.

⁴ В большинстве случаев он избирается, но в REG-MLG включены и те регионы, где представительный орган формируется из представителей муниципалитетов: Албания, Болгария, Литва, Финляндия (кроме Аландов, где региональный парламент избирается).

⁵ Без учета России, для которой в базе создан отдельный сегмент.

⁶ World Historical GIS Data: 2000 BCE to 1994 CE. [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20080328104539/http://library.thinkquest.org/80/C006628/download.html> (Access: 26.08.2021).

наложены на карты политико-административных границ (GADM¹), это позволило определить, к какому государству принадлежал каждый регион в соответствующие периоды времени. Применение GIS-технологий позволило дополнить и социокультурную специфику регионов. Здесь на карты политико-административных границ были наложены карты локализации языковых меньшинств из проекта «Language Diversity»².

Регионализм в REG-MLG. Как было отмечено выше, одна из коннотаций регионализма по существу является проявлением многоуровневой политики, поэтому REG-MLG фокусируется на двух первых коннотациях. Регионализм как интенсивная региональная идентичность закодирован на основании результатов опросов общественного мнения в Евробарометре по таким позициям, как «привязанность» (attached to...) к городу, региону, стране (были взяты медианные значения). Поскольку вследствие специфических традиций по идентификации себя с неким сообществом страновые различия достаточно велики, были рассчитаны отклонения медианного значения по региону от среднего по стране. Кроме того, значения идентификации с регионом были соотнесены с другими идентичностями («привязанность» к городу и стране), что в результате позволило получить итоговое значение интенсивности региональной идентичности для каждого региона.

Что касается регионализма как движения, он предполагает наличие в политическом пространстве регионалистов – акторов, которые стремятся к обретению регионом политической субъектности. Хотя в качестве таких акторов могут выступать общественные организации, наиболее явным проявлением регионализма на политической арене являются регионалистские политические партии. Они достаточно конвенционально (см., например: De Winter & Türsan, 1998; Dandoy, 2010; Massetti & Schakel, 2016 и др.) определяются как партии, которые, во-первых, являются региональными (non-state-wide-parties – NSWД), то есть в отличие от общенациональных партий (state-wide parties), проявляют активность, в том числе электоральную, в одном (или нескольких) регионах, и во-вторых, выдвигают регионалистские по своему характеру требования, то есть стремятся к получению регионом автономии (в той или иной форме), увеличению объема полномочий региона, повышению качества их реализации и т.д.

На основе анализа электоральной статистики (общенациональные и региональные выборы) были выделены все партии, соответствующие первому критерию (NSWD), а изучение их программ / электоральных манифестов позволило проверить эти партии на наличие регионалистских требований³. В отдельную секцию REG-MLG включены все «значимые» регионалистские партии, то есть те, которые получали хотя бы одно место в региональном парламенте в двух из трех последних электоральных циклов или 1 раз, но в последнем цикле. В основной секции базы данных сила регионалистских партий (на разных уровнях и в разных измерениях – электоральная, парламентская, правительственная) спроецирована на регионы как единицы наблюдения. В случае, если в регионе выявлены несколько регионалистских партий, их результаты суммировались. Итоговыми индикаторами силы регионализма в регионе являются агрегированные показатели по электоральным, парламентским и правительственным результатам регионалистских партий за три последних электоральных цикла.

Многоуровневая политика в REG-MLG. Regional Authority Index и созданный в той же логике применительно к вовлечению регионов в политический процесс на уровне ЕС индекс М. Татема измеряют институциональные возможности включения регионов в многоуровневую политику, однако для исследования реализации этих возможностей эти индексы недостаточны. За исключением регионов с особым статусом, институциональные возможности всех регионов в отдельной стране в большинстве случаев одинаковы. В Германии, к примеру, суммарное значение shared-rule для всех земель составляет «12», в Нидерландах – «7,5», во Франции – «0». Очевидно, однако, что регионы используют имеющиеся у них возможности по-разному, а если таковые отсутствуют, это не означает, что регионы никак не вовлекаются в многоуровневые взаимодействия. Поэтому одной из ключевых задач при создании REG-MLG был поиск таких индикаторов, которые бы показывали реальную вовлеченность регионов в многоуровневую политику. С этой целью были тщательно изучены

¹ Database of Global Administrative Areas. [Электронный ресурс]. URL: <https://gadm.org/> (Access: 26.08.2021).

² Language Diversity. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.map.language-diversity.eu> (Access: 26.08.2021).

³ Несмотря на то, что, как отмечалось выше, имеются базы данных по электоральной статистике, они ограничены периодом наблюдений, а в базах данных по позициям политических партий отсутствуют многие регионалистские партии в силу их незначимости на национальной арене. По этим причинам при кодировке регионалистских партий использовались первичные источники: страновая электоральная статистика и программы политических партий, выложенные на их официальных сайтах.

разнообразные первичные источники – многочисленные веб-сайты различных органов ЕС, официальные издания национальных органов власти различных стран, в том числе базы данных парламентов, судов и т.д. В результате были разработаны несколько индикаторов, по которым из первичных источников извлечена и закодирована релевантная информация.

Применительно к реализации институциональных возможностей взаимодействия регионов с национальными органами власти в качестве индикаторов были определены активность регионов в реализации права законодательной инициативы на национальном уровне и права на обращение в Конституционный суд страны против национальных органов власти (в случаях, когда регионы располагают таким возможностями).

Что касается европейского уровня взаимодействий, в REG-MLG включены несколько показателей, которые достаточно точно отражают степень вовлеченности регионов, причем не только органов власти, но и негосударственных акторов, что весьма важно с точки зрения концепции MLG. Один из наиболее важных индикаторов касается взаимодействия региональных акторов с органами Евросоюза. Для упорядочения и регулирования такого взаимодействия ведется Transparency Register (TR) – реестр организаций (юридических лиц), деятельность которых претендует на влияние на политику Европейского союза через Европарламент и Еврокомиссию¹. Всего в TR примерно 11 тыс. записей. Организации разделены на 6 категорий (профессиональные лоббисты, НКО, муниципалитеты и региональные органы власти и т.д.). Для каждой организации указаны такие параметры, как наличие офиса в Брюсселе, бюджет, участие в экспертных группах и т.п., а также юридический адрес. На основании последнего все организации были «привязаны» к регионам стран Европы, что позволило определить количество организации для каждого региона.

Другой показатель – вовлеченность региональных акторов, в том числе негосударственных, в реализацию европейских проектов межрегиональной кооперации (INTERREG). Источником информации стал сервис «Кеер.eu»², который предназначен для актуальных и потенциальных участников территориальной кооперации и содержит агрегированные данные о всех проектах и бенефициарах программ INTERREG за периоды 2000–2006, 2007–2013 и 2014–2020 гг. Эта информация была извлечена, систематизирована и трансформирована таким образом, чтобы определить для каждого региона количество проектов, в которых он принимал участие, количество организаций от региона, которые в рассматриваемый период были партнёрами (участниками) в проектах Европейского союза и т.д. Кроме того, в рамках проектов европейской кооперации получили развитие такие структуры, как «еврорегионы». На основе списка существующих еврорегионов с перечнем их участников (Durà et al, 2018) было рассчитано количество еврорегионов, в которых участвует регион как единица наблюдения в базе.

Кроме того, из первичных источников были извлечены и включены в REG-MLG такие индикаторы, характеризующие вовлеченность регионов в многоуровневую политику, как участие в мониторинге решений ЕС на предмет subsidiarity³, обращения регионов в Европейский суд⁴, наличие у региона официального представительства (офиса) в Брюсселе и некоторые другие.

Структура REG-MLG. REG-MLG размещена в открытом доступе на сайте проекта⁵. Она состоит из нескольких взаимосвязанных сегментов – «секций». Центральное место занимает Секция 1 (единица наблюдения – регион), в которую включены специфические характеристики регионов, а также показатели, характеризующие регионализм и вовлеченность регионов в многоуровневую политику. Всего в секции 270 переменных, которые разделены на семь блоков. Секция 2 (единица наблюдения – страна) содержит страновые показатели, которые могут быть востребованы для проведения кроссрегионального сравнительного анализа либо как параметры второго уровня (в случае многоуровневого моделирования), либо как контрольные переменные. Здесь же представлены те страновые индикаторы, на основании которых были рассчитаны многие показатели в Секции 1. В Секции 3 (единица наблюдения – регионалистская партия) представлены характеристики регионалистских партий, на основе которых закодированы показатели регионализма в Секции 1.

¹ Transparency Register. [Электронный ресурс].

URL: <http://ec.europa.eu/transparencyregister/public/homePage.do?redir=false&locale=en> (Access: 26.08.2021).

² Keep.eu. [Электронный ресурс]. URL: <https://keep.eu/about-keep-eu/> (Access: 26.08.2021).

³ Данные об активности регионов содержатся на портале REGPEX. [Электронный ресурс]. URL: <https://portal.cor.europa.eu/subsidiarity/regpex/Pages/default.aspx> (Access: 26.08.2021).

⁴ База данных актов Европейского суда. [Электронный ресурс]. URL: https://curia.europa.eu/jcms/jcms/j_6/en/ (Access: 26.08.2021).

⁵ База данных REG-MLG. [Электронный ресурс]. URL: <http://identityworld.ru/index/srdmp/0-25#tab5> (Access: 26.08.2021).

Отдельный сегмент REG-MLG – Российская Федерация. Единица наблюдения – регион как субъект РФ. В базу включены все 85 субъектов РФ¹. Выделение российских регионов в отдельный сегмент обусловлено тем, что регионалистские политические партии отсутствуют в России, и регионализм имеет преимущественно латентный характер. Соответственно, для фиксации и кодировки регионализма разработаны иные индикаторы, чем для регионов других стран Европы.

* * *

Таким образом, оригинальность REG-MLG определяется, во-первых, тем, что единицей наблюдения являются не статистические, а политико-административные регионы европейских стран, то есть АТЕ первого субнационального уровня, в которых имеются органы власти, обладающие значительными собственными полномочиями. Именно к этим регионам привязана вся информация, извлеченная из других баз и наборов данных, что дает необходимую для сравнения регионов разных стран сопоставимость. Во-вторых, значительная часть показателей, представленных в REG-MLG, закодирована впервые на основании информации из первичных источников. В первую очередь это касается характеристик регионализма и многоуровневой политики. Ключевое значение имеет то, что индикаторы, разработанные в REG-MLG, позволяют измерить реализацию институциональных возможностей, то есть реальную вовлеченность регионов в многоуровневые взаимодействия.

На материале REG-MLG проведена серия large-N сравнительных исследований. Ярким примером вовлечения регионов многоуровневую политику на национальном уровне является их активность в законотворческой деятельности на национальном уровне и в обращениях в Конституционный суд (в тех странах, где для этого есть институциональные возможности). В результате сравнительного исследования установлено, что, хотя наиболее значимым предиктором оказываются страновые особенности, сила регионалистских партий позитивно воздействует на активность регионов – как по общей выборке, так и по отдельным странам. Менее устойчиво влияние ресурсных возможностей регионов и их специфики (Сулимов, 2021).

Что касается вовлеченности регионов в многоуровневые взаимодействия на европейском уровне, на материале REG-MLG проведен анализ, который доказывает, что сила регионализма положительно влияет на участие региональных акторов в проектах европейской территориальной кооперации INTERREG. Вместе с тем эта взаимосвязь более явно прослеживается в странах «старой» Европы, где сила регионалистских партий воздействует на интенсивность участия региональных акторов в INTERREG примерно в той же степени, как «ресурсность» регионов и их пограничное положение. В регионах «новой» Европы влияние силы регионалистских партий теряет статистическую значимость, и на первый план наряду с «ресурсностью» и пограничным положением регионов выходят их лоббистские возможности в органах Европейского союза (Панов, 2021). В другом исследовании рассматривается еще такой аспект вовлеченности регионов в европейскую политику, как «еврорегионы», институционализированные трансграничные объединения. По результатам анализа выяснилось, что сила регионализма не оказывает существенного воздействия на включение регионов в «еврорегионы». Однако далеко не все «еврорегионы» являются активно действующими объединениями, и, как показало исследование, наличие сильной регионалистской партии хотя бы в одном из регионов, входящем в состав трансграничного объединения, значимо связано с тем, что такой еврорегион будет активным в своей деятельности (Гилева и Шевцова, 2021).

В исследовании, посвященном влиянию регионализма по политические курсы, протестирована гипотеза о том, что регионалистские партии являются значимым фактором вовлеченности субнациональных акторов в языковую политику. Поскольку рамки языковой политики в отношении меньшинств задаются принятой Советом Европы Хартией региональных языков и языков меньшинств, языковая политика в Европе является ярким примером MLG. Сравнительный анализ 134 регионов стран, ратифицировавших Хартию, подтвердил, что сила регионалистских партий позитивно влияет на масштабы гарантий и преференций, которые получают языки меньшинств в регионах (Борисова и Панов, 2021).

Таким образом, REG-MLG позволяет проводить широкомасштабные large-N сравнительные исследования взаимосвязи регионализма и многоуровневой политики.

¹ По состоянию текущий момент. Те субъекты РФ, которые прекратили свое существование в результате объединений (Агинский Бурятский АО, Коми-Пермяцкий АО, Корякский АО, Таймырский (Долгано-Ненецкий) АО, Усть-Ордынский Бурятский АО, Эвенкийский АО), не включены в REG-MLG.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00053 «Субнациональный регионализм и динамика многоуровневой политики (российские и европейские практики)») в Пермском федеральном исследовательском центре УрО РАН.

Список литературы / References

- Борисова, Н. В., Панов, П. В. (2021) 'Регионализм и многоуровневая политика по языковому вопросу в странах Европы', *готовится к печати*. [Borisova, N. V., Panov, P. V. (2021) 'Regionalism and Multi-Level Governance on Language Policy in European Countries' [Regionalizm i mnogourovnevaya politika po yazykovomu voprosu v stranah Evropy], *forthcoming*. (In Russ.)].
- Гилева, А. И., Шевцова, И. К. (2021) 'Имеют ли значение регионалистские партии? Факторы активности еврорегионов в Европейском союзе' *Вестник Пермского университета. Политология*, 4, сс. 49–62. [Gileva, A. I., Shevtsova, I. K. (2021) 'Do Regionalist Parties Matter? Factors of Euroregions' Activity in the European Union [Imeyut li znachenie regionalistskie partii? Faktory aktivnosti evroregionov v Evropejskom soyuze], *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, 4, pp. 49–62. (In Russ.)].
- Панов, П. В. (2020) 'Многоликий регионализм', *Вестник Пермского университета. Политология*, 1, сс. 102–115. [Panov, P. V. (2020) 'Many Faces of Regionalism' [Mnogolikij regionalizm], *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, 1, pp. 102–115. (In Russ.)].
- Панов, П. В. (2021) 'Регионализм и многоуровневая политика: участие региональных акторов в европейских проектах', *Вестник Пермского федерального исследовательского центра*, 2, сс. 72–82. [Panov, P. V. (2021) 'Regionalism and Multi-Level Politics: Participation of Regional Actors in the European Projects' [Regionalizm i mnogourovnevaya politika: uchastie regional'nyh aktorov v evropejskih proektah], *Vestnik Permskogo federal'nogo issledovatel'skogo centra*, 2, pp. 72–82. (In Russ.)]. DOI: 10.7242/2658-705X/2021.2.7.
- Сулимов, К. А. (2021) 'Регионализм как драйвер активности европейских регионов в отношениях с центром', *готовится к печати*. [Sulimov, K. A. (2021) 'Regionalism as a Driver of European Regions' Activity in Their Relations with the National Authorities' [Regionalizm kak drajver aktivnosti evropejskih regionov v otnosheniyah s centrom], *forthcoming*. (In Russ.)].
- Яровой, Г. О. (2007) *Регионализм и трансграничное сотрудничество в Европе*. Санкт-Петербург: Норма [Yarovoij, G. O. (2007) *Regionalism and trans-border cooperation in Europe* [Regionalizm i transgranichnoe sotrudnichestvo v Evrope]. Sankt-Petersburg: Norma. (In Russ.)].
- Abels, G., Battke, J. (eds.) (2019) *Regional governance in the EU: regions and the future of Europe*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
- Alcantara, C., Broschek, J., Nelles, J. (2016) 'Rethinking Multilevel Governance as an Instance of Multilevel Politics: A Conceptual Strategy'. *Territory, Politics, Governance*, 1, pp. 33–51. DOI: 10.1080/21622671.2015.1047897.
- Bakker, R., de Vries, C., Edwards, E., Hooghe, L., Jolly, S., Marks, G., Polk, J., Rovny, J., Steenbergen, M., Vachudova, M. (2015) 'Measuring party positions in Europe: The Chapel Hill expert survey trend file, 1999–2010'. *Party Politics*, 1, pp. 143–152. DOI: 10.1177/1354068812462931.
- Charron, N., Lapuente, V., Annoni, P. (2019) 'Measuring Quality of Government in EU Regions Across Space and Time'. *Papers in Regional Science*, 98, pp. 1925–1953. DOI: 10.1111/pirs.12437.
- Dandoy, R. (2010) 'Ethno-regionalist parties in Europe: a typology'. *Perspectives on Federalism*, 2, pp. 194–220.
- De Winter, L., Türsan, H. (eds.) (1998) *Regionalist parties in Western Europe*. London: Routledge.
- Durà, A., Camonita, F., Berzi, M., Noferini, A. (2018) Euroregions, Excellence and Innovation across EU borders. A Catalogue of Good Practices. Barcelona, Department of Geography, UAB, 254 p.
- Enderlein, H., Wälti, S., Zürn, M. (eds.) (2010) *Handbook on Multi-Level Governance*

- Northampton, MA: Edward Elgar Publishing, 504 p.
- Fitjar, R. (2010) 'Explaining variation in sub-state regional identities in Western Europe'. *European Journal of Political Research*, 4, pp. 522–544. DOI: 10.1111/j.1475-6765.2009.01907.x.
- Hepburn, E. (2009) 'Introduction: Reconceptualizing Sub-State Mobilization'. *Regional & Federal Studies*, 4–5, pp. 477–499.
- Hooghe, L., Marks, G. (2001) *Multi-Level Governance and European Integration*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield. 256 p.
- Hooghe, L., Marks, G. (2003) 'Unraveling the Central State, but How? Types of Multi-Level Governance'. *American Political Science Review*, 2, pp. 233–243.
- Hooghe, L., Marks, G., Schakel, A., Osterkat, S., Niedzwiecki, S., Shair-Rosenfield, S. (2016) *Measuring Regional Authority*. Oxford: OUP.
- Keating, M. (1998) *The New Regionalism in Western Europe. Territorial Restructuring and Political Change*. Aldershot: Edward Elgar.
- Loughlin, J. (2021) 'Regions in Europe and Europe of the regions'. *Regional & Federal Studies*, 1, pp. 25–30. DOI: 10.1080/13597566.2019.1681405.
- Massetti, E., Schakel, A. (2016) 'Between autonomy and secession: decentralization and regionalist party ideological radicalism.' *Party Politics*, 1, pp. 59–79. DOI: 10.1177/1354068813511380.
- Schakel, A. (2013) 'Congruence between regional and national elections'. *Comparative Political Studies*, 5, pp. 631–662. DOI: 10.1177/0010414011424112.
- Schakel, A. (2020) 'Multi-level governance in a 'Europe with the regions''. *British Journal of Politics and International Relations*, 4, pp. 767–775. DOI: 10.1177/1369148120937982.
- Stephenson, P. (2013) 'Twenty Years of Multi-Level Governance: 'Where Does It Come From? What Is It? Where Is It Going?'. *Journal of European Public Policy*, 6, pp. 817–837. DOI: 10.1080/13501763.2013.781818.
- Tatham, M. (2011) 'Devolution and EU policy-shaping: bridging the gap between multi-level governance and liberal intergovernmentalism'. *European Political Science Review*, 1, pp. 53–81. DOI: 10.1017/S1755773910000329.
- Volkens, A., Krause, W., Lehmann, P., Matthieß, T., Merz, N., Regel, S., Weßels, B. (2018) *The Manifesto Data Collection. Manifesto Project (MRG / CMP / MARPOR)*. Version 2018b. Berlin: Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung (WZB). DOI: 10.25522/manifesto.mpd.2018b.
- Zuber Christina Isabel & Edina Szöcsik (2018): The second edition of the EPAC expert survey on ethnonationalism in party competition – testing for validity and reliability, *Regional & Federal Studies*, 1, pp. 91–113. DOI: 10.1080/13597566.2018.1512975.

Статья поступила в редакцию: 10.09.2021

Статья принята к печати: 20.10.2021

DATABASE «SUBNATIONAL REGIONALISM AND MULTI-LEVEL GOVERNANCE (REG-MLG)»

P. V. Panov

P. V. Panov, Doctor of Political Science, Chief Researcher,
Perm Federal Research Center, Ural Branch Russian Academy of Sciences.
E-mail: panov.petr@gmail.com (ORCID: 0000-0002-0759-7618. ResearcherID: O-2160-2016).

Abstract

The system of national states as territorially organized polities remains the core of the political order, but their configuration becomes more complex, the forms and mechanisms, principles and results of interaction between territorial political units of different levels are changing. In this context, scholars focus on such phenomena as multi-level governance (MLG) and regionalism that is one of the most important factors influencing the depth of political transformations and the degree of development of MLG. Despite the large amount of studies on different issues, the relationship between regionalism and multi-level governance needs more systematic research, specifically large-N comparative studies. For the purpose of carrying out this kind of

studies, the Database «Subnational Regionalism and Multi-Level Governance (REG-MLG)» has been created. This article describes the general characteristics and structure of the REG-MLG, demonstrates its differences from other databases and datasets, and presents some examples of large-N comparative studies carried out on the basis of the REG-MLG.

Keywords: regionalism; multi-level governance; database; comparative analysis.

Acknowledgements: The reported study was supported by the Russian Science Foundation under Grant №19-18-00053 "Subnational Regionalism and Dynamics of Multi-Level Politics (Russian and European Practices)", Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

УДК-323.2

DOI: 10.17072/2218-1067-2021-4-121-130

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНЕТ-АКТИВИЗМ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ОСНОВНЫХ ФОРМ И МОДЕЛЕЙ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. А. Брюханова

Брюханова Анастасия Андреевна, аспирант Аспирантской школы по социологическим наукам, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, Москва.
E-mail: briukhanovaa@mail.ru (ORCID: 0000-0003-4412-3814).

Аннотация

Представлен обзор теоретических подходов к исследованию интернет-активизма. Центральная проблема данной статьи – рассогласованность исследовательского поля интернет-активизма. Часть исследователей придерживаются мнения, что нет необходимости в создании новых теоретических подходов к изучению интернет-активизма. Противоположная точка зрения указывает на принципиальные отличия интернет-активизма и выступает за разработку специального теоретического подхода. В то же время, существует промежуточное мнение, которое предлагает адаптировать модели анализа социальных движений для исследования интернет-активизма. Основываясь на анализе исследований, придерживающихся указанных подходов, мы приходим к выводу, что последняя позиция является наиболее продуктивной, так как позволяет рассмотреть конкретные кейсы интернет-активизма и определить, какие составляющие интернет-активизма отличают его от социальных движений, а какие, напротив, сближают. Данный подход даст обоснования для формирования теоретической базы для изучения интернет-активизма. Кроме того, обзор освещает многообразие терминов, обозначающих интернет-активизм и его различные формы. Авторский анализ публикаций в базе данных Web of Science Core Collection позволил определить, что для обозначения интернет-активизма наиболее предпочтительным является термин «digital activism» (интернет-активизм в русскоязычных исследованиях). Данный анализ может помочь в установлении согласованности в исследовательском поле интернет-активизма.

Ключевые слова: цифровой активизм; киберактивизм; активизм социальных медиа; интернет-активизм; виртуальный активизм; формы интернет-активизма; цифровой активизм; хештег-активизм; логика соединительных действий; логика коллективных действий.

Введение

Быстрый рост использования информационных технологий в политической деятельности, их многообразие и неоднозначные последствия сделали интернет-активизм актуальной темой политических исследований. В связи с новизной феномена возникло большое количество новых терминов, обозначающих как само явление, так и его формы. Кроме самого понятия, недостаточно осмыслено место интернет-активизма и традиционных форм политического участия в современной социальной и политической теории, масштабы изменений, вызванных использованием сети, перспективы встраивания интернет-активизма в теорию социальных движений. Большое количество открытых вопросов привело к появлению разных, иногда противоположных, точек зрения. В данной статье мы представляем обзор основных трех групп концептуальных и теоретических подходов к изучению интернет-активизма. На основе сравнения исследований, придерживающихся данных подходов, мы обозначаем возможности их оптимизации. Кроме того, даем краткий экскурс в историю интернет-активизма.

Таким образом, обзор статей, приведенных в данном тексте, отражает различные точки зрения на соотношение теории социальных движений и исследований интернет-активизма. Подходы были сформированы в зависимости от того, как смоделированы исследования и в какой степени они опирались на теорию социальных движений. Для того, чтобы осветить, какие бывают теоретические подходы к исследованию интернет-активизма, мы также сделали обзор терминов, которыми пользу-

ются исследователи для обозначения интернет-активизма и его форм, так как отсутствие единого понятийного аппарата и акцент на разных формах интернет-активизма вносят свой вклад в разногласие между подходами.

Интернет-активизм: понятие и основные формы

В настоящее время используется довольно широкий набор терминов, обозначающих интернет-активизм: «цифровой активизм» (digital activism), «киберактивизм» (cyberactivism), «интернет-активизм» (internet-activism), «виртуальный активизм» (virtual activism), «активизм социальных сетей» (social media activism) и др. (Digital Activism Decoded..., 2010; Gerbaudo, 2017). Такое разнообразие, хотя и вполне естественно, но приводит к рассогласованности исследовательского поля.

Для того, чтобы определить какой термин является адекватным и наиболее используемым, был проведен количественный анализ публикаций в базе данных Web of Science Core Collection.¹ Анализ показал (см. табл. 1), что термин «цифровой активизм» является наиболее используемым. В русскоязычных исследованиях также чаще всего применяется понятие «интернет-активизм». Данный вывод может помочь в установлении единообразия и согласованности в исследовательском поле интернет-активизма, так как рассеивание исследований между взаимозаменяемыми понятиями препятствует преемственности и обмену результатами.

Таблица 1

Сравнение частоты использования терминов для обозначения интернет-активизма

Термины	Всего публикаций	Год последней публикации	Мак число цитирований	Итоговый балл
Digital activism	273	2021	293	0,99
Cyberactivism	128	2021	129	0,56
Social media activism	102	2021	119	0,48
Internet activism	58	2020	306	0,31
Virtual activism	9	2020	40	0,00

Источник: Web of Science Core Collection

Все исследователи отмечают многозначность термина «цифровой активизм», затрудняющий уточнение содержания понятия. Чаще используются широкие интерпретации понятия. На основе обзора исследований в области цифрового активизма А. Каун и Д. Ульдам (Kaun & Uldam, 2018) приходят к выводу, что «он может быть использован для обозначения активизма, использующего любые устройства с доступом в сеть, форм хактивизма, хештег-активизма, а также применения цифровых медиа в политических целях». (Kahn & Kellner, 2004). Другие исследователи также определяют «интернет-активизм» как наиболее широкое понятие, охватывающее его различные формы. Кроме хактивизма и хештег-активизма, также выделяются такие формы интернет-активизма, как «push-button» (Petraу, 2011) или слактивизм (McClennen, 2017).

Под хештег-активизмом понимается протестная деятельность, использующая хештеги в качестве главного инструмента для привлечения внимания общественности к проблеме и побуждению к активному обсуждению в социальных сетях. (Tombleson, 2017). Примерами хештег-активизма являются такие движения, как #bringourgirlsback, #equalityforall, #blacklivesmatter. В России хештег-активизм приобрел популярность сравнительно недавно, в качестве наиболее известных акций можно назвать российскую аналогию движения #metoo - #янебоюсьсказать и протесты в поддержку Ивана Голунова и Павла Устинова (#ямыиванголунов, #ямыпавелустинов). Данная форма интернет-

¹ Были посчитаны такие параметры, как количество публикаций, с упоминанием искомого понятия во всех полях статьи, в теме и в заголовке, год последней публикации (для установления, что термин является актуальным и использовался в недавних статьях), максимальное количество цитирований статьи, содержащей искомое слово. Показатели по каждому параметру были приведены к виду от 0 до 1, для определения итогового балла бралось среднее арифметическое. Все используемые значения и алгоритм поиска представлены в табл. 3 и 4.

активизма чаще всего встречается в исследованиях интернет-активизма (см. табл. 2).

Таблица 2

Формы интернет-активизма, наиболее часто встречающиеся в публикациях

Формы интернет-активизма	Всего публикаций	Год последней публикации	Мах число цитирований	Итоговый балл
Hashtag activism	76	2021	293	1,00
Data activism	65	2021	98	0,73
Hactivism	40	2020	58	0,45
Networked social movement	31	2021	74	0,43
Assertion	17	2021	29	0,29
Exposure	6	2021	52	0,26
Political consumerism	6	2021	13	0,23
Slactivism	7	2020	23	0,23
Botivism	2	2020	12	0,19
Digital petitions	2	2020	12	0,19
E-funding	1	2019	12	0,16
Metavoicing	1	2019	12	0,16
Push-button activism	1	2011	40	0,02

Источник: Web of Science Core Collection

Одной из форм интернет-активизма, часто привлекающей внимание исследователей, является слактивизм (иногда используют понятия «push-button» активизм, кликтивизм) (Kavada, 2015; Majchrzak et al., 2013; Baym, 2013). Термины слактивизм или кликтивизм используются для определения активизма, ограничивающегося лайками постов движения или их репостами (Vitak et al., 2011, cited in George & Leidner, 2019: 4). Некоторые исследования характеризуют слактивизм как форму протеста с минимальными рисками (Neumayer & Svensson, 2016), так как он не требует активных действий. Относительно данного явления пока остается много вопросов, например, не определены вклад слактивизма пользователей в развитие протеста и вероятность того, что пользователи перейдут от слактивизма к активным действиям. Хактивизм, в свою очередь, подразумевает незаконное использование компьютерных сетей с целью продвижения политических идей, идей свободы слова и защиты прав человека (Goode, 2015).

К указанному перечню форм Дж. Джордж, Д. Лейднер добавляют метавойсинг (metavoicing, все формы репостов и комментирования постов других авторов в социальных сетях), *assertion* (создание контента, то есть создание информационного поста, он может принимать любой вид, в том числе видео-, аудио-, картинок или текста), *e-funding* (использование технологий для получения финансирования для активистской деятельности, начиная со сбора средств на сайте организации или в социальных сетях, заканчивая майнингом криптовалюты), политический консьюмеризм (political consumerism, практика финансовой поддержки компаний, придерживающихся близких активисту принципов и бойкотирование компаний, нарушающих эти принципы, данный вид активизма существует как онлайн, так и офлайн, но он приобретает большее значение, когда становится вирусным в социальных сетях), цифровые петиции (digital petitions, данная практика является распространенной, но отличается в различных странах; общая концепция заключается в составлении запроса в правительство страны или другие структуры, который должен собрать определенное количество подписей для того, чтобы получить ответ), ботивизм (botivism, данный термин образован из слияния двух слов «бот» и «активизм», он применяется к активизму, который использует ботов в своей деятельности), активизм, основанный на данных (data activism, включает в себя все формы активизма, направленного на борьбу с

неравенством в доступе к данным и их обработке), *exposure* (несанкционированное распространение конфиденциальной информации), и др (George & Leidner, 2019).

Несколько особняком в перечне основных форм интернет-активизма стоят «гибридные (сетевые) социальные движения». Под ними понимаются социальные движения, в основе организации которых лежит использование информационно-коммуникационных технологий, в частности, социальных медиа. Сетевые социальные движения впервые стали объектом изучения М. Кастельсом, Дж. Донованом и Дж. Джурисом (Castells, 2012; Donovan, 2016; Juris, 2012). Если представить формы протестов на одной прямой в зависимости от того, насколько они виртуальны, то сетевые социальные движения будут находиться посередине между хештег-активизмом и социальными движениями. Отличительной особенностью сетевых социальных движений является наличие офлайн-протестов. Дж. Донован подчеркивает, что в случае с сетевыми социальными движениями, информационно-коммуникационные технологии позволяют сформировать сообщества и коллективную идентичность. Примерами сетевых социальных движений являются Occupy Wall Street, Indignados (15M).

Все обозначенные выше формы активности в разной степени стали объектами исследований (см. табл. 2), но по-видимому можно считать, что приведенный выше перечень в целом охватывает все формы интернет-активизма. Анализ публикаций показал, что такие составляющие, как хештег-активизм, активизм, основанный на данных, и хактивизм чаще становятся самостоятельными объектами исследования. Анализ позволил увидеть, какие формы интернет-активизма имеют больше значения для исследовательского поля.

Этапы развития цифрового активизма

В современной литературе встречается несколько периодизаций интернет-активизма. А. Каратцоянни выделяет 4 волны интернет-активизма: (1) движение Сапатиста 1994 г. и движение антиглобалистов, (2) вспышка интернет-активизма 2001–2007 гг., по большей части, организованного против войны в Ираке, (3) волна интернет активизма после 2007 г. в странах БРИКС, которая вытекала из интернет-активизма в Европе и США 2001–2007 гг., (4) волна активизма в 2010–2013 гг., преимущественно связанная с государственным наблюдением, раскрытая Wikileaks (Karatzogianni, 2015). Однако данная периодизация ограничивается исключительно деятельностью на просторах Интернета и не учитывает гибридные формы активизма, например, такие как Occupy Wall Street.

П. Джербаудо (P. Gerbaudo) ограничивается только двумя этапами в развитии цифрового активизма: 1) развитие автономных протестов исключительно в Интернете (до 2010 г.); 2) развитие гибридных форм протестов (с 2010 г.) (Gerbaudo, 2017). Обе периодизации указывают на существенные различия интернет-активизма в разные временные периоды.

Теоретические подходы

В объяснении феномена интернет-активизма имеет место широкая вариативность подходов и мнений относительно того, в какой степени Интернет изменяет процессы, управляющие коллективным действием, и в какой мере традиционные теории социальных движений могут объяснить новые формы участия. Политические социологи рассматривают интернет-активизм как форму гражданского вовлечения. Исследователи, изучающие коммуникации анализируют интернет-активизм как вид политически ориентированных коллективных действий. В настоящее время главный вопрос, стоящий перед исследователями интернет-активизма можно сформулировать следующим образом: имеет ли место фундаментальное отличие интернет-активизма от офлайн-активизма (Earl et al., 2010). Отвечая на этот вопрос, исследователи разделились на два лагеря. Одни исследователи полагают, что интернет-активизм – это одна из современных форм общественно-политической активности, указывая, что у интернет-активизма нет продолжительного эффекта (Diani, 2000; Tilly, 2004); другие полагают, что интернет-активизм фундаментально меняет активистскую деятельность (Myers, 1994; Fisher, 1998; Bennett, 2008).

Дж. Эрл, К. Кимпорт, Г. Прието и К. Руш считают, что разногласия вызваны тем, что объектом исследования разных школ являются разные виды интернет-активизма, и предлагают 4-категорийную типологию для определения различия между видами интернет-активизма (Earl et al., 2010). Данная типология основывается на том, в какой степени активисты задействуют Интернет. (1) Первый тип (*brochure-wage*, Интернет вместо печатных брошюр) использует Интернет исключительно как канал информирования. В данном случае интернет преимущественно рассматривается как не-

зависимые медиа. (2) Второй тип (online facilitation of offline activism / интернет-активизм, способствующий организации офлайн-активизма) служит не только для распространения информации, но и для удобства самих протестующих, другими словами, Интернет является пространством, где осуществляется координация движений. (3) Третий тип интернет-активизма (online participation / онлайн участие) подразумевает участие в протестных акциях в Интернете. Наконец, (4) четвертый тип интернет-активизма – организованный онлайн-активизм. В данном случае движения полностью организованы с помощью сайтов, блогов. В организованном интернет-активизме вся протестная деятельность осуществляется онлайн. Авторы типологии отмечают, что исследователи, в фокусе внимания которых были третий и четвертый типы активизма, чаще приходили к выводу о том, что данная область требует нового теоретического подхода.

Похожую, но более обобщенную типологию предлагает С. Вег. Исследователь выделяет два вида интернет-активизма: (1) движения, использующие Интернет в качестве дополнительного канала коммуникации (internet-enhanced), и (2) движения, организованные преимущественно с помощью Интернета (internet-enabled) (Vegh, 2003).

Необходимость новой теоретической модели определяется особенностями форм интернет-активизма, которые отмечают исследователи. Например, Дж. Эрл и А. Шосман отмечают, что движения, в большей степени ориентированные на онлайн-организацию (в типологии, приведенной ранее, это онлайн-участие и организованный онлайн-активизм), во-первых, иначе реагируют на репрессии, во-вторых, чаще в качестве их организаторов выступают активисты, не имевшие опыта активизма (Earl & Schussman, 2003, cited in Earl et al., 2010), в-третьих, эти организаторы имеют другие приоритеты и интересы (Earl & Kimport, 2008, cited in Earl et al., 2010). Этот тип интернет-активизма реже становится объектом исследований, в то время как в Интернете на данный вид интернет-активизма приходится 31% ссылок (Earl et al., 2010). Таким образом, четвертый тип интернет-активизма демонстрирует наибольшие различия с офлайн протестными акциями и требует иного теоретического подхода, в то же время данный тип является наименее изученным, несмотря на достаточное количество кейсов.

Примерами теоретического подхода, предполагающего, что интернет-активизм не имеет фундаментальных отличий от социальных движений, являются подходы М. Лим и Е. Трере.

М. Лим предлагает трехуровневый анализ социальных движений, изучая, во-первых, корни социального движения – проблемы, которые лежат в основе социальной системы¹; во-вторых, процесс развития социального движения, что позволяет определить, какую роль играют социальные медиа в механизме движения; в-третьих, агентов (маршрутизаторов) – людей, сообществ и прочих акторов (в том числе виртуальных), делающих вклад в формирование сети социального движения. Данный подход дает целостную картину феномена (Lim, 2018). В развитие данного подхода Е. Трере исследовал более тесное взаимодействие технологий массовых коммуникаций и социальных движений. Анализируя воздействие сетевой коммуникации на социальные движения, Е. Трере делает акцент на предпосылках развития сетевого социального движения, указывая, что они являются последствием продолжающегося конфликта. Особенность подхода Е. Трере заключается в том, что он больше внимания уделяет историческим предпосылкам условий коммуникации, которые формируют практики использования технологий для возникновения и развития социального движения (Treré 2018).

Таким образом, оба исследователя рассматривают интернет-активизм в неразрывной связи с социальными движениями, делая акцент на социокультурных условиях.

Противоположного подхода придерживаются Л. Беннет и А. Седжеберг. Исследователи полагают, что использование социальных сетей качественно меняет социальные движения: ключевым фактором в интернет-активизме становится коммуникация, позволяющая распространять сообщение среди сетей каждого отдельного пользователя (Bennet & Segeberg, 2013). Авторы отмечают, что сложные социальные, экономические и политические проблемы приобретают отражение в коротких персонализированных сообщениях, которые удобно разместить в личном аккаунте в социальных сетях. Так, например, PPF использовал такие слоганы, как штурмой банки, ешь богатых («storm the banks», «eat the rich»), движение #YoSoy132, гласившее «ты 132-ой». Таким образом, Л. Беннет и А. Седжеберг (Bennet & Segeberg, 2012), противопоставляют фреймы индивидуального действия, как особенность сетевых социальных движений, фреймам коллективного действия, как присущим традиционным социальным движениям (personal action frames and collective actions frames).

¹ Например, такими корнями в Арабской весне являются большая доля молодых людей в структуре населения, безработица и низкий уровень жизни, которые приводят к проблемам безопасности и межэтническим конфликтам.

Л. Беннет и А. Седжеберг считают, что организацию сетевых социальных движений можно объяснить логикой соединительных действий (*connective actions*), в то время как традиционные социальные движения имеют логику коллективных действий. Тем не менее, социальное движение может сочетать в себе оба типа организации. Они выделяют 3 типа социальных движений: традиционные коллективные действия (*collective actions*) и 2 типа социальных движений, в основе которых лежит новая логика соединительных действий.

Первый тип соединительных действий отличается самоорганизацией, отсутствием центральных или лидирующих активистов, использованием технологий в качестве важного организационного агента. Формальные организации могут выступать акторами в данном типе коллективных действий, однако, их роль не является ключевой. В качестве примера исследователи приводят движение *Indignados*. Второй тип соединительных действий является переходным между двумя крайностями. Он включает в себя организацию социальных структур с целью мобилизации ресурсов и формирования коалиции, исключая при этом создание «бренда» организации и коллективную идентичность. Например, в протесте «*Occupy Wall Street*» участвовали полужформальные организации с формальным разделением труда, ответственные за распределение средств, продовольствия и координацию действий. Тем не менее, определяющую роль в развитии движения играла самоорганизация в интернет-пространстве. Более того, сами организации, подстраиваясь под новую логику мобилизации, способствуют развитию сети со слабыми социальными связями, оставляя без внимания такие аспекты как, идеология или самоидентификация. Таким образом, данный подход акцентирует внимание на сетевой коммуникации между участниками движений и позволяет определить отличительные особенности интернет-активизма, однако не предлагает конкретных инструментов анализа.

Часть исследований, использует существующие инструменты теории социальных движений, адаптируя ее для анализа интернет-активизма. Примером такого подхода является исследование Д. Фрилона, Ч. Макуэйн и М. Кларк (*Freelon et al., 2018*). Целью исследования является определение характеристик интернет-активизма, которые служат показателями их «успешности» и измерение уровня влияния *BlackLivesMatter*. Под успешностью исследователи понимают последствия деятельности движения – ответ со стороны политической элиты и влияние на принятие решения. Модель количественного измерения влияния основана на цифровых следах активности в социальных сетях, таких как ретвиты, хештеги и аккаунты. Для анализа исследователи адаптируют концепцию Ч. Тилли, согласно которой социальные движения обладают 4 характеристиками (*WUNC*) – представлением о важности (*worthiness*), единством (*unity*), численностью (*numbers*) и обязательствами (*commitments*) со стороны самих участников (Тилли, 2019). Ч. Тилли указывает на то, что данные характеристики также могут служить для составления индекса влияния социального движения.

Интерпретация концепции Ч. Тилли, адаптированная для онлайн-движения, включает в себя три компонента из четырех: единство, численность и обязательства. Под единством понимаются внешние проявления общности (ношение определенных предметов одежды или других символов) или иное прямое подтверждение общей идентичности. Для интернет-активизма таким проявлением единства являются хештеги. Например, для движения, организованного в целях привлечения внимания к проблеме большого количества случаев, когда полицейский стрелял в невооруженного афроамериканца, создание хештегов на основе имени жертвы стало распространенной практикой настолько, что появилось выражение «стать хештегом», что значит стать жертвой (*Moodie-Mills, 2015*).

Исследователи предполагают, что количественный анализ хештегов отражает данную характеристику социального движения, свидетельствуя, как минимум, о том, что участники движения транслируют единое сообщение. Недостаток организованности (в данном случае речь идет о наличии разных хештегов, посвященных одному движению) свидетельствует о разобщенности. Для оценки уровня единства применяется коэффициент Джини, который используется в экономике для определения уровня неравенства. В экономике высокий коэффициент свидетельствует о концентрации наибольшей доли доходов у небольшой группы лиц, а в анализе интернет-активизма высокие значения свидетельствуют о концентрации наибольшей доли твитов среди небольшого количества хештегов, следовательно, о высокой координации и групповой идентификации.

Вторым оцениваемым показателем является численность движения. В основе оценки численности движения лежит метод сетевого анализа под названием определение сообщества (*community detection*). Применительно к сетевым социальным движениям он заключается в кластеризации пользователей в зависимости от ретвитов, то есть все пользователи, опубликовавшие твиты, которые содержали определенный набор хештегов, были разделены на сообщества. В зависимости от упоминаний и ретвитов, исследователи выделили сеть пользователей, в качестве связи между пользователями

служили ретвиты. В результате были выделены 10 наиболее крупных сообществ. Наконец, обязательства участников. Ч. Тилли определяет их как готовность активистов к долгосрочному участию. В данном случае исследователями были использованы лонгитюдные данные. Разбив всех участников движения на сообщества, исследователи проследили деятельность каждого из сообществ изо дня в день. В данном исследовании устойчивость выражалась в пропорции числа участников сообщества к числу тех, кто опубликовал хотя бы один твит в день на протяжении трех дней. Таким образом, чем выше данный показатель у сообщества, тем более устойчивую готовность продвигать идею социального движения имеют его участники, и соответственно, чем доля ниже, тем менее стабильным является сообщество и с большой долей вероятности не сформируется снова в случае повторного возникновения волны движения. В результате анализа исследователи пришли к выводу, что среди выделенных показателей, наиболее надежным является показатель готовности участников к длительным обязательствам (commitment). Данный показатель лучше других предсказывает получит ли движение ответ со стороны политической элиты или нет.

Таким образом, среди разных точек зрения на вопрос о необходимости нового теоретического подхода к изучению интернет-активизма можно выделить три основные. Во-первых, направление исследований, рассматривающее интернет-активизм в качестве составляющей части социального движения. Теоретический подход данного направления исследований подразумевает комплексное изучение социального движения: историко-культурный аспект, характер использования Интернета участниками движения. Данный подход не всегда применим, так как не всегда возможно определить исторические предпосылки интернет-активизма. Во-вторых, направление исследований, рассматривающих интернет-активизм как кардинально новый вид коллективных действий, требующий нового теоретического подхода. Так как отличия между социальными движениями вне Интернета и интернет-активизмом, преимущественно основанном на информационных технологиях, действительно есть, данное направление требует последующих разработок самостоятельных теоретических подходов. На данном этапе развития исследовательского поля данное направление не предлагает практической методологии анализа интернет-активизма. В-третьих, промежуточное направление, которое адаптирует существующие теоретические подходы к анализу интернет-активизма, позволяет встроить исследования интернет-активизма в теорию социальных движений, а также определить, какие аспекты аналитических моделей не применимы к исследованию интернет-активизма.

Заключение

Исследовательское поле интернет-активизма сравнительно новое и отличается разнообразием понятий, которыми обозначается как сам интернет-активизм, так и его формы. Анализ публикаций показал, что наиболее предпочтительным термином является «интернет-активизм» («digital activism»). Постепенный отход от использования таких мало распространенных понятий, как кибер-активизм «cyberactivism», виртуальный активизм «virtual activism», обозначающих интернет-активизм, позволит данному исследовательскому полю прийти к большей согласованности и преемственности. Анализ публикаций показывает, что некоторые формы интернет-активизма чаще выступают в качестве самостоятельного объекта исследования. Причиной, по которой некоторые формы интернет-активизма чаще, чем другие, становятся объектом исследований, заключается в том, что, во-первых, они являются наиболее значимыми и востребованными, во-вторых, они демонстрируют более заметные различия с активностью в офлайн-пространстве.

В литературе довольно отчетливо выделяется три основных подхода к анализу интернет-активизма: 1) комплексный подход, рассматривающий интернет-активизм как социальное движение, 2) подход, адаптирующий теорию социальных движений для анализа интернет-активизма, 3) подход, рассматривающий интернет-активизм как качественно отличную от социальных движений деятельность и выступающий за необходимость создания новой теории. Нам представляется, что наиболее продуктивным является второй подход, поскольку он позволяет, во-первых, декомпозировать интернет-активизм на известные элементы, во-вторых, определить какие из традиционной теории социальных движений не вполне применимы к интернет-активизму и, в-третьих, выделить общее и особенное в онлайн- и офлайн активизме.

Список литературы / References

- Тилли, Ч. (2019) *От мобилизации к революции*. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики», 432 с. [Tilli, Ch. (2019) *From mobilization to revolution* [Ot mobilizatsii k revolyutsii]. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki. (In Russ.)].
- Baym, N. (2013) 'Data not seen: The uses and shortcomings of social media metrics', *First Monday*, 18(10), DOI: 10.5210/fm.v18i10.4873.
- Bennet and Segeberg (2012) 'The logic of connective action', *Information, Communication and Society*, pp. 739–768, DOI: 10.1080/1369118X.2012.670661.
- Bennett, L. (2008) *Changing Citizenship in the Digital Age*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Castells, M. (2012) *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*. Malden, MA: Polity Press.
- Diani, M. (2000) 'Social Movement Networks Virtual and Real', *Information, Communication and Society*, 3(3), pp. 386–401, DOI: 10.1080/13691180051033333.
- Donovan, J. (2016) "'Can You Hear Me Now?'" Phreaking the Party Line from Operators to Occupy', *Information, Communication & Society*, 19 (5), pp. 601–617, DOI:10.1080/1369118X.2016.1139610.
- Earl, J et al. (2010) 'Changing the world one webpage at a time: conceptualizing and explaining internet activism', *Mobilization*, 15(4), pp. 425–446, DOI: 10.17813/maiq.15.4.w03123213lh37042.
- Earl, Kimport (2008) 'The Targets of Online Protest: State and Private Targets of Four Online Protest Tactics', *Information, Communication and Society*, 11(4), pp. 449–472, DOI: 10.1080/13691180801999035.
- Earl, Schussman (2003) 'The New Site of Activism: On-Line Organizations, Movement Entrepreneurs, and the Changing Location of Social Movement Decision-Making', *Research in Social Movements, Conflicts and Change*, 24, pp. 155–187, DOI: 10.1016/S0163-786X(03)80024-1.
- Earl, Schussman (2004) 'Cease and Desist: Repression, Strategic Voting and the 2000 Presidential Election', *Mobilization*, 9(2), pp. 181–202, DOI: 10.17813/maiq.9.2.jluq072540827q77.
- Fisher, Dana R. (1998) 'Rumoring Theory and the Internet: A Framework for Analyzing the Grass Roots', *Social Science Computer Review*, 16(2), pp. 158–168.
- Freelon, McIlwain, and Clark (2018) 'Quantifying the power and consequences of social media protest', *New Media & Society*, 20(3), pp. 990–1011, DOI: 10.1177/1461444816676646.
- Gerbaudo, P. (2017) 'From cyber-autonomism to cyber-populism: an ideological history of digital activism', *Triplec: Communication, Capitalism & Critique*, 15(2), pp. 478–491, DOI: https://10.31269/triplec.v15i2.773.
- Goode, L. (2012) 'Anonymous and the political ethos of hacktivism', *Popular Communication*, 13(1), pp. 74–86, DOI: 10.1080/15405702.2014.978000.
- Jordana, J. (2019) 'From clicktivism to hacktivism: Understanding digital activism', *Information and Organization*, 29(3), DOI:10.1016/j.infoandorg.2019.04.001.
- Juris, Jeffrey (2012) 'Reflections On #Occupy Everywhere: Social Media, Public Space, and Emerging Logics of Aggregation', *American Ethnologist*, 39 (2), pp. 259–279, DOI: 10.1177/0163443711411009.
- Kahn and Kellner (2004) 'New Media and Internet Activism: From the 'Battle of Seattle' to Blogging', *New Media & Society*, 6(1), pp. 87–95, DOI: 10.1177/1461444804039908.
- Karatzogianni, A. (2015) *Firebrand Waves of Digital Activism 1994–2014: The Rise and Spread of Hacktivism and Cyberconflict*. London: Palgrave Macmillan.
- Kaun and Uldam (2018) 'Digital activism: After the hype', *New Media & Society*, 20(6), pp. 2099–2106, DOI: 10.1177/1461444817731924.
- Kavada, A. (2015) 'Creating the collective: Social media, the Occupy Movement and its constitution as a collective actor', *Information, Communication & Society*, 18(8), pp. 872–886, DOI: 10.1080/1369118X.2015.1043318.
- Kuo, R. (2018) 'Racial justice activist hashtags: counterpublics and discourse circulation', *New Media & Society*, 20(2), pp. 495–514, DOI: 10.1177/1461444816663485.
- LaGraffe, D. (2012) 'The youth bulge in Egypt: An intersection of demographics, security, and the Arab Spring'. *Journal of Strategic Security*, 5(2), pp. 65–80.

- Lance and Segeberg (2013) *The logic of connective action*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Langer et al. (2015) 'How Social Media Facilitates Political Protest: Information, Motivation, and Social Networks', *Advanced in Political Psychology*, 39(1), pp. 85–118, DOI:10.1111/pops.12478.
- Lim, M. (2018) 'Roots, Routes, and Routers: Communications and Media of Contemporary Social Movements', *Journalism & Communication Monographs*, 20(2), pp. 92–136, DOI: 10.1177/1522637918770419.
- Majchrzak, et al. (2013) 'The contradictory influence of social media affordances on online communal knowledge sharing', *Journal of Computer-Mediated Communication*, 19(1), pp. 38–55, DOI:10.1111/jcc4.12030.
- McClennen, S. A. (2017) 'What's Wrong with Slactivism? Confronting the Neoliberal Assault on Millennials', *Cultural Logic: A Journal of Marxist Theory & Practice*, 22, pp. 297–310.
- Moodie-Mills, D. (2015) 'OpEd: are we all just one bullet away from becoming a hashtag? NBC New'. URL: <https://www.nbcnews.com/storyline/walter-scott-shooting/oped-are-we-all-just-one-bullet-away-becoming-hashtag-n338111> (дата обращения: 30.03.2020).
- Myers, Daniel J. (1994) 'Communication Technology and Social Movements: Contributions of Computer Networks to Activism', *Social Science Computer Review*, 12(2), pp. 251–260.
- Neumayer, C. and Svensson, J. (2016) 'Activism and radical politics in the digital age: Towards a typology', *Convergence*, 22(2), pp. 131–146. DOI: 10.1177/1354856514553395.
- Petray, T. L. (2011) 'Protest 2.0: online interactions and Aboriginal activists', *Media, Culture & Society*, 33(6), pp. 923–940, DOI: 10.1177/0163443711411009.
- Salge and Karahanna, (2018) 'Protesting Corruption on Twitter: Is It a Bot or Is It a Person?', *Academy of Management Discoveries*, 4(1), pp. 32–49, DOI: 10.5465/amd.2015.0121.
- Shirky, C. (2011) 'The political power of social media: Technology, the public sphere, and political change', *Foreign Affairs*, 90(1), pp. 28–41.
- Tombleson and Wolf (2017) 'Rethinking the circuit of culture: How participatory culture has transformed cross-cultural communication', *Public Relations Review*, 43(1), pp. 14–25. DOI: 10.1016/j.pubrev.2016.10.017.
- Treré, E. (2018) 'The Sublime of Digital Activism: Hybrid Media Ecologies and the New Grammar of Protest', *Journalism & Communication Monographs*, 20(2), pp. 137–148. DOI: 10.1177/1522637918770435.
- Vegh, S. (2003) 'Classifying Forms of Online Activism: the Case of Cyberprotests against the World Bank' in: *Cyberactivism: Online Activism and Theory and Practice*, edited by Martha McCaughey and Michael D. Ayers. New York: Routledge, pp. 71–95.
- Vitak et al, (2011) 'It's complicated: Facebook users' political participation in the 2008 election', *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking*, 14(3), pp. 107–114, DOI:10.1089/cyber.2009.0226.
- Wellman, B. (2000) 'Physical Place and Cyberspace: the Rise of Networked Individualism', *International Journal of Urban and Regional Research*, 25(2), pp. 227–252.

Статья поступила в редакцию: 26.06.2021

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 15.10.2021

Статья принята к печати: 10.11.2021

DIGITAL ACTIVISM: FORMS AND THEORETICAL APPROACHES

A. A. Briukhanova

A. A. Briukhanova, Postgraduate student at the Graduate School in Sociological Sciences, National Research University Higher School of Economics, Russia, Moscow.
E-mail: briukhanovaa@mail.ru (ORCID: 0000-0003-4412-3814).

Abstract

The article is devoted to the concept of digital activism, it reviews terms, forms and current theoretical approaches. The question of the place of digital activism in socio-political science remains open. Some researchers argue that digital activism has no lasting effect, so there is no need to create new theoretical approaches. Others advocate that digital activism has its distinct features therefore the development of a special theoretical approach is needed. Furthermore, there is an intermediate opinion that suggests updating existing models of social movement analysis to study digital activism. We conclude that the latter point of view is the most productive as it allows us to examine specific cases of digital activism and determine which components of digital activism distinguish it from social movements and which, on the contrary, bring it closer together. This approach may justify the formation of a theoretical basis for the study of digital activism. In addition, the article addresses the issue of consistency in the use of terms denoting digital activism and confusion in the study of various forms of digital activism. An analysis of publications in the Web of Science Core Collection database reveals that the term "digital activism" is the most preferred term for Internet activism.

Keywords: digital activism; cyberactivism; social media activism; internet activism; virtual activism; forms of digital activism; hashtag activism; connective actions; collective actions.

УДК-323:328(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2021-4-131-145

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ БИОГРАФИЙ ЖЕНЩИН-ДЕПУТАТОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПАРЛАМЕНТОВ РФ: ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Н. Н. Козлова, Ю. А. Монахова

Козлова Наталия Николаевна, зав. кафедрой политологии,
Тверской государственной университет.
E-mail: tver-rapn@mail.ru (ORCID: 0000-0003-1212-6412).

Монахова Юлия Александровна, старший преподаватель кафедры социологии,
Тверской государственной университет.
E-mail: julya_monah@mail.ru (ORCID: 0000-0002-5746-248X).

Аннотация

Актуальность исследования связана с необходимостью выявить точки разломов и пересечений в механизмах рекрутирования и продвижения на уровень принятия политических решений различных возрастных когорт женского сегмента депутатского корпуса региональных парламентов РФ. Новизна исследования заключается в том, что авторы анализируют политические биографии двух возрастных групп депутатов-женщин региональных законодательных (представительных) органов субъектов федерации РФ, сформированных в ходе электоральных циклов 2011–2015 гг.: первая группа – депутаты-женщины в возрасте до 30 лет; вторая группа – депутаты-женщины старше 30 лет. Источниками данных являются сайты региональных legislatures, специализированные порталы, посвященные депутатам различного уровня, материалы СМИ, сетевые сообщества. Анализируются такие черты социально-политического портрета депутатов-женщин, как образование, профессия, опыт общественно-политической деятельности и т. д. Авторы предлагают типологию женского сегмента депутатского корпуса и выделяют основные карьерные траектории вхождения женщин разных поколений в публичную сферу. Проведенное исследование показывает, что линии разлома в источниках рекрутирования женщин разных поколений выявляют различия в способах репрезентации возрастных и гендерных групп в системе парламентаризма, а линии пересечения свидетельствуют, что гендер является устойчивым институтом российской политической системы.

Ключевые слова: женщины-депутаты; законодательные (представительные) органы государственной власти субъекта федерации; гендер; биографический подход; поколенческий разрыв; избирательные системы; региональная элита.

Актуальность и степень разработанности проблемы

Необходимость данного исследования фундирована стоящими перед российским обществом задачами стабильного и инновационного развития, обеспечиваемого преемственностью политической элиты. В рамках теории демократии пропорциональное представительство различных групп в парламенте рассматривается как условие устойчивого развития. Как показали исследования отечественных и зарубежных коллег, идеология и политические предпочтения меняются с возрастом (Shin, 2001; Söderlund, Wass, Blais, 2001; Metz, 2002; Петухов, 2012: 56–62): под влиянием постматериалистических ценностей молодые граждане, и в частности, молодые парламентарии ставят новые вопросы на повестку дня, влияют на общественно-политические дискурсы (Celis et al, 2008). Согласно докладу Межпарламентского союза «Участие молодежи в работе национальных парламентов» в 2020 г.

только 2,6 % депутатов были моложе 30 лет (Youth Participation..., 2021). Зарубежные исследователи выявили зависимость между низким уровнем политического участия молодежи и недостаточным представительством данной социальной общности в парламентах, что в перспективе может привести к политической маргинализации молодежи и снижению легитимности демократий (Henn, Foard, 2012). Анализируя динамику смены политических поколений, российские исследователи отмечают, что «правила игры» при смене поколений до сих пор не определены, а потому различные группы периодически остаются в «подвешенном» состоянии (Анохин, 2003; Олейник, 2008;). Т.Б. Рябова на основе на анализе результатов социологического исследования в трех российских регионах в 2020 г. приходит к выводу, что степень доверия к молодым политикам значительно ниже, чем к политикам зрелого возраста, а уровень доверия между молодежью и старшим поколением невысокий (Рябова, 2021: 59–68).

В рамках изучения политической социализации, политической культуры молодежи и молодежного лидерства выявляются особенности идеологических предпочтений данной общности, уровень ее протестных настроений, формы политической организации и политической мобилизации оффлайн и онлайн, лидерский потенциал молодых партийных активистов (Фадеева, Кузнецов, 2007; Давыдова-Мартынова, 2011; Попова, 2019). Согласно исследованиям И.С. Палитай и М.А. Майоровой, процент молодых лидеров в возрасте от 36 до 40 лет достаточно высокий, чтобы «говорить о постепенном омолаживании элиты» (Палитай, Майорова, 2019: 164). Научные изыскания О.В. Поповой показывают, что «потенциал политического лидерства полностью отсутствует у 26,2 % молодежи; у 32,3 % его уровень можно оценить как низкий; средним показателем обладают 29,2 %, высоким – только 12,2 % представителей молодежи» (Попова, 2020: 422). Среди факторов, препятствующих продвижению молодежи в региональные парламенты РФ, Г. Голосов называет тип политического режима – электоральный авторитаризм, нацеленный на сохранение у власти нынешней политической элиты (Golosov, 2014). На материалах Юго-Западной Сибири С.Ю. Асеев, Я.Ю. Шашкова отмечают слабую пропускную способность карьерных лифтов для молодежи в региональном политическом процессе, приходя к выводу, что в целом «российская политическая практика на современном этапе, несмотря на все декларации, не нацелена на рекрутирование молодых кадров в состав региональных политических элит» (Асеев, Шашкова, 2021: 197).

Проблема «отцов и детей» дополняется гендерным неравенством: индекс гендерного разрыва (Global Gender Gap Index) по политическому критерию составлял в последние десятилетия 61.48–68.43 (2020 Human development perspectives. Tackling social norms..., 2020), в 2019 г. по количеству женщин в федеральном парламенте Россия занимала 112-е место (*Россия уступила Никарагуа и Руанде в рейтинге гендерного равенства ВЭФ*, 2019). Daniel Stockemer и Aksel Sundström утверждают, что «как женщины, так и молодежь маргинализированы в политике, профессиональной сфере, в которой, как правило, доминируют мужчины среднего и старшего возраста» (Stockemer, Sundström, 2018). В рамках зарубежных гендерных исследований были выявлены такие факторы влияния на представительство женщин в парламентах, как тип избирательной системы, наличие/отсутствие квот, уровень экономического развития, культурные ценности, в том числе религиозные убеждения и др. (Norris, 1999; Blaydes, Linzer, 2008; Wängnerud, 2009). Анализ российского материала приводит исследователей к выводу, что низкий уровень представительства женщин в национальном парламенте обусловлен комплексом политических, социально-экономических и культурных факторов при доминировании последних (Кароог, 2016; Ashwin, 2002.).

В отечественной науке изучение представленности женщин в политике находится в междисциплинарном поле. В рамках исследования депутатского корпуса социально-профессиональные источники рекрутирования, механизмы и каналы вхождения во власть представлены в трудах О.В. Гаман-Голутвиной (Гаман-Голутвина, 2012), В.П. Мохова (Мохов, 2014) Д.Б. Тева (Тев, 2017), И.А. Заранкина (Заранкин, 2016) и др. Учитывая, что женщины-депутаты региональных парламентов являются частью политической элиты, а «принятие стратегических решений – главная функция элиты, ее призвание и миссия» (Гаман-Голутвина, 2017: 158), исследователи выявляют ресурсную базу депутатов-женщин, их организационно-управленческий потенциал (Попова, 2013: 21–30). Выделяя факторы, влияющие на представительство женщин в региональных законодательных собраниях России, Г. Голосов связывает факт гендерной асимметрии с неразвитостью партийной политики (Голосов, 2004:

701). Анализируя депутатский корпус Законодательного собрания Санкт-Петербурга, М.А. Кашина указывает, что увеличение числа женщин-депутатов «по сравнению с предыдущими созывами не привело к повышению уровня представительства политических и социальных интересов женщин в законотворческом процессе» (Кашина, 2020: 238). Учёные подчёркивают, что в рамках консервативного поворота российской политики проблема продвижения женщин во власть приобрела риторический характер (Айвазова, 2017: 11–12). Таким образом, результаты исследований свидетельствуют о проблематичности вхождения российской молодежи и женщин в профессиональную политику, об уязвимости молодых женщин как категории граждан в системе представительной власти, в связи с чем необходимо проанализировать социально-политический портрет и карьерные траектории женского сегмента депутатского корпуса региональных парламентов РФ в поколенческом аспекте. Анализ социально-профессионального состава правящего класса дает возможность выявить структуру и ресурсы политической власти, политический потенциал и солидарность/разобщенность элиты (Гев, 2017). Изучение образовательного, профессионального, общественно-политического опыта женщин-депутатов разных поколений позволит определить точки пересечения и линии разломов в источниках рекрутирования и продвижения на уровень принятия политических решений, раскрыть факторы, влияющие на карьерный рост молодых женщин в политике, выявить различия в способах представительства возрастных и гендерных групп. В условиях тренда государственной политики на включение молодежи в сферу принятия решений (Съезд партии., 2021) исследование политических биографий женщин-депутатов разных поколений имеет эвристическую ценность как в теоретическом, так и в практическом аспектах. В данном исследовании использовались биографический метод и анализ статистических данных. Объектом исследования явились две возрастные группы депутатов-женщин региональных законодательных (представительных) органов субъектов федерации РФ, сформированных в ходе электоральных циклов 2011–2015 гг.: первая группа – депутаты-женщины в возрасте до 30 лет; вторая группа – старше 30 лет. Источниками данных являются сайты региональных legislatures, специализированные порталы, посвященные депутатам различного уровня, материалы СМИ, сетевые сообщества.

Анализ статистических данных

Представительство. В законодательных собраниях субъектов федерации РФ из 4 099 депутатов – 588 женщин (14,3 %), из них 20 женщин (3,4 %) моложе 30 лет (Козлова, 2017). Несмотря на неравновесность групп, мы полагаем, что данные цифры релевантны для сравнения, поскольку в исследовании применяются метод описательной статистики, а не корреляционный анализ. Поскольку мы имеем дело с конкретными социальными фактами, требующими изучения, остается только согласиться с мнением экспертов Межпарламентского союза, что молодых граждан можно охарактеризовать как «исключенное большинство» с недостаточным законодательным присутствием (Youth participation., 2014).

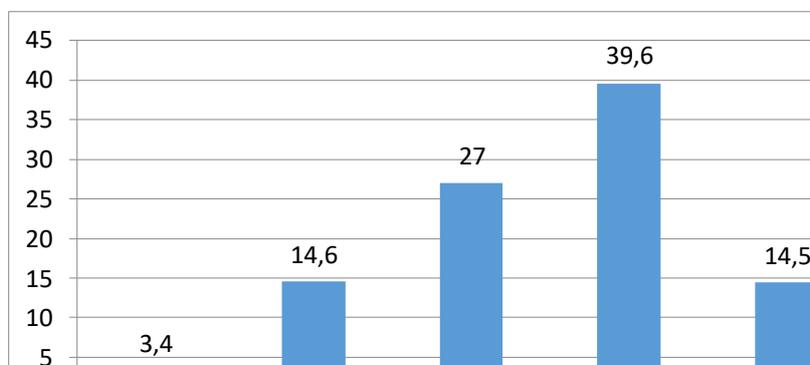

Рис. 1. Процент женщин-депутатов в региональных парламентах РФ.

Источник: Составлено авторами по данным официальных сайтов региональных парламентов, 2021 г. (и далее, если не указано иное).

Представительство женщин в региональных парламентах субъектов федерации значительно варьируется: максимальный процент женщин-депутатов законодательных органов регионов в Чукотском АО и Московской области (соответственно 41,6 и 40 %), минимальное количество женщин (1 или 2,7 %) представлено в Законодательном собрании Костромской области, Чеченской республике (1 или 2,4 %) и Республике Дагестан (2 или 2,2 %).

Таблица 1

Представленность женщин-депутатов в региональных парламентах РФ

Федеральный округ	Всего депутатов	Количество женщин	Процент женщин	Количество молодых женщин	Процент молодых женщин
1. Центральный	824	117	14,10	7	0,8
2. Северо-Западный	446	93	20,80	4	0,9
3. Южный	436	66	15,10	2	0,5
4. Северо-Кавказский	408	38	9,30	1	0,3
5. Приволжский	822	110	13,40	3	0,4
6. Уральский	261	27	10,30	0	0
7. Сибирский	613	85	13,90	3	0,5
8. Дальневосточный	289	52	18	0	0
Итого:	4099	588	14,30	20	3,4

Как видим, в парламентах двух федеральных округов (Дальневосточном и Северо-Кавказском) молодые женщины-депутаты отсутствуют. В субъектах Северо-Кавказского федерального округа, в котором наблюдается самая низкая представленность женщин в депутатском корпусе региональных парламентов, молодых женщин нет. Напротив, в Северо-Западном округе, в котором фиксируется самый высокий процент женщин-депутатов, молодые женщины составляют максимальный показатель (4 человека или 0,9 %) по сравнению с другими округами. На наш взгляд, это говорит об устойчивости социокультурных факторов в данных регионах, влияющих на восприятие пола и возраста в политическом поле.

Партийная принадлежность. Избирательная система. Общественно-политический опыт. Статистический анализ показывает, что большинство депутатов-женщин (76,6 % в сегменте 30+ и 45 % в сегменте до 30 лет) было избрано в региональные легислатуры от «Единой России», что вполне закономерно, учитывая, что данная партия является самой массовой в стране.

Таблица 2

Партийная принадлежность депутатов в региональных парламентах РФ

Партии	Количество женщин 30+	Процент женщин 30+	Количество молодых депутатов-женщин	Процент молодых депутатов-женщин
Единая Россия	435	76,6	9	45
КПРФ	53	9,3	5	25
СР	43	7,5	1	5
ЛДПР	19	3,3	4	25
Моя Москва	6	1	-	-

Продолжение табл. 2

Партии	Количество женщин 30+	Процент женщин 30+	Количество молодых депутатов-женщин	Процент молодых депутатов-женщин
Яблоко	6	1	-	-
Патриоты России	3	0,5	-	-
За женщин России	1	0,18	-	-
Гражданская платформа	1	0,18	-	-
«Зеленые»	1	0,18	-	-
Итого	568	100	20	100

Однако, если соотнести процент молодых депутатов-женщин с общим количеством представленных от партии в региональном парламенте женщин, то выяснится, что лидером по продвижению молодых женщин является ЛДПР (21,1 %), затем следуют КПРФ (8,6 %), «Единая Россия» (2 %) и, наконец, «Справедливая Россия» (0,2 %). Другие партии вовсе не представили молодых депутатов-женщин. Очевидно, данные цифры свидетельствуют о прямой взаимосвязи численности партии и представленности в ней женщин, в том числе молодых. Лидерство ЛДПР в продвижении молодых женщин во власть можно объяснить ориентацией партии на молодежь как на свой базовый электорат, проблемами комплектования кандидатов в депутатский корпус, но не гендерной политикой организации, так как в своей программе она женский вопрос не рассматривает. Напротив, «Единая Россия» как партия власти ориентируется на представительство мужчин, но, артикулируя риторику равноправия между полами, включает женщин в состав депутатского корпуса. Этот вывод подтверждается статистическими данными о том, по какой избирательной системе депутаты-женщины были выбраны в региональный парламент.

Таблица 3

Количество женщин-депутатов, избранных по пропорциональной и мажоритарной системам в региональные парламенты РФ

Виды избирательной системы	Количество женщин 30+	Процент женщин 30+	Количество молодых депутатов-женщин	Процент молодых депутатов-женщин
Пропорциональная	367	64,6	18	90
Мажоритарная	201	35,4	2	10
Итого	568	100	20	100

Как видим, большинство женщин (64,6 % в сегменте 30+ и 90 % в сегменте до 30 лет) избирается по пропорциональной системе, причем молодые депутаты-женщины в большей степени, чем в сегменте 30+. По нашему мнению, это целесообразная избирательная стратегия, так как для прохождения по мажоритарным округам у молодых кандидатов-женщин недостаточно ресурсов, в том числе организационных, которые им предоставляет партия. По объективным причинам молодые женщины-политики имеют меньше общественно-политического опыта, чем депутаты-женщины 30+.

Таблица 4

Опыт общественно-политической деятельности женщин-депутатов региональных парламентов РФ

Виды опыта общественно-политической деятельности	Количество женщин 30+	Процент женщин 30+	Количество молодых депутатов-женщин	Процент молодых депутатов-женщин
Партийная работа	147	25,8	4	25
Избирались 2 и более раз	190	33,4		
Опыт государственной и муниципальной службы	101	17,7	1	5
Участие в общественных организациях	132	23,2	2	10
Участие в женских организациях	43	7,5		
Избирались депутатами МСУ	135	23,7	2	10
Сенаторы и депутаты парламента РФ	8	1,4		
Помощники депутата	36	6,3	5	25
Участие в работе молодежного парламента	-	-	3	15

Из данных таблицы следует, что женский сегмент депутатского корпуса 30+ имеют диверсифицированный опыт общественно-политической деятельности: примерно четверть депутатов-женщин работает в партиях, других общественных организациях, избирались в представительные органы местного самоуправления; 17,7 % трудились на государственной и муниципальной службе. Тот факт, что 33,4 % женщин избирались в законодательные (представительные) органы субъектов федерации два и более раз свидетельствует о их включенности в состав региональной политической элиты, о профессиональном отношении женщин к политической деятельности. Молодые депутаты-женщины также активно принимают участие в работе партий (25 %), активно (10 %) избираются в органы местного самоуправления и работают в общественных организациях (10 %). Профиль данных организаций – молодежный активизм; поэтому молодые депутаты-женщины (15 %) являются своего рода кадровым резервом партии, состоят в молодежных парламентах. Молодые женщины-политики не участвуют в деятельности женских организаций, не связаны с женским движением, по их собственным заявлениям, представляют интересы всей молодежи независимо от пола (*Екатерина Степнякина...*, 2020). В отличие от депутатов возраста 30+ молодые женщины продвигаются в региональные парламенты через такой механизм рекрутинга, как помощник депутата (25 %). Недостаток общественно-политического опыта оказывает влияние на место молодых депутатов-женщин в региональных парламентах.

Таблица 5

Статус женщин-депутатов в региональных парламентах

Статус женщин-депутатов	Количество женщин 30+	Процент женщин 30+	Количество молодых депутатов-женщин	Процент молодых депутатов-женщин
Председатель парламента	10	1,7	-	-
Зам. председателя парламента	28	4,9	-	-
Председатель комитета	137	24,1	2	10
Зам. председателя комитетов	131	23,1	6	30
Член комитета/ комиссии	262	46,1	2	10
Итого	568	100	20	100

Статистические данные показывают, что женщины-депутаты в возрасте 30+ занимают важные посты в парламенте – председателя парламента (10 женщин, или 1,7 %), заместителя председателя парламента (28 женщин, или 4,9 %); примерно четверть женщин возглавляют комитеты или занимают пост заместителей главы комитета; 214 (37,7 %) женщин работают в парламенте на профессиональной основе. Молодые депутаты-женщины также активно стремятся осваивать посты в парламенте: 2 (10 %) занимают посты председателей комитетов (комитетов по молодежной политике), 6 (30 %) – заместителей председателей комитетов, 6 (30 %) работают на постоянной основе. Если среди депутатов-женщин 30+ 30 (5,3 %) являются руководителями фракций и 12 (2,2 %) – заместителями руководителя фракции, то среди депутатов-женщин в возрасте до 30 лет 3 (15 %) и 1 (5 %) соответственно. Они представляют фракции ЛДПР и КРПФ.

Образование, профессия, семейный статус. Профессиональный статус кандидата является одним из важнейших факторов успеха на выборах. Согласно российским исследованиям, наряду с инкумбентами большие шансы на избрание имеют представители крупного бизнеса и ректоры вузов. Меньшие шансы на успех имеют руководители медицинских учреждений, главы муниципальных образований, депутаты городских собраний столиц регионов, предприниматели средней руки, чиновники. Третью, самую малочисленную, группу депутатов составляют лидеры и активисты политических партий и общественных организаций, директора школ, журналисты, менеджеры, работники науки и культуры (Медведев, 2010).

Таблица 6

Сфера занятости женщин-депутатов в региональных парламентах федеральных округов

Сфера занятости	Количество женщин 30+	Процент женщин 30+	Количество молодых депутатов-женщин	Процент молодых депутатов-женщин
Экономика	125	22	3	15
Педагогика	111	19,5	2	10
Юриспруденция			2	10
Журналистика	17	20,5	2	10
Госслужба	76	12,9	-	-
Депутат	83	14,1	-	-
НКО	34	5,8	-	-
Медицина	56	9,5	-	-
Социальная работа	16	2,7	-	-
Спорт	-	-	1	5
Помощник депутата	9	15,8	5	25
Работа с молодежью	-	-	5	25
Другое	41	7,2	-	-
Итого	568	100	20	100

Данное исследование отчасти подтверждает выводы предыдущих изысканий: женщины в возрасте 30+ занимаются бизнесом, возглавляют предприятия торговли, общественного питания, услуг; занимают посты на госслужбе, в ведущих региональных СМИ, в школах и вузах, социальных учреждениях, осуществляют депутатскую деятельность на постоянной основе. Как отмечают исследователи, в отличие от западных парламентах, в российских представительных органах власти незначительное количество депутатов, имеющих юридическое образование и соответствующий опыт работы (Тев, 2017, 69). Юристы представлены в женском сегменте депутатского корпуса региональных пар-

ламентов молодым поколением. Обращает на себя внимание тот факт, что в возрасте до 30 лет четверть депутатов-женщин занимались работой с молодежью и являлись помощниками депутатов различного уровня. В более старшей возрастной категории статус помощника депутата имели 15 %, что свидетельствует о том, что данный канал рекрутинга становится на данный момент более эффективным.

Профессия депутатов-женщин, как правило, определяется их образованием. Система образования в РФ в постсоветский период претерпела значительные трансформации, что отразилось в биографиях депутатов-женщин. Исчезли из образовательного профиля женщин-политиков высшая партийная школа, появились новые виды образования (политология, таможенное дело и т. д.).

Таблица 7

Образование женщин-депутатов региональных парламентов РФ

Отрасль образования	Количество женщин 30+	Процент женщин 30+	Количество молодых депутатов-женщин	Процент молодых депутатов-женщин
Экономическое	78	13,7	6	30
Юридическое	44	7,7	3	15
Педагогическое	209	36,7	0	0
Медицинское	83	14,6	1	5
Менеджмент	10	1,7	2	10
Журналистское	12	2,1	0	0
Инженерное	47	8,2	0	0
Художественное	19	3,3	0	0
Социологическое	1	0,17	1	5
Политологическое	0	0	1	5
Таможенное	0	0	1	5
Психологическое	-	-	1	5
Другое	65	11,4	4	20
Итого	568	100%	20	100%

Наиболее значимые различия в полученном депутатами-женщинами профиле образования касаются педагогики: если среди представительниц поколения старше 30 лет 209 (36,7 %) женщин-депутатов имеют педагогическое образование, то среди молодых депутатов-женщин оно неактуально. Среди женщин-депутатов в возрасте до 30 лет востребованными являются экономическое образование: его получили 6 (30 %) женщин; юридическое – 3 (15 %) женщин, менеджмент – 2 (10 %).

Информация о семейном статусе женщин-депутатов является крайне актуальной, поскольку исследователи связывают занятость женщин по уходу за членами семьи с их низкой политической активностью (Митина, 1999). Информация о личной / семейной жизни депутатов-женщин мало представлена в СМИ. Некоторые депутаты-женщины размещают сведения о семье и детях на сайте официальных органов власти, в социальных сетях, в статьях в СМИ.

Семейный статус женщин-депутатов региональных парламентов РФ

Семейный статус	Количество женщин 30+	Процент женщин 30+	Кол-во молодых депутатов-женщин	% молодых депутатов-женщин
Замужем	359	63,2	5	25
Вдова	11	1,9		
В разводе	3	0,6		
Не замужем	12	2,1	3	15
Нет информации о семье	183	32,2	12	60
Итого	568	100	20	100

Из данных таблицы следует, что в браке состоят 359 (63,2 %) женщин в возрасте 30+ и 5 (25 %) депутатов-женщин в возрасте до 30 лет. В социальных сетях они указывают, что семейная жизнь и наличие детей мобилизуют, повышая их профессиональные навыки. Среди возрастной категории старше 30 лет 378 (66,5 %) имеют детей, из них 156 (42,3 %) воспитывают одного ребенка, 164 (44,7 %) – двух детей, 49 (13 %) – трех и более детей. В группе женщин-депутатов в возрасте до 30 лет 4 женщины воспитывают детей, из них 2 (50 %) – одного ребенка, 2 (50 %) – двух детей; 2 (10 %) женщины указали, что детей не имеют. Таким образом, замужество и дети не мешают женщинам заниматься политической деятельностью, что свидетельствует о высокой ценности семьи в сознании женщин-депутатов.

Выводы

Итак, результаты исследований показывают, что политические биографии женщин-депутатов разных поколенческих групп выстраиваются по ряду параметров неодинаково, есть разломы и пересечения в механизмах рекрутирования, детерминированные различными институциональными практиками и социокультурным содержанием политической социализации. Точка разлома проходит по линии профессиональной деятельности, актуальная только для женщин-депутатов старше 30 лет. Специфика продвижения молодых женщин-депутатов зависит от активности их работы в молодежных организациях и опыте работы помощником депутата. Исследователи предлагают различные типы карьерных лифтов: «бизнесмен», «промышленник», «чиновник», «силовику», «публичная персона», «бывший партиец», «профессионал», «общественный деятель» (Трофимова, 2009). Опираясь на данные нашего исследования, выделим среди женского сегмента депутатского корпуса региональных legislatures следующие типы женщин-депутатов: «бизнесвумен» (главы предприятий), «чиновницы» (женщины, занимающие высокие посты на государственной службе), «партийцы» (руководители региональных отделений партий), «профессионалы» (врачи, журналисты и пр.), «общественные деятели». Крайне редко в законодательных органах власти субъектов федерации встречаются женщины, которые выступают в роли «публичных персон», совсем не представлены «силовики».

Точками пересечения в механизмах рекрутирования обеих возрастных категорий женщин-депутатов является участие в деятельности партий и общественных организаций. Работа в партии дает возможность женщинам избираться по пропорциональной системе, шансы на избрание по одномандатным округам, как показывает исследование, невелики. Видимо, это связано со скептическими установками электорального сознания граждан в отношении возможности молодых женщин эффективно представлять их интересы. Об этом свидетельствуют и низкие цифры представленности женщин в парламентах субъектов федерации.

Общими характеристиками политических биографий женщин-депутатов обеих возрастных категорий является получение социально-гуманитарного образования, стремление занять руководящие посты в комитетах и комиссиях региональных legislatures, получить работу на постоянной осно-

ве, выстроить дальнейшую карьерную траекторию. Обе категории женщин-депутатов ценят семью, детей, успешно совмещают обязанности жены/матери и работу в представительном органе власти. Молодые женщины-депутаты в парламентах ориентируются на молодёжную проблематику, женщины старшей возрастной категории рассматривают более широкий спектр вопросов, но традиционно концентрируются на решении задач в социальной сфере. И те, и другие практически игнорируют женскую/гендерную проблематику, поэтому возможности для женской солидарности внутри парламентского пространства весьма ограничены, что, в свою очередь, не способствует продвижению политики гендерного равенства в российских регионах.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что линии разлома в механизмах рекрутирования женщин разных поколений выявляют различные способы представительства возрастных и гендерных групп: женщины-депутаты в возрасте до 30 лет представляют интересы молодежи, женщины-депутаты старше 30 лет репрезентируют социальные вопросы, традиционно считающиеся сферой женских интересов. В перспективе для сохранения и приумножения политического капитала молодым женщинам-депутатам необходимо выбрать профессиональную сферу и/или общественную/партийную работу. При этом линии пересечения в механизмах рекрутирования женщин разных поколений (получение социально-гуманитарного образования, выборы по партийным спискам и др.) свидетельствуют, что данные факторы способствуют избранию женщин в законодательные органы регионов, что, в свою очередь, позволяет рассматривать гендер как устойчивый институт российской политической системы.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта №21-011-31690.

Список литературы / References

- Айвазова, С. Г. (2017) 'Гендерный дискурс в поле консервативной политики', *Женщина в российском обществе*, 4(85), сс. 3–13. [Aivazova, S. G. (2017) 'Gender Discourse in the Field of Conservative Politics' [Gendernyy diskurs v pole konservativnoy politiki], *Woman in Russian Society*, 4 (85), pp. 3–13. (In Russ.)]. DOI: 10.21064/WinRS.2017.4.1.
- Анохин, С. В. (2003) *Поколение как субъект политического процесса в современной России*. Дис. канд. полит. наук. Москва. [Anokhin, S. V. (2003) *Generation as a subject of the political process in modern Russia* [Pokoleniye kak sub"yekt politicheskogo protsessa v sovremennoy Rossii]. Cand. Diss. (polit.). Moscow. (In Russ.)].
- Асеев, С. Ю., Шашкова, Я. Ю. (2021) 'Роль институциональной среды в построении политических карьер молодых политических лидеров в регионах Юго-Западной Сибири', *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, т. 23, 1, сс. 186–198. [Aseev, S. Yu., Shashkova, Ya. Yu. (2021) The role of the institutional environment in building the political careers of young political leaders in the regions of South-West Siberia [Rol' institutsional'noy sredy v postroyenii politicheskikh kar'yer molodykh politicheskikh liderov v regionakh Yugo-Zapadnoy Sibiri], *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*, v. 23, 1, pp. 186–198. (In Russ.)]. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-186-198.
- Гаман-Голутвина, О. В. (2012) 'Парламентский корпус современной России' в: Гаман-Голутвина, О. В. (ред.). *Политический класс в современном обществе*. Москва: РОССПЭН, сс. 113–142. [Gaman-Golutvina, O. V. (2012) 'Parliamentary corps of modern Russia' [Parlamentskiy korpus sovremennoy Rossii] in: Gaman-Golutvina, O. V. (ed.). *Political class in modern society* [Politicheskii klass v sovremennom obshchestve]. Moscow: ROSSPEN, pp. 113–142. (In Russ.)].
- Гаман-Голутвина, О. В. (2017) 'Политика как управление, управление как политика:

- рекрутирование лидеров и элит в современном мире' (29-е Губернаторские чтения. Тюмень, 6 июня 2017 г.), *Полития*, 3, сс. 154–180. [Gaman-Golutvina, O. V. (2017) 'Politics as management, management as politics: recruiting leaders and elites in the modern world' (Twenty-ninth Governor's Readings. Tyumen, June 6, 2017) [Politika kak upravleniye, upravleniye kak politika: rekrutirovaniye liderov i elit v sovremennom mire (Dvadsat' devyatyue Gubernatorskiye chteniya. Tyumen', 6 iyunya 2017 g.)], *Polity*, 3, pp. 154–180. (In Russ.)].
- Голосов, Г. В. (2004) 'Политические институты и доступ женщин к представительству в законодательных собраниях российских регионов' в Степанова Н. М., Кочкина Е. В. (ред.) *Гендерная реконструкция политических систем*. Санкт-Петербург: Алетейя, сс. 677–702. [Goloso, G. V. (2004) 'Political Institutions and Women's Access to Representation Legislative Assemblies of Russian Regions Gender Reconstruction of Political Systems' [Politicheskiye instituty i dostup zhenshchin k predstavitel'stvu v zakonodatel'nykh sobraniyakh rossiyskikh regionov Gendernaya rekonstruktsiya politicheskikh sistem] in: Stepanova N. M., Kochkina E. V. (eds.) *Gender Reconstruction of Political Systems*, St. Petersburg: Aleteya, pp. 677–702. (In Russ.)].
- Давыдова-Мартынова, Е. И. (2011) *Проблемы влияния ресурсов сети Интернет на политическую активность молодежи в современной России*. Дис. канд. полит. наук, Москва. [Davydova-Martynova, E. I. (2011) *Problems of the influence of Internet resources on the political activity of young people in modern Russia* [Problemy vliyaniya resursov seti Internet na politicheskuyu aktivnost' molodezhi v sovremennoy Rossii]. Cand. Diss. (polit.). Moscow. (In Russ.)].
- Екатерина Стенякина: *Для современной России актуальны новые запросы от общества* (2020) URL: <https://rostov.er.ru/activity/news/ekaterina-stenyakina-dlya-sovremennoj-rossii-aktualny-novye-zaprosy-ot-obshchestva> (дата обращения: 10.06.2021).
- Заранкин, И. А. (2016) 'Теоретические подходы к изучению карьерных траекторий политических акторов на примере депутатов Государственной думы пятого и шестого созывов от партии «Справедливая Россия»', *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 1, сс. 58–69. [Zarankin, I. A. (2016) 'Theoretical approaches to the study of career trajectories of political actors on the example of deputies of the State Duma of the fifth and sixth convocations from the party «Fair Russia»' [Teoreticheskiye podkhody k izucheniyu kar'yernykh trayektoriy politicheskikh aktorov na primere deputatov Gosudarstvennoy Dumy pyatogo i shestogo sozyvov ot partii «Spravedlivaya Rossiya»], *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*, 1, pp. 58–69. (In Russ.)].
- Кашина, М. А. (2020) 'Женщины в российских парламентах: перейдет ли количество в качество? Кейс законодательного собрания Санкт-Петербурга', *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 54, сс. 238–251. [Kashina, M. A. (2020) 'Women in Russian Parliaments: Will Quantity Become Quality? Case of the Legislative Assembly of St. Petersburg' [Zhenshchiny v rossiyskikh parlamentakh: pereydet li kolichestvo v kachestvo? Keys zakonodatel'nogo sobraniya Sankt-Peterburga], *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*, 54, pp. 238–251. (In Russ.)]. DOI: 10.17223/1998863X/54/22.
- Козлова, Н. Н. (2017) 'Представительство женщин в региональных legislатурах РФ: опыт статистического анализа' в: Гаман-Голутвина, О. В., Сморгун, Л. В., Тимофеева Л. Н. (ред.) *Время больших перемен: политика и политики: материалы Всероссийской научной конференции РАПН*. Москва, РУДН, 24–25 ноября 2017 г. Москва: РУДН, сс.183–184. [Kozlova, N. N. (2017) 'Rep-

- resentation of women in regional legislatures of the Russian Federation: the experience of statistical analysis' [Predstavitel'stvo zhenshchin v regional'nykh legislaturakh RF: opyt statisticheskogo analiza] in: *Time of great changes: politics and politics: materials of the All-Russian scientific conference of the Russian Academy of Political Science* [Vremya bol'shikh peremen: politika i politiki: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii RAPN, Moscow, RUDN, November 24–25, 2017]. Moscow: RUDN, pp. 183–184. (In Russ.).
- Медведев, Ю. С. (2010) 'Профессиональный статус как фактор успеха на региональных выборах', *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*. 2 (57), сс. 75–90. [Medvedev, Yu. S. (2010) 'Professional status as a factor of success in regional elections' [Professional'nyu status kak faktor uspekha na regional'nykh vyborakh], *Polity: Analysis. Chronicle. Forecast (Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics)*. 2 (57), pp. 75–90. (In Russ.).]
- Мохов, В. П. (2014) 'Циркуляция элит: проблема критериев процесса', *Власть и элиты*, 1, сс. 8–18. [Mohov, V. P. (2014) 'The circulation of elites: problem of the criteria of the process' [Tsirkulyatsiya elit: problema kriteriev protsessa], *Power and Elites*. 1, pp. 8–18. (In Russ.).]
- Митина, О. В. (1999) 'Женское гендерное поведение в социальном и кросскультурном аспектах', *Общественные науки и современность*, 3, сс. 179–191. [Mitina, O. V. (1999) 'Women's gender behavior in social and cross-cultural aspects' [Zhenskoye gendernoye povedeniye v sotsial'nom i krosskul'turnom aspektakh], *Social sciences and modernity*, 3, pp. 179–191. (In Russ.).]
- Олейник, А. Н. (2008) 'Смена поколений в элите и стабильность социально-политической системы', *Отечественные записки*, 4 (43), сс. 237–252. [Oleinik, A. N. (2008) 'Change of generations in the elite and the stability of the socio-political system' [Smena pokoleniy v elite i stabil'nost' sotsial'no-politicheskoy sistemy], *Otechestvennyye zapiski*, 4 (43), ss. 237–252. (In Russ.).]
- Палитай, И. С., Майорова, М. А. (2019) 'Молодое поколение российской политической элиты: социально-демографический профиль', *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*, 3(836), сс.160–173. [Palitai, I. S., Mayorova, M. A. (2019) 'The young generation of the Russian political elite: socio-demographic profile' [Molodoye pokoleniye rossiyskoy politicheskoy elity: sotsial'no-demograficheskiy profil'], *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 3 (836), pp. 160–173. (In Russ.).]
- Петухов, В. В. (2012) 'Поколение «нулевых»: социальные настроения, идеологические установки и политическое участие', *Полис. Политические исследования*, 4, сс. 56–62. [Petukhov, V. V. (2012) 'Generation of «zero»: social sentiments, ideological attitudes and political participation' [Pokoleniye «nulevykh»: sotsial'nyye nastroyeniya, ideologicheskiye ustanovki i politicheskoye uchastiye], *Polis. Politicheskoye issledovaniya*, 4, pp. 56–62. (In Russ.).]
- Попова, О. В. (2013) 'Гендерные аспекты политической карьеры российской субфедеральной элиты: мнения экспертов', *Женщина в российском обществе*, 3 (68), сс. 21–30. [Popova, O. V. (2013) 'Gender Aspects of the Political Career of the Russian Subfederal Elite: Expert Opinions' [Gendernyye aspekty politicheskoy kar'yery rossiyskoy subfederal'noy elity: mneniya ekspertov], *Woman in Russian Society*, 3 (68), pp. 21–30. (In Russ.).]
- Попова, О. В. (2020) 'Идеологическая идентичность российской молодежи с высокими показателями потенциала политического лидерства: результаты методического эксперимента', в Гаман-Голутвина, О. В., Сморгун, Л. В., Тимофеева, Л. Н. (ред.) *Политическое представительство и публичная власть: трансформационные вызовы и*

перспективы: материалы Ежегодной всероссийской научной конференции с международным участием, г. Москва, МПГУ, 27–28 ноября. Москва: Московский педагогический государственный университет, сс. 421–423. [Popova, S.Yu. (2020) 'The ideological identity of Russian youth with high indicators of the potential of political leadership: results of the methodological experiment' [Ideologicheskaya identichnost' rossiiskoi molodezhi s vysokimi pokazatelyami potentsiala politicheskogo liderstva: rezul'taty metodicheskogo eksperimeta] in: Gaman-Golutvina, O. V., Smorgunov, L. V., Timofeyeva, L. N. (eds.) *Political representation and public power: transformational challenges and prospects*: materials of the Annual All-Russian Scientific Conference with International participation [Politicheskoe predstavitel'stvo i publichnaya vlast': transformatsionnye vyzovy i perspektivy: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii RAPN]. Moscow, Moscow State Pedagogical University, November 27–28. Moscow: Moscow State Pedagogical University, pp. 421–423. (In Russ.)].

Попова, С. Ю. (2019) 'Лидерский потенциал молодых партийных активистов: возможности диагностики и развития' в: Гаман-Голутвина, О. В., Сморгун, Л. В., Тимофеева, Л. Н. (ред.) *Траектории политического развития России: Институты, проекты, акторы*: материалы Всероссийской научной конференции РАПН, г. Москва, МПГУ, 6–7 декабря. Москва: Московский педагогический государственный университет, сс. 321–322. [Popova, S. Yu. (2019) 'Leadership potential of young party activists: opportunities for diagnosis and development' [Liderskiy potentsial molodykh partiynykh aktivistov: vozmozhnosti diagnostiki i razvitiya] in: Gaman-Golutvina, O. V., Smorgunov, L. V., Timofeyeva, L. N. (eds.) *Trajectories of political development in Russia: Institutes, projects, actors*: materials of the All-Russian scientific conference of the Russian Academy of Political Science [Trajektorii politicheskogo razvitiya Ros-

sii: Instituty, proyekty, akторы: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii RAPN]. Moscow, Moscow State Pedagogical University, December 6–7, 2019. Moscow: Moscow State Pedagogical University, pp. 321–322. (In Russ.)].

Россия уступила Никарагуа и Руанде в рейтинге гендерного равенства ВЭФ (2019) [*Russia lost to Nicaragua and Rwanda in the WEF gender equality ranking* (2019) [Rossiya ustupila Nikaragua i Ruande v reytinge gendernogo ravenstva VEF]. URL: <https://www.interfax.ru/world/688224> (дата обращения: 14.05.2021). (In Russ.)].

Рябова, Т. Б. (2021) 'Возраст власти? «Воображаемые поколения» и доверие к политикам в социальных представлениях современных россиян', *Комплексные исследования детства*, т. 3, 1, сс. 59–68. [Ryabova, T. B. (2021) 'Age of Power? "Imaginary Generations" and Trust in Politicians in the Social Views of Contemporary Russians' [Vozrast vlasti? «Vooobrazhayemyye pokoleniya» i doveriyе k politikam v sotsial'nykh predstavleniyakh sovremennykh rossiyan], *Comprehensive Studies of Childhood*, vol. 3, 1, pp. 59–68. (In Russ.)]. DOI: 10.33910/2687-0223-2021-3-1-59-68.

Тев, Д. Б. (2017) 'Депутаты государственной Думы РФ VI созыва: социально-профессиональные источники рекрутирования', *Экономическая социология*, т. 18, 5, сс. 52–86. [Tev, D. B. (2017) 'Deputies of the State Duma of the Russian Federation of the VI convocation: social and professional sources of recruiting' [Deputaty gosudarstvennoy Dumy RF VI sozyva: sotsial'no-professional'nyye istochniki rekrutirovaniya], *Economic Sociology*, v. 18, 5, pp. 52–86. (In Russ.)]. DOI: 10.17323/1726-3247-2017-5-52-86.

Трофимова, В. В. (2009) 'Анализ российского депутатского корпуса: биографический аспект', *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*, 11, сс. 351–353. [Trofimova, V. V. (2009) 'Analysis of the Russian deputy corps: a biographical aspect' [Analiz rossiyskogo deputatskogo korpusa: biograficheskiy

- aspekt], *Actual problems of the humanities and natural sciences*, 11, pp. 351–353. (In Russ.).
- Фадеева, Л. А., Кузнецов, А. О. (2007) «Молодежные левые» России в глобализационном контексте» в: Сморгун, Л. В. (ред) «Актуальные левые» в международном и российском политическом контексте. Санкт-Петербург. Санкт-Петербургский университет, сс. 62–72. [Fadееva, L. A., Kuznetsov, A. O. (2007) "Youth Left" of Russia in a globalization context' [«Molodezhnyye levyye» Rossii v globalizatsionnom kontekste] in: Smorgunov, L. V. (ed.) "Actual Left" in the International and Russian Political Context [«Aktual'nyye levyye» v mezhdunarodnom i rossiyskom politicheskom kontekste]. St. Petersburg University, pp. 62–72. (In Russ.)].
- 2020 HUMAN DEVELOPMENT PERSPECTIVES. TACKLING SOCIAL NORMS. A game changer for gender inequalities (2020) URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hd_perspectives_gsni.pdf (дата обращения: 11.05.2021).
- Ashwin S. (2000) *Gender, State, and Society in Soviet and Post-Soviet Russia*, London: Routledge, 2002.
- Blaydes, L., Linzer, D. A. (2008) 'The political economy of women's support for fundamentalist Islam', *World Politics*, Vol. 60(4), pp. 576–609.
- Celis, K., Childs, S., Kantola, J., Krook, M. L. (2008) 'Rethinking women's substantive representation', *Representation*, Vol. 44(2), pp. 99–110.
- Goloso, G. (2014) 'Growing old without grace: electoral authoritarianism and the age composition of Russia's regional legislative assemblies', *Representation*, Vol. 50(4), pp. 509–526.
- Henn, M., Foard, N. (2012) 'Young people, political participation and trust in Britain', *Parliamentary Affairs*, Vol. 65(1), pp. 47–67.
- Kapoor, N. (2016) 'Women in the Duma: why post-soviet Russia has low female representation? A view from India', *Comparative politics*, 2 (23), pp. 59–72. DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-2(23)-59-72.
- Metz, D. (2002) 'The politics of population ageing', *The Political Quarterly*, Vol. 73 (3), pp. 321–327.
- Norris, P. (1999) 'Petroleum patriarchy?', *A response to Ross, Politics & Gender*, Vol. 5(4), pp. 553–560.
- Shin, E. H. (2001) 'Political demography of Korea: political effects of changes in population composition and distribution', *East Asia*, Vol. 19(1), pp. 171–204.
- Söderlund, P., Wass, H., Blais, A. (2011) 'The impact of motivational and contextual factors on turnout in first-and second-order elections', *Electoral Studies*, Vol. 30(4), pp. 689–699.
- Stockemer D., Sundström A. (2019) 'Youth's underrepresentation in the European Parliament: Insights from interviews with young Members of the European Parliament', *Intergenerational Justice Review*, Vol 5 (1), pp. 4–8.
- Wängnerud, L. (2009) 'Women in parliaments: descriptive and substantive representation', *Annual Review of Political Science*, Vol. 12, pp. 51–69.
- Youth participation in national parliaments* (2014), Inter-Parliamentary Union (IPU), Geneva.
- Youth participation in national parliaments* (2021), Inter-Parliamentary Union. Geneva.

Статья поступила в редакцию: 10.07.2021

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 07.11.2021

Статья принята к печати: 15.11.2021

**COMPARATIVE ANALYSIS OF POLITICAL BIOGRAPHIES OF WOMEN DEPUTIES
OF REGIONAL PARLIAMENTS OF THE RUSSIAN FEDERATION: GENERATIONAL ASPECT**

N. N. Kozlova, Ya. A. Monahova

N. N. Kozlova, Head of the Department of Political Science,
Tver State University.
E-mail: tver-rapn@mail.ru (ORCID: 0000-0003-1212-6412).

Ya. A. Monahova, Senior Lecturer at the Department of Sociology,
Tver State University.
E-mail: julya_monah@mail.ru (ORCID: 0000-0002-5746-248X).

Abstract

The relevance of the study is related to the need to identify fault points and intersections in the mechanisms of recruitment and promotion to the level of political decision-making of various age cohorts of the female segment of the deputy corps of regional parliaments of the Russian Federation. The novelty of the research lies in the fact that the authors analyze the political biographies of two age groups of deputies of regional legislative (representative) bodies of the subjects of the Russian Federation formed during the electoral cycles of 2011-2015: the first group – deputies under the age of 30; the second group is female deputies over 30 years old. The data sources are the websites of regional legislatures, specialized portals dedicated to deputies of various levels, media materials, network communities. The author analyzes such features of the socio-political portrait of female deputies as education, profession, experience of socio-political activity, etc. The authors propose a typology of the female segment of the deputy corps and identify the main career trajectories of women of different generations entering the public sphere. The conducted research shows that the fault lines in the sources of recruiting women of different generations reveal differences in the ways of representing age and gender groups in the system of parliamentarism, and the intersection lines indicate that gender is a stable institution of the Russian political system.

Keywords: women deputies; legislative (representative) state authorities of the subject of the federation; gender; biographical approach; generational gap; electoral systems; regional elite.

Acknowledgements: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the EISS within the framework of the scientific project No. 21-011-31690.

УДК-328.1:354(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2021-4-146-157

МАКРОРЕГИОНЫ В ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РФ (НА ПРИМЕРЕ УРАЛА)

М. В. Назукина, К. А. Сулимов

Назукина Мария Викторовна, кандидат политических наук, доцент,
Пермский государственный национальный исследовательский университет:
научный сотрудник,
Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук.
E-mail: nazukina@mail.ru (ORCID: 0000-0003-0190-0513).

Сулимов Константин Андреевич, кандидат политических наук, заведующий кафедрой политических наук,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.
E-mail: k.sulimov@psu.ru (ORCID: 0000-0003-4277-3135).

Аннотация

В фокусе статьи находится дискурс депутатов Госдумы РФ по поводу макрорегионов России в соответствии с положениями «Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 г.». Стратегия принята Правительством РФ в начале 2019 г. и содержит несколько новаций в государственной политике пространственного развития страны, в частности вводит понятие «макрорегионы» и устанавливает их конкретные конфигурации, а также определяет «геостратегические территории» страны. Стратегия получила критическую оценку в литературе за декларативность и инерционность (например, сохранение привязки макрорегионов к сетке федеральных округов), неопределенность и/или противоречивость целей и смыслов пространственного стратегирования. Представляется, что одной из причин неудовлетворительного качества Стратегии является общая дискурсивная неопределенность и непроясненность возможного территориального развития страны в представлениях российского политико-управленческого класса. Заметным сегментом этого класса является депутатский корпус Госдумы. В представленном в статье анализе проверяется это предположение на материале выступлений депутатов на пленарных заседаниях с упоминаниями российских макрорегионов. Набор данных – выборка стенограмм, обработанных с использованием информационной системы (ИС) «Семограф» – охватывает период 2004–2019 гг. и включает около 150 тыс. выступлений более, чем тысячи депутатов, распределенных по партийным фракциям и четырем созывам. Результаты анализа показывают особое внимание депутатов к удаленным и пограничным территориям, прежде всего, к «дальнему востоку» и «северу», что соответствует логике выделения «геостратегических территорий» в Стратегии. Однако анализ смыслового наполнения выступлений, связанных с уральским макрорегионом, обнаруживает его своеобразную пустоту. Общая картина взгляда депутатов на территорию попадает в сложившиеся представления об Урале: индустриальность и связь со значимыми историческими сюжетами, а также граничность – функция разделения страны. Сам Урал остается малопроявленным и малопроясненным в конкретном контексте настоящего и будущего.

Ключевые слова: Россия; будущее; Государственная дума; территориальный образ; макрорегион, Урал; контент-анализ; дискурс-анализ; пространственное развитие; государственная политика

Вопросы территориального устройства России – в политическом, социальном, экономическом, культурном etc. измерениях – всегда были значимы и привлекали внимание. В недавнее время

опять актуализирована проблематика переустройства структуры страны на надрегиональном уровне. Речь, прежде всего, идет о так называемых макрорегионах – супертерриториальных сущностях или суперсубъектах, преобразования над которыми осуществляются как на уровне федеральных округов, так и на уровне экономических районов. Если еще десятилетие назад данный термин не был артикулирован на политическом уровне, то в настоящее время он все активнее входит в оборот официальной риторики. Само понятие макрорегионы институционализируется в официальном дискурсе через закрепление в «Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 г.»¹. Стратегия утверждена Правительством РФ в начале 2019 г. и содержит несколько новаций в государственной политике пространственного развития страны. Кроме понятия «макрорегионы» также появились «перспективные экономические специализации субъектов Российской Федерации», «перспективные центры экономического роста» и «геостратегические территории». Само появление Стратегии приветствовалось, но ее содержание получило скорее критическую оценку в литературе. И в целом – за неопределенность «зафиксированных в Стратегии приоритетов и целей пространственного стратегирования, отсутствие четких представлений о сути и задачах целого ряда институциональных новаций этого документа» (Иванов, Бухвальд, 2021: 7). И в отношении конкретных аспектов, в частности, за сохранение привязки макрорегионов к сетке федеральных округов, что, видимо, было продиктовано административно-политическими соображениями, но ставит под вопрос «реальный смысл выделения макрорегионов и разработки стратегий их социально-экономического развития» (Кузнецова, 2019: 122–123). Детальный анализ распределения предложенных в Стратегии перспективных региональных экономических специализаций и перспективных центров экономического роста обнаруживает декларативность приоритетного развития геостратегических территорий над остальными – регионы, соответствующие этим территориям, «объединяет только одно – географическое положение на окраинах России» (Блануца, 2020: 33). Стратегия, несмотря на предлагаемые понятийные новации, фактически является инерционной, продолжающей прежнюю региональную политику государства (Лексин, 2019).

Отмечается, что Стратегия готовилась без необходимого широкого экспертного обсуждения (Кузнецова, 2019). И даже если какие-то эксперты привлекались, разумно предположить, что в стратегии, наряду с конкретными ведомственными, политическими, административными и прочими интересами, реализовались более широкие представления о настоящем, желаемом и возможном будущем территориального устройства страны среди российского политико-управленческого класса. Одним из сегментов этого класса является депутатский корпус Государственной думы. Саму Стратегию депутаты не обсуждали (она лишь несколько раз упоминалась), ее рассмотрение и принятие не входит в полномочия думы. Однако пространственные аспекты образа страны являются одной из важных тематических линий депутатского дискурса в процессе обсуждения и принятия законопроектов, а также других вопросов и документов на пленарных заседаниях. В обсуждениях регулярно присутствуют сюжеты, связанные со стратегическим планированием и выбором перспективных моделей территориального устройства, оптимизацией системы АТД страны, с вопросами границ страны, уникальности составных частей (регионов), их развитием и прочим (Назукина, Сулимов, 2021). Депутаты активно используют в своей речи устойчивые словоформы, которые можно связать с макрорегионами: «Дальний Восток», «Сибирь», «Северный Кавказ», «Урал», «Поволжье» и прочие. Мы не предполагаем непосредственной каузальной связи между депутатскими представлениями и текстом Стратегии, но исходим из того, что они являются, хотя бы отчасти, индикатором некоторых общих, базовых представлений всего политико-управленческого класса. Депутатский дискурс выступает необходимым фоном для рассмотрения и принятия политико-управленческих решений, требующих законодательного регулирования, в том числе в отношении территориальных аспектов существования страны. При этом нет сомнений в том, что в принципиальных политических решениях нынешняя Дума будет следовать предложениям исполнительной власти, но в массе отдельных конкретных вопросов

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 г.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13.02.2019 г. № 207-р. Сайт Правительства России. [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUtT08o60RktoOX122JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 01.10.2021).

она (группы депутатов) способна оказывать давление на инициаторов решений или инициировать собственные.

За годы существования думы депутаты наговорили довольно значительные объемы «текстов». В рамках данного исследования была использована часть специально созданной в середине 2019 г. базы данных выступлений депутатов, извлеченных из стенограмм пленарных заседаний Государственной думы², весь массив с 1994 по 2019 гг. включает 324 тыс. выступлений/реплик (27 млн словоупотреблений) от порядка двух с половиной тысяч депутатов и других лиц. Такие объемы требуют специальных инструментов анализа, поэтому данные обрабатывались в информационной системе «Семограф»³, позволяющей осуществлять поиск и фильтрацию отдельных словоупотреблений (термы) и их контекстов (выступлений/реплик), использовать поля и метаполя, создавать семантические карты и графы, и прочее (общий дизайн технологии работы с дискурсом депутатов ГД по этой базе см. в: Белоусов и др., 2020).

В данной статье на примере одного из макрорегионов (Урал) мы проанализируем возможные смысловые наполнения пространственных измерений дискурса депутатского корпуса, чтобы прояснить степень предметной ориентированности представлений депутатов, их схожесть или отличие от общераспространенных представлений.

Урал в общераспространенных представлениях и в тексте Стратегии

Согласно Стратегии, к числу принципов выделения макрорегионов относятся: соседское положение субъектов, схожие природно-климатические и социально-экономические условия для жизни и экономической деятельности, значительный потенциал межрегионального взаимодействия и кооперации, наличие в составе одного или нескольких крупнейших и (или) крупных центров экономического роста, наличие (или возможность создания) объектов отраслей социальной сферы федерального значения, способствующих повышению транспортной доступности, оказания услуг указанных отраслей в пределах макрорегиона, наличие (или возможность создания) объектов транспортной, энергетической, информационно-коммуникационной инфраструктуры, обеспечивающих связанность субъектов... и выход к международным рынкам или транспортным коридорам «Запад – Восток», «Север – Юг». Согласно документу, создание макрорегионов учитывает специализацию регионов России и особенности территорий.

В качестве кейса для исследования был выбран макрорегион Урал, что обусловлено в первую очередь устойчивостью и укорененностью этого территориального образования и представлений о нем. По поводу названия макрорегиона в науке сложилось несколько версий (Матвеев, 1961). Несмотря на отсутствие единой точки зрения о происхождении названия важно зафиксировать связь названия территории и названия горной цепи. Фактическая граница, которая проходит между Европой и Азией по Уральским горам накладывает важные символические функции, которые выполняет территория уральского макрорегиона.

Экономисты называют особый тип крупного региона, который складывается в центральной, стратегически важной части страны «срединным регионом». А. И. Татаркин отмечает, что такие регионы в истории всегда «притягивали к себе производство, население, финансы, управленческие функции» (Татаркин, 2005: 5). Также для них характерна производственно-технологическая и социально-культурная связанность, и «наличие мощного ядра или нескольких ядер, в качестве которых выступают крупнейшие города, обладающие официальным статусом административно-политических, экономических, организационных центров субъектов РФ» (Анимица, Глумов, 2006: 171).

Таким образом, отличительная черта Урала – его расположение: в середине страны. Уральский регион в этом контексте рассматривается как территория, цементирующая Европу и Азию, имеющая важное статусное значение для экономического потенциала страны. Исследования демонстрируют, что основу уральского макрорегиона составляет экономический дискурс. Интервью с экспертами показывают, что представления о наличии огромных ресурсов, мощного промышленного

² База данных стенограмм заседаний Государственной думы. [электронный ресурс]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/> (дата обращения: 23.10.2021).

³ Информационная система "Семограф" [электронный ресурс]. URL: <https://semograph.org/> (дата обращения: 23.10.2021).

потенциала неразрывно связаны с Уралом. Общая стратегическая (индустриальная) роль в общей системе государства формирует уральскую особость: *«Урал как область, символ и метафора – он конечно существует. Если выделять ключевой маркер, о котором говорят – это понятие горнозаводской цивилизации. Ментальность, связанная с тем, что здесь когда-то были организованы заводы как основа для поселений, которые становились структурообразующими звеньями. Это исторически. А дальше – это и Хребет Урала. Пересечение культур, особая ментальность, связанная с ценностью труда, мастерства. Это то, о чем писал Алексей Иванов»*⁴.

Другая, дополнительная, но важная черта уральской самости обусловлена тем, что на протяжении долгого исторического времени Урал представляет собой «промежуточную и соединяющую территорию» (Назукина, 2015). Граница эта особого типа: *«Вообще Урал был всегда таким фронтиром, а во фронтире всегда возникает специфическое ощущение. Вот эта вся горнозаводская мифология («мы здесь хребет державы») оставляла ощущение, что мы здесь что-то такое полезное делаем и вообще мы такие боевые ребята»*⁵.

Конструируемая интеллектуальным дискурсом особость Урала вопрос о его границах связывает с наличием ядра регионов, которые воспроизводят горнозаводскую специфику. Безусловным центром этого макрорегиона считается Екатеринбург: *«У нас получается так. Когда мы говорим «уральская идентичность», мы подразумеваем «екатеринбургская». Эти две вещи, они отождествляются. Мы фактически приватизировали термин «Урал». Пермь – это уже не Урал. Челябинск – это Южный Урал»*⁶, *«в советское время выпускалось много духовного продукта под маркой «Урал». И материального (Уралмашизавод). У людей застряло, что они не просто живут в каком-то городе, а еще и на Урале. Такое же есть у сибиряков, например»*⁷. Помимо Екатеринбурга, традиционно частью Урала считают Челябинскую область. Пермский край, отнесенный к Приволжскому федеральному округу, по мнению экспертов постепенно утрачивает на уровне ценностей уральскую специфику.

В целом, определение границ Уральского региона различается в зависимости от критериев проведения границ. Административные границы Урала связаны с определением субъектов России, которые включаются в Уральский федеральный округ, к которому были отнесены Курганская область, Свердловская область, Тюменская область, Челябинская область, Ханты-Мансийский АО, Ямало-Ненецкий АО.

Авторы Стратегии пространственного развития России на период до 2025 г. при определении макрорегионов явно опирались на имеющуюся сетку федеральных округов. Из восьми имеющихся округов четыре стали макрорегионами, каждый из четырех прочих был разделен на два макрорегиона (Блануца, 2020).

Уральский федеральный округ стал Уральско-Сибирским макрорегионом, включающим Курганскую область, Свердловскую область, Тюменскую область, Челябинскую область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югру, Ямало-Ненецкий автономный округ. В составе Приволжского федерального округа был выделен Волго-Уральский макрорегион, включающий Республику Башкортостан, Оренбургскую область, Пензенскую область, Самарскую область, Саратовскую область, Ульяновскую область. А, например, Пермский край, традиционно считавшийся Западным Уралом и входящий в Приволжский федеральный округ, оказался включен в Волго-Камский макрорегион (вместе с Республикой Марий Эл, Республикой Мордовия, Республикой Татарстан, Удмуртской Республикой, Чувашской Республикой, Кировской областью, Нижегородской областью).

Однако с точки зрения социально-экономического определения границ Уральского макрорегиона на основе экономических районов в состав Урала могут включать Пермский край, Свердловскую область, Челябинскую область, Курганскую область, Оренбургскую область, Республику Башкирия и Республику Удмуртия. Указанный состав Урала рассматривается как «относительно целостное территориально-экономическое образование»: *«Взаимосвязанное и взаимообусловленное разви-*

⁴ Интервью с экспертом-культурологом, доктором наук, Екатеринбург, декабрь 2019. Архив автора

⁵ Интервью с экспертом-политологом, Екатеринбург, декабрь 2019. Архив автора

⁶ Интервью с экспертом-политологом, кандидатом наук, Екатеринбург, декабрь 2019. Архив автора

⁷ Интервью с общественным деятелем, Екатеринбург, декабрь 2019. Архив автора

тие семи субъектов РФ привело к образованию единого регионального экономического пространства, основу которого образует исторически сложившийся индустриальный комплекс с доминированием отраслей машиностроения, металлургии, горно-химического, нефтегазохимического, лесопромышленного, агропромышленного, топливно-энергетического и строительно-промышленного производства» (Бенц, 2020).

Таким образом, границы Урала подвижны в зависимости от основания. Это также актуализирует вопрос видения границ в риторике депутатов ГД РФ, осмысления специфики макрорегиона и перспектив его развития.

Методы и данные

Исследование текстов стенограмм депутатского корпуса ГД РФ основывается на синтезе количественной и качественной методологии. Основным методом является количественный контент-анализ (White and Marsh, 2006). При работе над кодификатором и определением единиц анализа использовалась логика, при которой на основе экспертного опроса⁸ и выявления семантического ядра были определены ключевые категории, структурирующие территориально-политический образ в риторике депутатского корпуса.

Поскольку актуальная структура российского парламента (прежде всего фракционная, с воспроизводимыми ядерными группами депутатов в каждой фракции) сложилась в период работы 4-го созыва Думы, для анализа были взяты тексты выступлений депутатов, начиная именно с этого созыва: 4-й (2003–2007 гг.), 5-й (2007–2011 гг.), 6-й (2011–2016 гг.) и 7-й (2016–2019 гг.). Наш набор данных охватывает период 2004–2019 гг. и включает около 150 тыс. выступлений более, чем 1 000 депутатов, распределенных по партийным фракциям и четырем созывам. С помощью специального программного обеспечения «Семограф» был проведен контент-анализ.

Для анализа депутатского дискурса применительно ко всем возможным макрорегионам страны все тексты реплик каждого депутата были предварительно обработаны с помощью библиотеки SloVNet⁹, реализующей извлечение именованных сущностей из текстов на естественном языке на основе методов глубинного обучения. В текстах реплик были выделены следующие категории сущностей: личность (PER), организация (ORG), географический объект (LOC). Последняя категория включает в себя термины, которые связаны с устоявшимися макрорегионами страны (Дальний Восток, Сибирь, Урал и прочие). В табл. 1 представлены данные по количеству выступлений, в которых упоминаются макротерритории России.

Таблица 1

Количество выступлений депутатов с упоминанием макротерриториальных сущностей

Территория	Кол-во выступлений
Дальний Восток	1728
Север	1274
Сибирь	770
Северный Кавказ	479
Урал	258
Центр	153
Поволжье	106
Юг	90
Северо-Запад	55

Источник: составлено авторами.

⁸ См. подробнее: Назукина, Сулимов, 2021.

⁹ SloVNet [online]. Available at: <https://github.com/natasha/slovnet> (Accessed: 12th August 2020).

Видно, что особое внимание депутаты уделяют удаленным и пограничным территориям, прежде всего, «дальнему востоку» и «северу». Это в целом соответствует логике выделения в Стратегии «геостратегических территорий» как территорий важных для обеспечения национальной безопасности страны. Урал занимает довольно скромное место на фоне других.

Для углубленного анализа был осуществлен отбор выступлений депутатов через поиск слова «Урал» в разных склонениях через информационную систему экспертного и машинного анализа языкового контента «Semograph». Всего было отобрано 258 выступлений, в которых содержался дискурс об Урале. Данные выступления структурировались по следующим направлениям:

- географическая связь говорящего (факт избрания от региона, который относится к Уралу или не относится: уральская/внешняя привязка);
- фракционная принадлежность автора выступлений об Урале;
- содержательно-тематический контекст выступления (исходя из смысловой повестки речи);
- временной ориентир контекста выступления по оси прошлое – настоящее – будущее.

Вариации депутатского дискурса об Урале

Формальный срез по соотношению депутатов, говорящих об Урале с их географической привязкой (избранием от уральского региона), показывает, что только 10 % выступлений (26) могут быть соотношены по принципу локальности говорящего. Из них 11 выступлений – это речи депутатов от Свердловской области. Таким образом, традиционное представление о локомотивной роли Свердловской области и Екатеринбурге как центре макрорегиона подтверждается и числом выступлений об Урале. Пермский край и Челябинская область имеют по 4 и 3 текста от своих депутатов об Урале.

Наибольшее, из депутатов, избравшихся по одномандатным округам, число упоминаний Урала (19 текстов) связано с выступлениями депутатов от Новосибирской области, в частности А.Е. Локотя (депутат в IV, V, VI созывах, КПРФ). При этом важно отметить, что его дискурс опирается на словоформу «За Уралом», или наименованием Сибири и Дальнего Востока как территории, которая находится «за Уралом», т.е. в таких выступлениях речь фактически идет не об Урале, а о той части страны, которая находится за Уральским хребтом: *«Теперь о развитии территорий. Из шести зон только одна за Уралом. Вы знаете, политика «за Уралом для нас земли нет», приведет к краху» (2006 г.); «В Сибири, за Уралом засуха» (2012 г.); «Второе - удалённость. Ну, я понимаю, пока за Урал не заедешь, этой удалённости, этой протяжённости территорий субъектов не почувствуешь (2013 г.)»¹⁰ и др.*

Показательность ключевой линии данных выступлений, значимых для характеристики уральского макрорегиона, заключается в том, что они подтверждают и дискурсивно воспроизводят граничную задачу территории Урала (фронтирность). В таких выступлениях есть «за Урал» и то, что до него, то есть Урал проводит границу, не только географическую, но и символическую по территории страны. При этом «за Урал» он другой, он удаленный, крупный, и он требует других решений. Следовательно, в таком дискурсе, самостоятельность территории в будущем должна учитываться более основательно.

Среди всех депутатов Жириновский В. В. (лидер партии ЛДПР) является автором большей части текстов, в которых упоминается Урал (71 выступление или 27,5% всех текстов). По оценке «внешний – свой» он, безусловно, относится к внешним акторам, и воспроизводит доминирующие по доле представленности в дискурсе об Урале смыслы. Характеризуя его содержательные аспекты, выделим несколько важных смысловых пластов. Во-первых, автор понимает территорию Урала как особую часть страны: *«у нас Сибирь, Урал и центр России» (2014 г.)*. При этом в качестве ключевого маркера особенности выделяется граничность территории: *«А могло бы быть паломничество туда. Урал - граница Азии и Европы. Где туристы, которые едут туда, чтобы встать в точке, откуда метр в сторону - Азия, метр в другую - Европа?» (2018 г.)*.

¹⁰ Цитируется здесь и далее на основе базы стенограмм в Semograph. Архив авторов.

Во-вторых, территория – фронтир делит страну, на востоке которой остается «за Уралом» – это Сибирь и Дальний Восток. Образ «за Уралом» отчетливо представлен в парламентском дискурсе В.В. Жириновского и воспроизводится как земля неосвоенная и богатая природными ресурсами: «Значит, вы не хотите осваивать территории за Уралом. Тогда честно скажите: граждане, потихонечку сворачивайтесь, пакуйте чемоданы» (2004 г.); «И водные запасы огромные, но в европейской части всего 10%, остальное - за Уралом» (2006 г.). При этом «за Уралом» имеет стратегическое значение и должен особым образом рассматриваться в практике принятия решений, иметь особые налоговые и социальные льготы: «Коэффициент: за Уралом людям в два раза больше платить, а налоги пусть будут меньше в два раза, а в Сибири и на Дальнем Востоке - в три раза, и всё, там будет население. За Уралом вообще можно сделать сплошную оффшорную зону» (2005 г.); «Все социальные льготы должны идти сперва за Урал, 100 процентов» (2006 г.).

Третье измерение – историческое или Урал в истории страны. Автор упоминает восстание Пугачева и расстрел царской семьи как значимые вехи истории макрорегиона: «Ведь восстание Пугачёва специально подняли на Урале, чтобы разрушить военную промышленность ещё той, царской России...» (2007 г.); «Царь ничего не смог сделать, всё защищал помещиков - доигрался, его расстреляли рабочие с Урала» (2008 г.). К этому дополняются смыслы современной политической истории о родине первого российского президента Б.Н.Ельцин: «Или Ельцин: наплевать ему было на Советский Союз, на всё, он с Урала приехал, он решил, что должен в Кремле сидеть» (2011 г.) и Екатеринбурге как центре Урала: «Пусть там будет центр истории Урала: история Урала – пожалуйста, можно указать, где родился Ельцин, как он там работал, уехал в Москву и прочее» (2018 г.).

Будущее Урала рассматривается В. В. Жириновским в контексте геополитических угроз России. В частности, автор довольно часто в стенах Государственной думы поднимал вопрос о привлекательности территории Урала и Сибири для миграции со стороны государств Средней Азии и опасности соседства: «потом Иран наведёт порядок в Афганистане, и мы получим мощное исламское государство. И они подойдут к Уралу и к Сибири, туда подойдут они через десять лет, вот увидите, в 2016 г. я буду здесь выступать и вам говорить: "Ну что, у нас Сибирский военный округ воюет?" Будет воевать» (2006 г.); «Вынужденно миллионы хлынут сюда, из Афганистана уйдут, миллионы хлынут на Урал и в Сибирь» (2008 г.); «И тогда миллионы беженцев - Урал, Сибирь, всё это будет в ближайшие десять лет» (2009 г.).

В целом вектор дискурса будущего ориентирован на «За Урал» и связан с особой политикой в отношении к этой территории: «Полностью отменить налоги – и вы увидите, как там начнется экономический бум. Вообще освободить! И этот эксперимент потом ввести от Сибири до Урала, вот тогда у нас будет полное освоение Сибири, туда поедут те, кто заинтересован в безналоговой экономике, и там будет экономический взрыв» (2005 г.); «И стимулировать переезд людей за Урал, тогда мы сразу решаем проблему: и детей больше, и там, где нам надо, – за Уралом» (2006 г.).

Тематический контекст дискурса об Урале

Выступления депутатов были систематизированы по тематическим направлениям, проявляющихся в акцентировании различных специфических особенностей макрорегиона. Словарь категорий включал определение ключевых контекстов речей по доминирующей теме выступлений через их анализ в программе для проведения контент-анализа QDA Miner Lite.

Таблица 2

Контексты дискурса об Урале

Экономика	55
Социальная сфера и вопросы демографии	52
Политика	30

Продолжение табл. 2

История	26
Природа	16
Инфраструктура	13
Законодательство	12
География	11
Культура	10
Образование	9
Армия	9
Границы	7
Наука	4
Местное самоуправление	2
Национальная политика	2
Общий итог	258

Источник: составлено авторами.

Как видно из таблицы, доминирующими контекстами упоминания уральского макрорегиона в дискурсе депутатов выступают экономические и социально-демографические. Урал и «за Урал» рассматриваются как территории богатые природными ресурсами, но при этом малозаселенные: «Почему дешевле, мы говорим, в Сибири, за Уралом, до Байкала, за Байкалом? Да потому, что все мощнейшие реки находятся там, все самые мощные гидроэлектростанции находятся там» (2007 г.); «От Дальнего Востока до Урала живёт всего 27 миллионов, в Дальневосточном федеральном округе - 6,2 миллиона человек, вся таблица Менделеева за Уралом - вы чего делаете?!» (2018 г.). «Вопросы малонаселенности и миграционной активности населения с территориями «за Урала» делают актуальной демографическую проблему» (2006 г.), «Вы сегодня говорили о сложностях, которые есть, о незаконной миграции, а вот у нас внутри страны существует такой западный дрейф, когда в мегаполисы народ из-за Урала, что называется, мигрирует» (2012 г.). Депутаты затрагивают темы индексации пенсий, регионального коэффициента зарплат и льготной преференциальной политики: «Огромное количество земель на Урале, на Дальнем Востоке - неужели нам жалко поддержать наших сотрудников вот такой эффективной льготой?» (2011 г.).

Название макрорегиона Урал используется для разграничения страны, показывая неравномерность экономического развития России. Упоминание неравномерности развития страны включает в себя образ двух частей страны: до Урала и за Уралом. Особо подчеркивается малозаселенность страны за Уралом. При этом упоминание Урала акцентирует внимание на регион, как один из мощных промышленных регионов России: «Урал промышленный, Урал полярный».

В историческом контексте Урал часто фигурирует как предмет для осуждения советского прошлого со стороны фракций «Единая Россия» и ЛДПР (упоминание репрессий, темы Гражданской войны): «В период с 1919 по 1933 гг. в ходе террора было истреблено более 70 процентов казаков Дона, Кубани. Были почти полностью уничтожены казаки Терека, Астрахани, Урал» (2009 г.). Представители КПРФ ссылались на Урал как на регион с промышленным потенциалом, называя его тылом времен войны. Зауралье также упоминается как место эвакуации заводов и населения из центральных регионов.

Депутаты ставят проблему неразвитости инфраструктуры «за Уралом»: «Подчеркивалось необходимость развития Байкало-Амурской и Транссибирской магистралей: мы говорим, в Сибири, за Уралом, до Байкала, за Байкалом? Да потому, что все мощнейшие реки находятся там, все самые мощные гидроэлектростанции находятся там и, безусловно, гидроэнергетика значительно дешевле» (2007 г.).

Природа Урала в депутатском дискурсе характеризуется в негативном плане из-за экологических проблем в регионе. Выбросы предприятий в реки, загрязнение природы и снижение пригодности

сти для проживания в регионе акцентируются в выступлениях депутатов: *«Еще в советское время мы отметились крупнейшими катастрофами мирового масштаба вроде Чернобыля, радиоактивного заражения Урала»* (2005 г.). В то же время – наличие рек на Урале служат источником гидроэлектроэнергии в регионе: *«И водные запасы огромные, но в европейской части всего 10 процентов, остальное – за Уралом»* (2007 г.). В целом, природа Урала благоприятна для развития туризма и формирует одну из перспективных ниш для будущего развития территории: *«Политический вывод здесь один: надо развивать собственные курорты – Сочи, Красную Поляну, зону Байкала, зону Селигера, Алтай, курорты Сибири и Урала, то есть зажигать надо на родине, всё, так сказать»* (2007 г.).

Временной ориентир контекста выступления по оси прошлое – настоящее – будущее

Группировка выступлений по линии «прошлое – настоящее – будущее» показывает, что Урал и «за Уралом» в подавляющем большинстве случаев рассматривается в настоящем времени, констатируя особенности и проблемные точки территории на момент выступления депутатов. Прошлое территории связано с историческим контекстом и по большей части опирается на советский период, в который актуализировалась индустриальная специфика территории: *«Значительная часть этой магистрали была построена еще в 1980-е гг. прошлого века, и целью этой стройки было повышение надежности электроснабжения Урала и европейской части России»* (2005 г.).

Таблица 3

Контексты дискурса об Урале по линии прошлое – настоящее – будущее (количество сообщений)

Будущее	50
Настоящее	170
Прошлое	38
Общий итог	258

Источник: составлено авторами.

Фокус будущего может быть проиллюстрирован выступлением 2018 г. депутата от Омской области Кравца Александра Алексеевича: *«Выстрел «Авроры» – это выстрел в демонов наживы, в демонов национализма, в демонов развала нашей страны, это был прорыв в будущее, а прорыв в будущее в нашей стране всегда обеспечивался мощным уникальным потенциалом, что бы там ни говорили о мессианской природе нашей Родины и нашего народа, ибо мы обладаем, по сути дела, третью мировых запасов природных ресурсов, и практически большинство из них находится за Уралом, на той территории, которая называется Сибирью»*. «За Урал» здесь связан с важной стратегической ролью, обеспечивающей развитие всей страны: *«...ядерный пожар разорвет Россию пополам, парализует транспортную систему, экономику Урала и Сибири, поставит под вопрос целостность страны, миллионы жителей будут отрезаны от европейской части»* (2005 г.).

Будущее территории связано с расширением льготных преимуществ (например, расширение границ дальневосточного гектара): *«Да для того, чтобы распределить, надо сначала заработать и надо дать людям достойно трудиться, за хорошую зарплату. У страны есть такая возможность. И речь не только о европейской части, но и о Сибири, об Урале»* (2006 г.). Также важным является решение проблемы малонаселенности: *«И стимулировать переезд людей за Урал, тогда мы сразу решаем проблему: и детей больше, и там, где нам надо, – за Уралом»* (2006 г.).

* * *

Определяя доминирующие пласты дискурса депутатов относительно Урала, можно отметить, что общая картина взгляда на территорию попадает в сложившиеся представления об Урале: граничность, индустриальность, связь со значимыми историческими сюжетами. Анализ дискурса депутатов относительно макрорегиона Урал показывает, что регион, в первую очередь, используется для разграничения страны. Упоминается не Урал, а именно «за Уралом» (две трети от всех текстов), Урал в свою очередь связывается с промышленной спецификой и граничной ролью опорного срединного

региона. Будущее территории связано с его настоящим и прошлым, оно основано на его стратегическом положении. В контексте будущего именно решения по поводу «за Уралом» в рамках преференциальных мер в демографической и социально-экономической политике должны решить ключевую проблему, которой депутатский дискурс считает малонаселенность.

Доминирующим субъектом, формирующим дискурсивное пространство вокруг Урала, является В. В. Жириновский, лидер фракции ЛДПР. В его выступлениях был также актуализирован политический пласт будущего территории в рамках вызовов миграции и проблемы безопасности границ. Однако выступления (первой половины 2000-х гг.), в которых он прогнозировал в ближайшие 10–15 лет угрозу исламизации Урала не сбылись и показывают скорее специфичность взгляда автора, чем ее типичность для всего депутатского дискурса.

В контексте критики «Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 г.» можно отметить, что дискурс депутатов Госдумы по поводу одного из макрорегионов России выглядит вполне конкретным, но при этом он не ориентирован на сам Урал как таковой, в предметном настоящем и будущем. Для депутатов критически важна его граничность, функция территориального разделения страны, и характеристики, в большинстве унаследованные из прошлого. Сам Урал остается малопроявленным и малопроясненным. Представляется, что это коррелирует с критикой выделения макрорегионов в Стратегии как малопредметных и недостаточно осмысленных сущностей. Также депутаты демонстрируют особое внимание к удаленным и пограничным территориям, прежде всего, к «дальнему востоку» и «северу», что соответствует логике выделения «геостратегических территорий» в Стратегии. Можно предполагать, что и остальные макротерриториальные сущности в дискурсе депутатов имеют столь же отсылочный характер, но это требует специальной проверки.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00624 «Будущее России: содержание, смыслы и границы национального согласия».

Список литературы / References

- Анимица, Е. Г., Глузов, А. А. (2006) 'Особенности и основные черты развития среднего региона (на примере Уральского экономического района)', *Известия Уральского государственного экономического университета*, 4 (16), сс. 169–185. [Animitsa, E. G., Glumov, A. A. (2006) 'Features and main features of the development of the middle region (on the example of the Ural economic region)' [Osobennosti i osnovnye cherty razvitiya sredinnogo regiona (na primere Ural'skogo ekonomicheskogo raiona)], *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 4 (16), pp. 169–185. (In Russ.)].
- Белоусов, К. И., Лабути, И. А., Рябинин, К. В., Сулимов, К. А. (2020) «Депутатская картография» на материале стенограмм заседаний ГД РФ», *Вестник Пермского университета. Политология*, 14 (4), сс. 138–152. [Belousov, K. I., Labutin, I. A., Ryabinin, K. V., Sulimov, K. A. (2020) '«Deputies Cartography» on the material of the stenograms of the sittings of the State Duma' [«Deputatskaya kartografiya» na materiale stenogramm zasedanii GD RF], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 14 (4), pp. 138–152. (In Russ.)]. DOI: 10.17072/2218-1067-2020-4-138-152.
- Бенц, Д. С. (2020) 'Тренды развития Уральского макрорегиона', *Вестник Челябинского государственного университета*, 2 (436), *Экономические науки*, вып. 68, сс. 92–101. [Benz, D. S. (2020) 'Ural macroregion: the development trends of its subuects [Trendy razvitiya Ural'skogo makroregiona], *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2 (436), *Economic Sciences*, iss. 68, pp. 92–101. (In Russ.)].
- Блануца, В. Б. (2020) 'Перспективы пространственного развития геостратегических территорий Российской Федерации', *Вестник Пермского университета. Политология*, 14 (4), сс. 27–38. [Blanutsa, V. B. (2020) 'Spatial development prospects for geostrategic territories of the

- Russian Federation' [Perspektivy prostranstvennogo razvitiya geostrategicheskikh territorii Rossiiskoi Federatsii], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 14 (4), pp. 27–38. (In Russ.)). DOI: 10.17072/2218-1067-2020-4-27-38.
- Иванов, О. Б., Бухвальд, Е. М. (2021) 'Стратегия пространственного развития и основные направления ее актуализации', *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика*, 1, сс. 7–23. [Ivanov, O. B., Bukhvald, E. M. (2021) 'Strategy of spatial development and the main directions of its actualization' [Strategiya prostranstvennogo razvitiya i osnovnye napravleniya ee aktualizatsii], *ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice*, 1, pp. 7–23. (In Russ.)].
- Кузнецова, О. В. (2019) 'Стратегия пространственного развития Российской Федерации: иллюзия решений и реальность проблем', *Пространственная экономика*, 15 (4), сс. 107–125. [Kuznetsova, O. V. (2019) 'Problems of Elaboration of Spatial Development Strategy of the Russian Federation' [Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii: illyuziya reshenii i real'nost' problem], *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 15 (4), pp. 107–125. (In Russ.)]. DOI: 10.14530/se.2019.4.107-125
- Лексин, В. Н. (2019) 'Дороги, которые не мы выбираем (о правительственной "Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года")', *Российский экономический журнал*, 3, сс. 3–24. [Leksin, V. N. (2019) 'The roads that we do not choose (on the government «Strategy of spatial development of the Russian Federation for the period up to 2025»)' [Dorogi, kotorye ne my vybiraem (o pravitel'stvennoi" Strategii prostranstvennogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda)], *Russian Economic Journal*, 3, pp. 3–24. (In Russ.)].
- Матвеев, А. К. (1961) 'О происхождении названия "Урал"', *Вопросы истории Урала*, вып. 39, ч. 1, Свердловск, Ученые записки Уральского государственного университета, сс. 25–30. [Matveev, A. K. (1961) 'About the origin of the name "Ural"' [O proiskhozhdenii nazvaniya "Ural"], *Voprosy istorii Urala*, 39 (1), Sverdlovsk, Uchenye zapiski Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 25–30. (In Russ.)].
- Назукина, М. В., Сулимов, К. А. (2021) 'К измерению образа будущего в дискурсе депутатов Государственной Думы (на примере территориально-политических представлений)', *Ars Administrandi (Искусство управления)*, 13 (1), сс. 1–18. [Nazukina, M. V. and Sulimov, K. A. (2021) 'On measuring the image of the future in the discourse of the Russian State Duma deputies (as based on territorial-political representations)' [K izmereniyu obraza budushchego v diskurse deputatov Gosudarstvennoi Dumy (na primere territorial'no-politicheskikh predstavlenii)], *Ars Administrandi*, 13 (1), pp. 1–18. (In Russ.)]. DOI: 10.17072/2218-9173-2021-1-1-18.
- Назукина, М. В. (2015) 'Уральский макрорегион в системе территориальных идентичностей современной России', *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, 6, сс. 37–47. [Nazukina, M. V. (2015) 'Urals Macroregion in the System of Territorial Identities of Modern Russia' [Ural'skii makroregion v sisteme territorial'nykh identichnostei sovremennoi Rossii], *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, 6, pp. 37–47. (In Russ.)]. DOI: 10.15356/0373-2444-2015-6-37-47.
- Татаркин, А. И. (2005) 'Социально-экономический статус срединного региона России', *Экономика региона*, 2, сс. 5–22. [Tatarkin, A. I. (2005) 'Socio-economic status of the middle region of Russia' [Sotsial'no-ekonomicheskii status sredinnogo regiona Rossii], *Ekonomika regiona*, 2, pp. 5–22. (In Russ.)].
- White, M. D., Marsh, E. E. (2006) 'Content analysis: A flexible methodology', *Library Trends*, 55 (1), pp. 35–36. DOI: 10.1353/lib.2006.0053.

Статья поступила в редакцию: 25.09.2021

Статья принята к печати: 10.11.2021

MACRO-REGIONS IN THE TERRITORIAL-POLITICAL DISCOURSE OF DEPUTIES OF THE STATE DUMA (ON THE EXAMPLE OF THE URALS)

M. V. Nazukina, K. A. Sulimov

M. V. Nazukina, Candidate of Political Science, Associate Professor,
Perm State National Research University:
Researcher,
Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: nazukina@mail.ru (ORCID: 0000-0003-0190-0513).

K. A. Sulimov, Candidate of Political Science, Head of the Department of Political Science,
Perm State University.
E-mail: k.sulimov@psu.ru (ORCID: 0000-0003-4277-3135).

Abstract

The article focuses on the discourse of the deputies of the State Duma of the Russian Federation on the macro-regions of Russia in relation to the provisions of the "Strategy of spatial development of the Russian Federation for the period up to 2025". The strategy introduces the concepts of "macro-regions", the "geostrategic territories" and the others. The strategy received a critical assessment for its declarative nature and preservation of the binding of macroregions to the grid of federal districts, the inconsistency of goals and meanings of spatial strategizing. It seems that one of the reasons for the unsatisfactory quality of the Strategy is the general discursive uncertainty and lack of clarity of the possible territorial development of the country in the views of the Russian political and administrative class, segment of which is the State Duma deputy corps. The analysis presented in the article tests this assumption on the material of the speeches of deputies at plenary sessions with references to Russian macroregions. The data set is a sample of transcripts that covers the period 2004–2019 and includes about 150 thousand legislative speeches from more than 1000 deputies distributed among party factions and four convocations. The results of the analysis show the special attention of deputies to remote and border territories, first of all to the "Far East" and "North". This corresponds to the logic of allocating "geostrategic territories" in the Strategy. The image of the Ural macroregion reflects the prevailing ideas about the Urals: industrialism and connection with significant historical plots, as well as borderline – a function of dividing the country. The Urals itself remains poorly manifested and poorly explained in the context of the present and future.

Keywords: Russia; State Duma; territorial image; macroregion, Ural; content analysis; discourse analysis; spatial development; state policy.

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00624 "Russia's future: content, rationale and boundaries of national consent".

К сведению авторов

«Вестник Пермского университета. Политология» – периодическое издание, в котором публикуются результаты исследований по следующим отраслям политической науки (научным специальностям):

5.5.1. История и теория политики.

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии.

5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики.

5.5.4. Международные отношения.

Журнал выходит 4 раза в год.

Журнал входит в список ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

После выхода из печати полнотекстовые версии номеров размещаются на интернет-сайте журнала и на интернет-сайте Научной электронной библиотеки (elibrary.ru).

Обращаем внимание, что, посылая статью для публикации в журнале «Вестник Пермского университета. Политология», автор тем самым дает согласие на ее размещение в открытом доступе на интернет-сайте журнала (в случае принятия к публикации).

Принимаются рукописи научных статей, рецензий или обзоров, не опубликованные ранее. В случае, если автор решает направить свою рукопись на рассмотрение в другой журнал, он обязан уведомить редакцию «Вестника Пермского университета. Политология» о ее отзыве.

Принимаются к рассмотрению рукописи на русском и английском языках.

Следование настоящим инструкциям обязательно и гарантирует то, что рукопись вашей статьи будет принята редакцией к рассмотрению.

Рукопись должна включать:

- 1) название работы;
- 2) благодарности и/или упоминание организации, при финансовой поддержке которой выполнено исследование, представленное в статье (при необходимости);
- 3) аннотацию (для обзора и научной статьи);
- 4) ключевые слова;
- 5) основной текст, включая (при необходимости) таблицы, графики, иллюстрации;
- 6) приложения (при необходимости);
- 7) библиографический список, включающий статьи и монографии, цитируемые в работе.

Аннотация представляет собой краткий текст, который раскрывает цель и задачи работы, логику построения исследования, его структуру и основные выводы. Аннотация должна быть информативной, давать адекватное представление о проведенном исследовании без необходимости обращения к статье.

Название статьи, аннотация, ключевые слова должны быть на русском и английском языках.

Отдельным файлом должна быть представлена информация об авторе (ах):

- место работы / учебы, должность,
- ученая степень, звание (при наличии),
- адрес электронной почты,
- авторские ORCID и ResearcherID.

В случае, если авторов несколько, то дополнительно указывается контактное лицо и адрес его электронной почты.

Информация об авторе (ах) предоставляется на русском и английском языках.

Объем рукописи

Объем рукописи статьи, обзора – до 40 000 знаков (включая ссылки, подписи к таблицам, графикам и иллюстрациям, библиографический список).

Объем рукописи рецензии до 20 000 знаков.

Объем аннотации – 150–250 слов.

Количество ключевых слов – 7–10.

Требования к оформлению рукописи

Текст оформляется в формате MS Word через 1 интервал, шрифт Times New Roman, размер 14; поля: правое 2 см, левое 2 см, сверху и снизу по 2 см. Выравнивание текста по ширине, отступ первой строки – 1,25. Нумерация по центру страницы.

Иллюстративный материал (при наличии) должен быть высокого качества (600 dpi для оттенков серого и 300 точек на дюйм для цвета, в правильном размере). В случае, если в качестве иллюстраций к тексту используются фотографии, репродукции и иные визуальные материалы, принадлежащие третьим лицам и / или размещенные на открытых публичных ресурсах, то они должны сопровождаться ссылкой на источник и/или иметь необходимое разрешение правообладателя на их повторное использование.

Информация в виде таблиц, диаграмм, гистограмм должна представлять собой новую информацию, а не дублировать содержание текста. Таблицы, диаграммы, гистограммы должны быть доступны для редактирования и представлены отдельным файлом.

Если рукопись содержит уравнения, убедитесь, что они также доступны для редактирования.

Оформление ссылок в тексте рукописи на источники (нормативно-правовые акты, статистические данные, архивные материалы, интервью, мемуары и др.) постраничное (внизу страницы) продолжающейся нумерацией в соответствии с требованиями стиля Гарвард.

Ссылки на цитируемую (упоминаемую) академическую литературу оформляются в скобках, где указываются автор, год, страница(ы):

(Иванов, 2005) / (Иванов, 2005: 7)

(Smith, 2006: 6) / (Smith, 2006)

(Иванов и Симонов, 1999) / (Иванов и Симонов, 1999: 46)

(Kaler & McComb, 2003) / (Kaler & McComb, 2003: 99–100)

Если у цитируемой работы авторов больше двух, то указать первого и ставить – и др. (et al.):

(Иванов и др., 1998) / (Иванов и др., 1998: 99)

(Kaler et al., 2005) / (Kaler et al., 2005: 88–89)

В случае, если цитируются две и более работы одного автора, изданные в один год, то при оформлении применяются следующие правила:

(Иванов, 2005a)

(Иванов, 2005b)

(Smith, 2006a)

(Smith, 2006b)

Если в тексте есть упоминание идей, положений, суждений сразу нескольких авторов и нескольких работ, следует оформлять следующим образом:

(Иванов, 2005; Smith, 2006; Kaler & McComb, 2003).

В случае, если в библиографической ссылке отсутствует автор(ы) (коллективная монография, сборник, документ и т. п.), следует указывать либо название работы, либо фамилию редактора(ов). При этом, если название цитируемой работы состоит из одного-двух слов, то оно указывается полностью, если длинное, то следует дать первые одно-два слова, а далее поставить многоточие, затем знак запятой и год издания.

(Wales Act, 1998)

(ФЗ № 23-45, 2000)

(Было слово..., 2000)

При цитировании изданий одного автора, но относящихся к разным годам, следует указывать фамилию автора и годы через точку с запятой:

(Mitchell, 2010; 2017)

При цитировании источника без даты:

(Smith, no date: 15).

(Кузнецов, б.д.: 16)

При непрямом цитировании:

(Wallet, 2012, cited in Smith, 2016: 89)

Библиографическое описание цитируемых источников и литературы

В конце статьи формируется *Библиографический список / References*, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Вначале указываются источники на русском языке, затем – на иностранных.

Библиографический список должен сопровождаться транслитерацией и переводом русскоязычных источников на английский язык. Для автоматической транслитерации в латиницу рекомендуется обращаться на сайт <http://translit.net> (стандарт транслитерации – BSI).

В случае, если у цитируемой статьи или книги есть присвоенный DOI, следует его указывать.

Библиографическое описание цитируемых источников и литературы оформляется в соответствии с требованиями стиля Гарвард¹.

Книга, монография:

Mitchell, J. A. and Thomson, M. (2017) *A guide to citation*. 3rd edn. London: London Publishings.

Тошович, Б. (2011) *Корреляционная грамматика сербского, хорватского и бошняцкого языков*. (Том 1). Москва: Языки славянской культуры. [Toshovich, B. (2011) *Correlative Grammar of Serbian, Croatian and Bosnian* [Korreljatsionnaya grammatika serbskogo, khorvatskogo i boshnyatskogo yazykov] Vol.1, Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)].

Stone, S. J. (eds.) (2016) *Digital world*. New York: My Publisher.

В: Панов, П. В. (ред.) (2017) *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. Москва: Политическая энциклопедия. [Panov, P. V. (eds.) (2017) *Balancing claims: ethnic regional autonomies, state territorial integrity and ethnic minorities rights* [Balansiruyaya prityazaniya: etnicheskie regional'nye avtonomii, celostnost' gosudarstva i prava etnicheskix men'shinstv]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya. (In Russ.)].

Глава в книге, монографии:

Gray J. N. (2015) 'Soft power' in Kaler, N. T. (ed.) *Contemporary diplomacy*. London: Baker Publishers, pp. 55–78.

Минаева, Э. Ю., Панов, П. В. (2017) 'Конструирование границ и сегментация политического пространства как фактор взаимодействий вокруг этнических региональных автономий' в: Панов, П. В. (ред.) *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. Москва: Политическая энциклопедия, сс. 110–137. [Minaeva, E. Yu., Panov, P. V. (2017) 'The segmentation of political space as a factor for interaction over ethnic regional autonomies' [Konstruirovaniye granicz i segmentaciya politicheskogo prostranstva kak faktor vzaimodejstvij vokrug e'tnicheskix regional'nyx avtonomij] in: Panov, P.V. (eds.) 'Balancing claims: ethnic regional autonomies, state territorial integrity and ethnic minorities rights' [Balansiruyaya prityazaniya: etnicheskie regional'nye avtonomii, celostnost' gosudarstva i prava etnicheskix men'shinstv]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya, pp. 110–137. (In Russ.)].

Книги с анонимными или неизвестными авторами:

The University Encyclopedia (1985). Roydon: London, UK.

Большая советская энциклопедия (1978), Т.30. Москва.: Советская энциклопедия. [Great Soviet Encyclopedia [Bol'shaya sovetskaya encyclopediya] (1978), Vol. 30. Moscow].

Монография (электронное издание или книга online):

Stoker, L. A., Falker, J. and Hatcher, K. P. (2016) *Grey. E-book library* [online]. Available at: URL: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 10.09.2016).

В случае цитирования переводной книги написание фамилий давать в оригинальном, а не в транслитерированном варианте:

Боуэн, У. Г. (2018) *Высшее образование в цифровую эпоху*. Москва: Издательский дом Высшей Школы экономики [электронное издание]. URL: https://id.hse.ru/data/2018/03/13/1165583768/Bowen_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf (дата обращения: 12.08.2018). [Bowen, W. G.

¹ *Harvard Format Citation Guide*. [Online]. Available at: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide> (Accessed: 12 August 2018)

(2018) *'Higher Education in the Digital Age'* [Vysshee obrazovanie v cifrovuyu epoxu] Moskva: Izdatel'skij dom Vysshej Shkoly ekonomiki.] [online]. Available at: URL: https://id.hse.ru/data/2018/03/13/1165583768/Bowen_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf (Accessed: 12.08.2018)].

Статья в периодическом издании (журнале, газете):

Lado, B. (2011) 'Linguistic landscape as a reflection of the linguistic and ideological conflict in the Valencian Community', *International Journal of Multilingualism*, 8(2), pp. 135–150, DOI: 10.1080/14790718.2010.550296.

Mitchell, J. A. 'How citation changed the research world', *The Mendeley*, 62(9) [online]. Available at: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 15 November 2016)

Германова, Н. Н. (2009) 'Искусственные языки воображаемых сообществ: проблема национальных языков в западной лингвистике', *Вестник МГЛУ*, 557, сс. 24–41. [Germanova, N. N. (2009) 'Artificial Languages of Imagined communities: the Problem of National languages in Western Linguistics' [Iskusstvennye yazyki voobrazhaemykh soobshchestv: problema natsional'nykh yazykov v zapadnoi lingvistike], *Vestnik MGLU*, 557, pp. 24–41. (In Russ.)].

Если русскоязычный журнал/газета имеет официальное название на латинице, то следует приводить это название, а не транслитерацию.

Описание диссертации, проектов, студенческих эссе:

Leckenby, R. J. (2005) *Dynamic characterisation and fluid flow modelling of fractured reservoirs*. PhD thesis. Imperial College London.

Энгельгардт, Г. (2005) *Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Возникновение и эволюция (1990–2006 гг.): дис. ... докт. ист. наук. Москва*. [Engel'gardt, G. (2005) 'Republic Serbska in Bosnia and Hercegovina. Genesis and evolution (1990–2006 gg.)' [Respublika Serbskaya v Bosnii i Gercegovine. Vozniknovenie i evolyuciya]. Dr. Diss. (Hist.). Moscow. (In Russ.)].

**Более подробные инструкции для библиографического описания источников и литературы см.:
URL: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide>**

Information for the authors

Thank you for choosing to submit your paper to us. Our journal accepts previously not published articles and reviews. The journal publishes manuscripts in both English and Russian.

The instructions will ensure we have everything required so your paper can move through peer review.

Manuscripts should be compiled in the following order:

- 1) Title;
- 2) Acknowledgements as well as Funding and grant-awarding body (where appropriate);
- 3) Abstract (for article);
- 4) Key words;
- 5) Main text, including tables, graphs and illustrations;
- 6) Appendix (where appropriate); bibliographic list (references), including cited articles and books.

Abstract is a short text that shows the aims, logic, claims and results of the research. The abstract should be informative and give an adequate idea of the research.

The title, abstract, key words are set to be in both English and Russian.

Author(s) details should be submitted as a single file in both English and Russian:

- place of employment / study, position,
- academic degree (if applicable),
- e-mail,
- ORCID & ResearcherID.

In the case there are several authors, please, indicate the contact person and his / her e-mail.

Wordage

Please keep in attention a typographical unit count for your paper. A typical article for the journal should be no more than 40000 typographical units; this limit includes tables, references, figure captions, footnotes, endnotes, and an abstract of 150–200 words.

The wordage of review is about 20000 typographical units.

7–10 keywords.

Formatting and templates

MS Word, single space, TNR 14.

Margins: right 2 cm, left 2 cm, top and down – 2 cm.

Text alignment in breadthwise. Indenture – 1,25.

Please submit illustrations of high quality (600 dpi for shades of gray and 300 dots per inch for color, in the correct size).

If you use photos, images and other visual materials that are property of other persons, please provide the necessary permission of the right holder to reuse them.

Tables and graphs should be available for editing and presented as a separate file. If the manuscript contains equations, make sure that they are also editable.

Quoting sources (acts, statistical data, archival materials, interviews, memoirs, etc.) are paginated (at the bottom of the page) and continued numbering by the requirements of Harvard Style

Cited articles and books in-text:

(Smith, 2006: 6) / (Smith, 2006)

(Kaler & McComb, 2003) / (Kaler & McComb, 2003: 99–100)

(Kaler et al., 2005) / (Kaler et al., 2005: 88–89)

(Smith, 2006a)

(Smith, 2006b)

(Иванов, 2005; Smith, 2006; Kaler & McComb, 2003).

(Mitchell, 2010; 2017)

(Smith, no date: 15)
(Wallet, 2012, cited in Smith, 2016: 89)

Format bibliographic list (references) in Harvard Style.

If it is applicable, please indicate DOI of cited articles and books.

Book:

Mitchell, J.A. and Thomson, M. (2017) *A guide to citation*. 3rd edn. London: London Publishings.

Stone, S.J. (eds.) (2016) *Digital world*. New York: My Publisher

A chapter in edited book:

Gray J.N. (2015) 'Soft power' in Kaler, N.T. (ed.) *Contemporary diplomacy*. London: Baker Publishers, pp. 55–78.

No author:

The University Encyclopedia (1985). Roydon: London, UK.

On-line book:

Stoker, L.A., Falker, J. and Hatcher, K.P. (2016) *Grey. E-book library* [online]. Available at: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 10 September 2016)

Article:

Lado, B. (2011) 'Linguistic landscape as a reflection of the linguistic and ideological conflict in the Valencian Community', *International Journal of Multilingualism*, 8(2), pp. 135–150, DOI: 10.1080/14790718.2010.550296

Hunter, F.A. 'How political order changed?', *The Journal*, 34(8) [online]. Available at: <https://www.thejournal.com> (Accessed: 15 May 2018)

Unpublished thesis:

Leckenby, R.J. (2005) *Dynamic characterization and fluid flow modelling of fractured reservoirs*. PhD thesis. Imperial College London.

For instructions that are more detailed please see:

URL: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide>

Вестник Пермского университета.
Политология
2021. Том 15. № 4

Bulletin of Perm University.
Political Science
2021. Vol. 15. № 4

Научное издание

Редактор *Л. Л. Савенкова*
Корректор *Л. Л. Соболева*
Компьютерная верстка *Н. М. Беляевой*

Подписано в печать _____.____.2021.
Выход в свет _____.____.2021.
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. _____.____.
Тираж 500 экз. Заказ _____.

Адрес учредителя, издателя и редакции:

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
(Историко-политологический факультет)

Издательский центр ПГНИУ
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография ПГНИУ
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Распространяется бесплатно и по подписке

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 41006